

# РусскийМир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

## ВРУБЕЛЬ

### илюстратор души

Что таится за картинами

Михаила Врубеля



*И мы сохраним тебя, русская речь,  
Великое русское слово.  
Свободным и чистым тебя пронесем,  
И внукам дадим, и от плена спасем  
Навеки!*



Анна Ахматова



**РУССКИЙ МИР** – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.  
**РУССКИЙ МИР** – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.  
**РУССКИЙ МИР** – это примирение, согласие, лад.  
**РУССКИЙ МИР** – это община, общность, социальная и культурная гармония.



**РУССКИЕ ЦЕНТРЫ** – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

**РУССКИЕ ЦЕНТРЫ** – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

**[www.russkiymir.ru](http://www.russkiymir.ru)**

# ЗА МИР С УКРАИНОЙ

**О**ТНОШЕНИЯ РОССИИ С УКРАИНОЙ ВЫШЛИ НА новую стадию кризиса. Когда некоторые заговорили даже о возможности большой войны между странами, которые еще недавно назывались «братьскими».

Во многом это стало результатом политики Запада по «перетягиванию каната» с Россией, даже задолго до «майданного» госпереворота в 2014 году, политики по отрыву Украины от Русского мира, неотъемлемой частью которого она была исторически веками.

Более того, его истоки, духовные корни лежат именно в Киевской Руси и Тавриде. Нынешние руководители Украины, многие из которых шли на выборы под лозунгами примирения, поиска компромиссов с Россией и собственными регионами на Юго-Востоке, в результате попали под влияние милитаристских националистических сил, готовых выступить ландскнехтами в борьбе Запада против России, в которой Украина выступает лишь «полем боя». И стали недоговороспособными.

Миллионы людей, в том числе те, чьи семьи теперь разделены границами вражды, с болью смотрят на происходящее. Но и с надеждой. На то, что вековая дружба между нашими народами перевесит привнесенные не без влияния извне вражду и недоверие. ⚡

## ИНТЕРВЬЮ

**06** «Труднее всего играть романтическую музыку...»



## ИСТОРИЯ



**14** Алхимист императора всея Руси



**22** Эскиз к портрету адмирала Крузенштерна

## НАСЛЕДИЕ

**30** Добрая судьба



**36** Веривший в человека



**44** Вестник иных миров

## ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

**54** Архипелаг графа Потоцкого



## СИТУАЦИИ

**60** Сны о деревянной Вологде

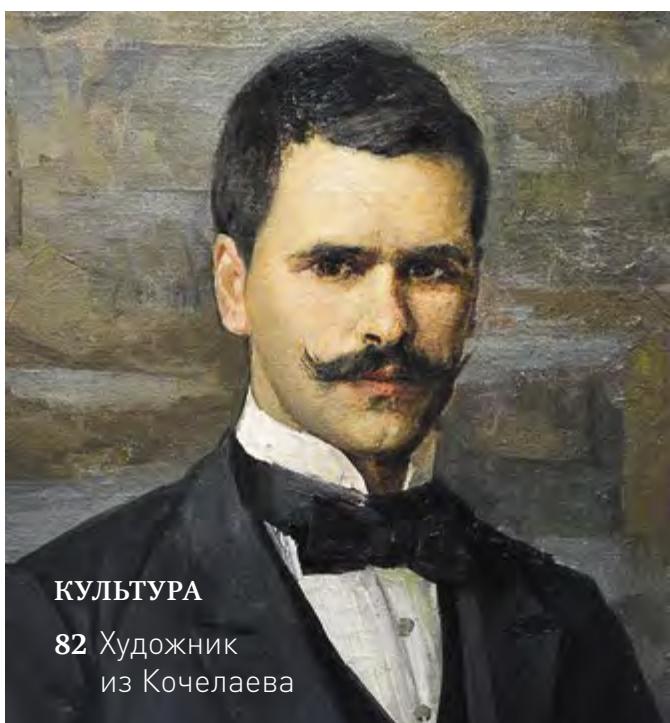
## МУЗЕИ



**66** В особых  
отношениях  
с небом

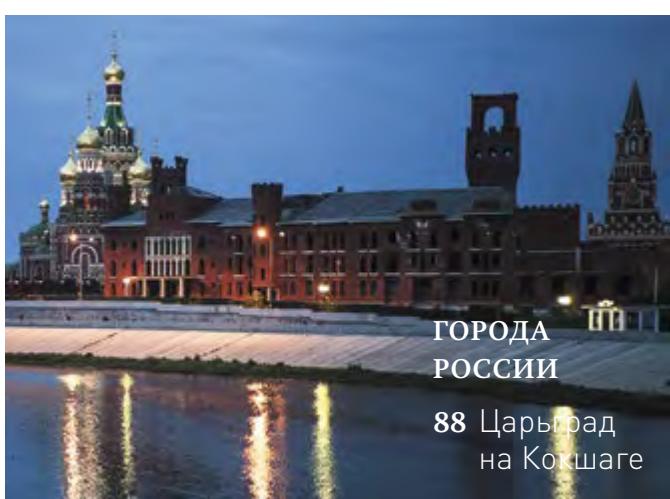


**76** Русские спириты



## КУЛЬТУРА

**82** Художник  
из Кочелаева



## ГОРОДА РОССИИ

**88** Царьград  
на Кокшаге

## Фонд «Русский мир»

Председатель правления  
фонда «Русский мир»  
**Вячеслав НИКОНОВ**

Главный редактор  
**Георгий БОВТ**

Шеф-редактор  
**Лада КЛОКОВА**

Арт-директор  
**Дмитрий БОРИСОВ**

Заместитель главного редактора  
**Андрей СИДЕЛЬНИКОВ**

Ответственный секретарь  
**Елена КУЛЕФЕЕВА**

Фоторедактор  
**Нина ОСИПОВА**

Литературный редактор и корректор  
**Елена МЕЩЕРСКАЯ**

Распространение и реклама  
**Ирина ГРИШИНА**  
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:

**Арина АБРОСИМОВА**  
**Мария БАШМАКОВА**  
**Александр БУРЫЙ**  
**Сергей ВИНОГРАДОВ**  
**Михаил ЗОЛОТАРЕВ**  
**Дмитрий КОПЕЛЕВ**  
**Ирина ЛУКЬЯНОВА**  
**Алексей МАКЕЕВ**  
**Елена МАЧУЛЬСКАЯ**  
**Евгений РЕЗЕПОВ**  
**Андрей СЕМАШКО**  
**Дмитрий УРУШЕВ**  
**Денис ХРУСТАЛЁВ**  
**Марина ЯРДАЕВА**

Верстка и допечатная подготовка  
ООО «Издательско-полиграфический центр  
«Гlamур-Принт»  
[www.glamourprint.ru](http://www.glamourprint.ru)

Отпечатано в типографии  
ООО ПО «Периодика»  
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:  
117218 Москва,  
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2  
Телефон: (499) 519-01-68  
Сайт журнала:  
<https://rusmir.media>  
Электронный адрес:  
[rusmir@rusmir.media](mailto:rusmir@rusmir.media)

Свидетельство о регистрации  
ПИ №ФС77-30492  
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи  
и не вступает в переписку

На обложке:  
коллаж Антона БИЗЯЕВА



# ФОНД РУССКИЙ МИР

## СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА



**КОЗАК Д.Н.**  
Заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, председатель попечительского совета Фонда



**КРАВЦОВ С.С.**  
Министр просвещения Российской Федерации, заместитель председателя попечительского совета Фонда



**ЛАВРОВ С.В.**  
Министр иностранных дел Российской Федерации



**ЛЮБИМОВА О.Б.**  
Министр культуры Российской Федерации



**ФАЛЬКОВ В.Н.**  
Министр науки и высшего образования Российской Федерации

## СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»



**НИКОНОВ В.А.**  
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам, председатель правления Фонда



**АЛЯУТДИНОВ Р.Ж.**  
Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД России



**БОГДАНОВ С.И.**  
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена»



**КОРТАВА Т.В.**  
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»



**ОСАДЧИЙ М.А.**  
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»

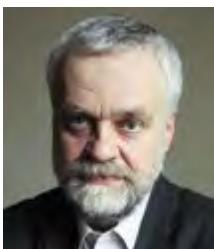


**ШЕВЦОВ П.А.**  
Заместитель руководителя Россотрудничества

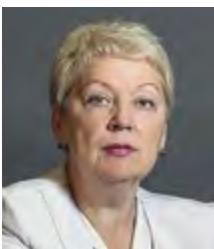
## СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»



**ТОЛСТОЙ В.И.**  
Советник президента Российской Федерации, председатель наблюдательного совета Фонда



**ВАРЛАМОВ А.Н.**  
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Литературный институт имени А.М. Горького»



**ВАСИЛЬЕВА О.Ю.**  
Председатель попечительского совета федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия образования»



**ВЕРШИНИН С.В.**  
Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации



**ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ Г.В.)**  
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата



**КРОПАЧЕВ Н.М.**  
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»



**МАСЛОВ И.В.**  
Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами



**НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.**  
Президент Фонда изучения исторической перспективы



**НЕВЕРОВ И.С.**  
Начальник Управления Президента Российской Федерации по внешней политике



**НИКОНОВ В.А.**  
Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по международным делам



**ПИОТРОВСКИЙ М.Б.**  
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»



**ПРИМАКОВ Е.А.**  
Руководитель Россотрудничества



**САДОВНИЧИЙ В.А.**  
Ректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»



**СИМОНЯН М.С.**  
Главный редактор федерального государственного унитарного предприятия «Международное информационное агентство «Россия сегодня»



**ТОРКУНОВ А.В.**  
Ректор федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»



**ФИЛАТОВ А.Е.**  
Начальник Управления Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству

# «ТРУДНЕЕ ВСЕГО ИГРАТЬ РОМАНТИЧЕСКУЮ МУЗЫКУ...»

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

СЕРЬЕЗНЫМИ ЮБИЛЕЯМИ ОТМЕЧЕНЫ  
ДЛЯ ЮРИЯ БАШМЕТА ПРОШЛЫЙ И НАСТУПИВШИЙ ГОДЫ:  
25 ЛЕТ ИСПОЛНЯЕТСЯ «ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ КАФЕДРЕ АЛЬТА» В МОСКОВСКОЙ  
КОНСЕРВАТОРИИ, 35 ЛЕТ – КАМЕРНОМУ АНСАМБЛЮ «СОЛИСТЫ МОСКВЫ»  
И 45 ЛЕТ – ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И КОНЦЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ САМОГО МАЭСТРО.  
В ЕГО РАБОЧЕМ ГРАФИКЕ НЕПОСТИЖИМО УЖИВАЕТСЯ НЕВЕРОЯТНОЕ  
КОЛИЧЕСТВО ТВОРЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ, СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ ПРАКТИЧЕСКИ  
НЕ БЫВАЕТ. С ИЗВЕСТНЫМ ДИРИЖЕРОМ, АЛЬТИСТОМ, НАРОДНЫМ АРТИСТОМ  
СССР ЮРИЕМ БАШМЕТОМ МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ,  
ПОСЛЕ РЕПЕТИЦИИ, ЧТОБЫ ПОГОВОРИТЬ О ТАЙНАХ РОЖДЕНИЯ  
И ЖИЗНИ МУЗЫКИ.

– Ю

РИЙ АБРАМОВИЧ, ДВАДЦАТЬ лет назад был создан Государственный симфонический оркестр «Новая Россия». Чем он отличается от других оркестров, что главное?

– Я убежден в том, что любому великому мастеру свойственны свой язык, свои находки, собственные трактовки каких-то произведений. Зачастую именно этого от них ждет аудитория. Но случается, эти находки превращаются в штампы, и постоянные их повторы исполнителем уводят от реальной авторской идеи. Поэтому когда я беру партитуру классической симфонии – Бетховена, Чайковского, Моцарта, – я представляю следую-

щую сцену. Ко мне ворвался Альфред Гарриевич Шнитке – кстати, это было на самом деле – с нотами, которые никто еще не видел! Он только что сочинил музыку и пришел с вопросами: можно ли это так сыграть или – так, это место или это, а покажи мне, каким будет самое громкое звучание вот здесь?

Понимаете, ведь даже шедевры, сотни раз исполненные и записанные великими мастерами с прекрасными находками, часто исполняются именно с трактовкой того или иного исполнителя. Поэтому лучше всегда видеть чистый текст. Стремиться, чтобы исполнение реально приближалось к авторской идеи. Собственно, это и есть мой путь. Ну, во всяком случае, я так думаю.





Я принял предложение возглавить коллектив «Новая Россия» – тогда он назывался «Молодая Россия», – потому что это был самый молодой оркестр. Очень сильный состав, и музыканты были в том возрасте, когда еще можно объяснить человеку, чего ты хочешь добиться, из него еще можно что-то «лепить», приучить его какую-то ноту играть тихо, но невероятно эмоционально. И увести его от банальностей. Расширить его возможностей. Вот он играет очень красивым звуком, качественно, и все знают, что он – такой, и всё, а другого – не может. Понимаете? Опытный коллектив, о котором знают, на что он способен, очень трудно сдвинуть с мертвой точки: музыканты играют так, как играют.

Но, честно говоря, я тогда вообще не очень хорошо относился к профессии дирижера.

– **Почему?**

– Для дирижера что важно в концерте? Симфония и его прочтение симфонии. Например, в классике. А дальше, если оркестр аккомпанирует, то внимание на солисте, которому дирижер

должен помочь, а не мешать. Есть дирижеры, которые подходят к такой работе с тем же градусом понимания, с тем же рвением, как и к прочтению симфонии. Это редко, но, конечно, встречается – Лазарев, Дмитриев, Темирканов, Гергиев. Таким был Ростропович. За рубежом тоже можно назвать лишь несколько имен. Например, я-то как альтист лучше знаю концерт Бартока: вот играю, сейчас вступит гобой, и я с ним начинаю разговаривать. А дирижер, выясняется, этих подробностей не знает. В лучшем случае он даст знак гобою вступить... В общем, я тогда не любил дирижеров. Но как-то во Франции, на фестивале в городе Туре, за три дня до выступления менеджер начал меня уговаривать заменить неприехавшего дирижера – Валеру Гергиева, с которым мы дружим. Камерный сборный оркестр, студенты. Я с ними позанимался и настолько увлекся, что в Москве через месяц появился ансамбль «Солисты Москвы». Мне всегда хочется все сделать по максимуму, но, когда выступаю с таким дирижером, как Гергиев, у меня впечатление, что играю выше своих возможностей! Сильнейшая идет энергия!

С Рихтером так было – мы вдвоем много играли. С Ростроповичем. Это был уникальный виолончелист и потрясающий партнер.

– *И вы, еще студентом консерватории, играли на двух прощальных концертах Ростроповича, перед его изгнанием из СССР. И через двенадцать лет встретились с ним в Милане, боялись, что он вас забыл, не узнает. А он бросился вас обнимать...*

– Да, было.

– *Много лет назад я спросила Галину Павловну Вишневскую: не велика ли была жертва во имя дружбы – изгнание, потеря гражданства, родины? Все, что последовало после того, как Ростропович и Вишневская заступились за своего друга Александра Солженицына. Обсуждали ли вы с ними эту ситуацию?*

– Ростропович, безусловно, страдал. На Западе он получил все, что было возможно, а перед этим, не надо забывать, он получил все, что было возможно, в Советском Союзе – звания и так далее. Страдал он от того, что не имел возможности приехать на родину – это было ущемление его свободы. Так я бы к этому отнесся. А с политической точки зрения... Ну, во все времена у людей были разные мнения: кто-то боялся, кто-то не хотел, но вступил в партию – Шостаковичу по этому поводу позвонил лично Сталин. Прокофьев на Николиной Горе жил, когда вышло постановление «Сумбур вместо музыки» (в газете «Правда» 28 января 1936 года вышла статья, резко критикующая некоторых деятелей культуры за «формализм» и «антинародность»). – **Прим. авт.**) Обычно он утром любил прогуливаться по тропинке, покупал парное молоко, а в то утро люди отворачивались и не здоровались с ним. Вот недавно вышел фильм о Рихтере: практически все подводится к тому, что он был антисоветчиком. Никогда в жизни он им не был! Он был за правду и против насилия. Терпеть не мог, когда шли поперец его воли... Например, он был против вспышек фотоаппаратов на концертах, они его отвлекали.

– *Странно, что это вообще разрешалось...*

– Был такой случай в Париже. Рихтер поставил условие менеджеру, чтобы во время выступления его не фотографировали. Но когда он вышел на сцену, то увидел устроившегося в оркестровой яме фотографа. Рихтер подошел к краю сцены и, опустившись на колено, шепотом попросил его выйти, потому что съемка будет ему мешать. Фотограф же имел неосторожность ответить, что получил разрешение администрации снимать концерт. Рихтер попросил еще раз, фотограф снова отказался. И тогда Рихтер ушел со сцены, пошел на Елисейские Поля. Моросил дождь. Рихтера догнала его менеджер во Франции мадам Пурсен, пожилая женщина: «Слава, что ты делаешь! Пожалуйста, вернись!» «Я же не мог отказать, – рассказывал мне потом Рихтер. – В конце концов она опустилась на колени прямо в лужу, при всех, на Елисейских Полях.

И я ей сказал: «Но только при одном условии. Во-первых, встань... И кто-то должен выйти и объяснить публике ситуацию, а то опять скажут, что я какой-то сумасброд, сумасшедший – вдруг взял и ушел». И был очень хороший концерт... Но главное, что потом! У артистической чуть ли не драка была с этим фотографом, но Рихтер его спас и пригласил на ужин.

– *Удивительно, как ваша жизнь богата творческими встречами с потрясающими личностями! При этом вам самому пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы вывести альт из тени, ведь несправедливо мало написано для этого инструмента сольных сочинений...*

– Но почему альт вышел в сольность? Не из-за каких-то обстоятельств и всей подготовительной атмосферы и почвы, и не только из-за меня. А потому, что драматическую «шекспировскую» роль поручили альту сами композиторы. Потому что, скажем, Шостакович сонату написал именно для альта! И альт стал очень значимым инструментом. Альфред Шнитке, Гия Канчели, София Губайдулина, Александр Чайковский, Андрей Эшпай писали уже специально для альта и для меня. Вот Шнитке посвятил мне альтовый концерт, который начинается с авторского указания: *piano –тихо*. Я играл этот концерт в разных странах, но играл по-разному. И в какой-то записи я сыграл не *piano*, а уж как минимум попробовал *mezzo forte* – не очень громко. Альфред мне сказал: «Знаешь, поскольку ты идешь по заданному, говоришь по сути о том, о чем это написано, то можешь играть *fortissimo*, можешь *piannissimo* – как хочешь – я тебе даю карт-бланш!» Я часто этот концерт играл, и все больше и больше склонялся к тому, что должно начинаться именно с *piano* – как автор написал, и нечего тут мудрить! Я ушел в это понимание, хотя зарекаться не буду. К тому же многое зависит от состояния аудитории: для того, чтобы начать этот концерт так тихо, нужна большая пауза перед началом, чтобы в зале установилась полная тишина.

– *А насколько можно и нужно себя беречь от чужого влияния, чтобы стать в искусстве самостоятельной личностью?*

– Увлекаться кем-то – это хорошо! Но важно соотносить это с собственным желанием и собственными устремлениями. А чтобы они были собственными, нужны фантазия, интуиция. Подозреваю, что вопрос фантазии и интуиции – это некая копилка, за которой мы не следим. Надо как можно внимательнее жить – и все! Но это внимательность ежесекундная вообще по жизни – ко всему: как кто повернулся, кто как ответил, какой-то фильм или книга... И то же самое – если услышал чье-то исполнение. Я заметил, например: мне, как правило, не очень нравится, когда слушаю чужое исполнение того, что и сам исполняю, потому что у меня там настолько уже своя история. Но мне может очень нравится тот же музыкант, играющий другое про-

изведение того же автора... Я как-то спросил Рихтера: почему вы не играете Третий концерт Бетховена? Он сказал: «Однажды я услышал Константина Игумнова – это было потрясающе, и я понял, что не сумею так сыграть, как он, поэтому вообще не играю этот концерт». Есть такое у музыкантов...

– *И у каждого в копилке очень индивидуальный набор...*

– Мне кажется, у нас где-то в подкорке есть место, где копилка находится, и, если ты чем-то увлечен, есть шанс, что из этой копилки начнет просачиваться что-то стоящее. Это и есть, я думаю, интуиция. Потому что откуда ни возьмись не берутся смелые талантливые вещи. Музыка состоит из звука, который в себе уже несет содержание. Одна нота – она уже несет содержание! Я уже не говорю о мелодии и гармонии. Мне очень нравится пробовать, даже рисковать, идти на основе авторских пожеланий – без исполнительских наслаждений, это очень важно. И смело пробовать, а потом, в идеале, находясь на сцене перед публикой, от всего, что попробовал, сознательно отказаться. И в этот момент появляется импровизационный вариант.

– *С одной стороны, строгое следование авторской партитуре сдерживает свободу исполнителя. С другой стороны, музыка – самый абстрактный вид искусства, дающий свободу восприятия слушателю. Здесь какой-то парадокс существует?*

– Исполнитель очень свободен. Просто он должен быть обученным – это профессия и ремесло. И лучше всех учит Московская консерватория. Но по поводу несвободы я не соглашусь. Импровизация в классической музыке гораздо выше, тоньше, сложнее, интереснее, чем даже в джазе. Из одного и того же музыкального фрагмента может вырасти совершенно другое повествование и о другом. Скажем, если не самое сложное произведение Баха разложить по тактам, из каждого такта сочиняя три-четыре популярные и очень красивые песни, то можно стать мультимиллиардером! Примеров – очень много! Или Шуберта возьмите: знаменитое начало – три ноты «Неоконченной симфонии» – сразу от первого лица идет рассказ. И те же три ноты в другом его произведении уходят в такой мрак и в такой бешеный вопрос и потом в какое-то развитие... Вот как сам автор мыслил! И это почти у всех композиторов есть.

– *Может вырасти, построиться. Но ведь может и разрушиться то, что есть в партитуре...*

– Может. Поэтому есть профессиональные понятия, и музыкантов с детства учат, как строить фразу, потом сама фраза – что это, ее местоположение, как соотносится тема с разработкой произведения, потом – с репризой, с формой сочинения... Это Школа. У нас в музыке рамки-то нет, как в живописной картине, где есть визуальные границы. А наша рамка – это время. Можно ведь на йоту позже сыграть одну ноту в мелодии, но, соот-

ветственно, нужно владеть временем: если одна нота позже появится, то последующая за ней нота должна компенсировать опоздание предыдущей. И складывается вроде та мелодия, которую все знают, та же тема, но она звучит уже по-другому. Это настолько живой процесс! Он связан и с состоянием, и с настроением исполнителя, и с тем, какая стоит погода – большая влажность влияет на биение сердца, на инструменты, – и с восприимчивостью публики: в каком состоянии пришел слушатель, как он добрался до зала... Очень многое составляющих влияет на этот процесс.

– *Еще один ваш юбилей – десять лет существует основанный по вашей инициативе Всероссийский юношеский симфонический оркестр...*

– Да, прошло уже десять лет, и я очень доволен результатом. Такой оркестр впервые создан именно в нашей стране. У нас работают ребята с 11 до 22 лет – это самый молодой действующий коллектив на зарплате. Из-за взросления необходима ротация, мы, конечно, со слезами на глазах прощаемся с ребятами, но нужно освобождать места для следующего поколения. И даже если жизнь у кого-то из них повернет в другую от музыки сторону, все равно 99 процентов этих ребят уже можно назвать музыкантами – у них есть профессия, знания и ремесло. Это школа жизни во всех отношениях. За десять лет кто-то стал лауреатом международных конкурсов, кто-то прошел консерваторию, кто-то остается у своего профессора ассистентом. А в оркестре «Новая Россия» работают теперь ударница, валторнистка, флейтистка, скрипачка – они вышли из Юношеского оркестра. Даже образовались семейные пары! Это невообразимый проект, но он реально действует. Вспоминаются слова Сергея Михалкова: «Сегодня это дети, а завтра – народ». Кстати, на концерте Юношеского оркестра в Москве Никита Сергеевич сказал со сцены: мы ищем национальную идею – а вот она! И это не я придумал, но я тоже так думаю. При потрясающей помощи, конечно – у нас президентский грант для музыкальных центров и академий, которых по стране сейчас много.

– *Талантливых в разных областях детей у нас в стране действительно очень много. Но наверняка у вас сложнейший конкурсный отбор...*

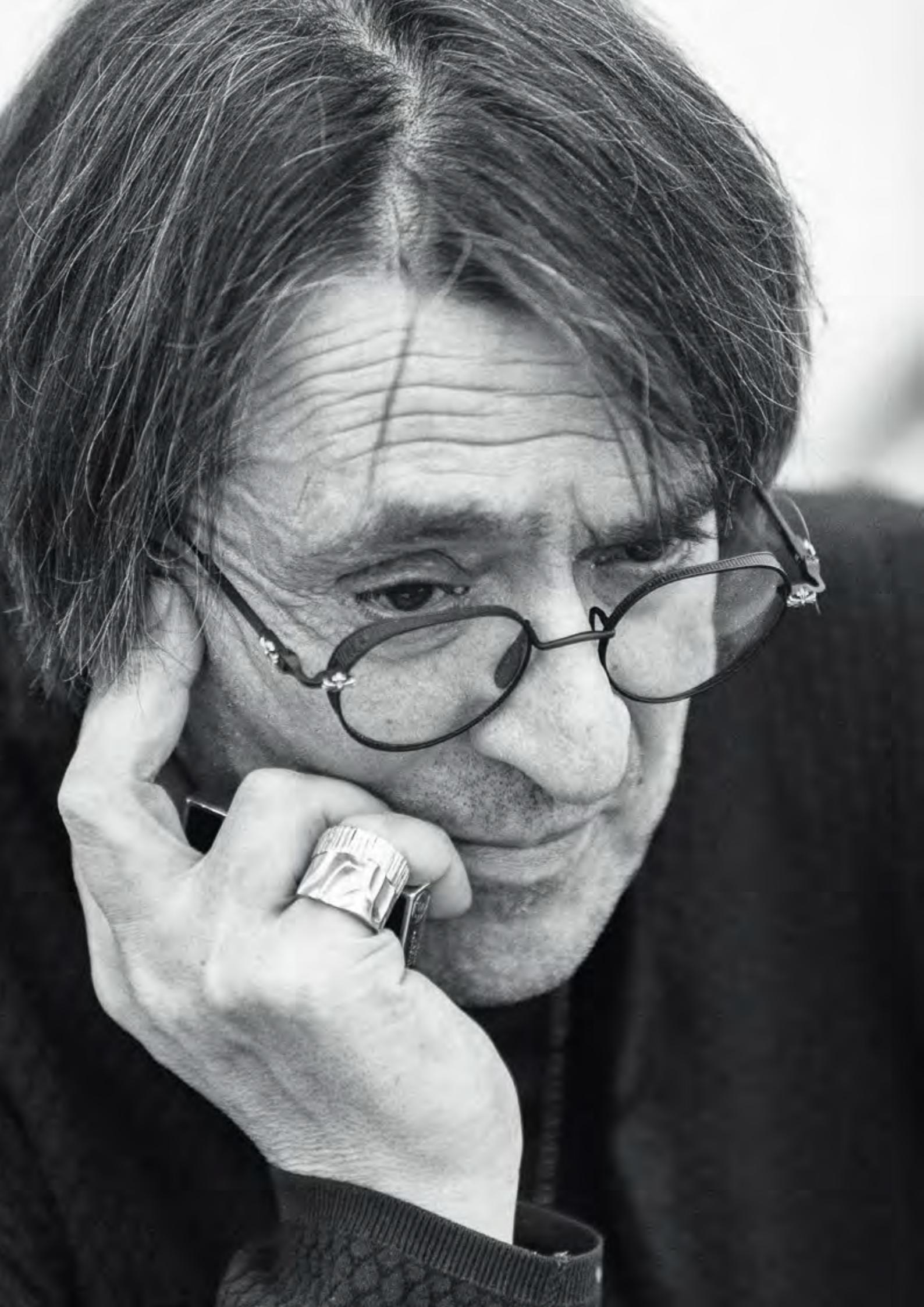
– Да, настоящие конкурсы в подростковом возрасте – это очень важно. Но наши конкурсы выдерживают только лучшие исполнители. И так – раз в два года. В прошлом конкурсе участвовали 850 человек! Притом что всего в оркестре играет около 100 музыкантов. И нам надо было из 850 отобрать человек 40. С нашим конкурсом у них появляется реальный шанс попасть в столицу нашей родины, в лучший молодежный оркестр, ездить на гастроли, играть в самых знаменитых залах. Юношеский оркестр выступал и в венской Musikverein, и в Карайновской филармонии в Берлине, и в Милане, и по Азии ездили.



И в какой-то момент я подумал: они видели женевский фонтан, а что такое ботик Петра и где он находится – не знают. Дети из Красноярска, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Ярославля, Казани – они же не видели наших городов. И мы организовали тур – 10 концертов по России, во время которого каждый день у ребят были экскурсии. Они посмотрели города Золотого кольца. А после экскурсий у нас были репетиции с участием скрипача Виктора Третьякова – это ходячая легенда просто! Дети очень внимательно следили, за-писывали аппликатуру, штрихи – как играет Третьяков. В финале сделали общую фотографию: стоим мы с Витей и весь оркестр. Для детей это очень важно! Вспоминаю, как я сам в юности ходил по коридорам Московской консерватории и здоровался с Леонидом Коганом, Давидом Ойстрахом, Эмилем Гильельсом, Мстиславом Ростроповичем. А потом уже молодые звезды – тот же Третьяков, Олег Каган, Владимир Спиваков, Наталья Гутман, могу не всех назвать сейчас. Представляете, что такое для ребят находиться на сцене одновременно с такими мастерами!

– *И самое поразительное в этом проекте, что дети играют на одном уровне с профессионалами, как будто возраста просто нет! Я была на московском концерте в Большом зале консерватории, во второй части вы исполняли симфоническую сказку для детей «Петя и волк» Сергея Прокофьева, текст читал Константин Хабенский. Но вы даете детям исполнять и взрослый репертуар – Бетховен, Григ, Чайковский, Стравинский, Шостакович. Они же еще не понимают этой сложной музыки!*

– Это у нас с вами может быть ошибочное мнение, что они не понимают. Но они все понимают. Если Юношеский оркестр играет «Ромео и Джульетту» Прокофьева или Чайковского, то многие из музыкантов находятся в том же возрасте, что и герои произведения. Они могут думать и чувствовать в этом возрасте, возможно, даже сильнее, чем взрослые. И, кстати, благодаря нашей работе они прочтут эту шекспировскую трагедию... Мы исполняем разную музыку. Принципиально. Недавно мы возили на гастроли Пятую симфонию Шостаковича, затем – Первую симфонию Шостаковича. Современный композитор Кузьма Бодров



сочинил специально для Юношеского оркестра «Путеводитель по оркестру», который раньше никто не играл. Я совершенно не думаю о том, что они могут не понимать музыку...

– *А как вы относитесь к нашествию демократизации в искусстве, даже в исполнительстве классической музыки?*

– Если человек обучен и его база образования – академическая, он абсолютно свободен. Может делать что угодно. Ведь если ты обучен, то наверняка для тебя ценные стиль и вкус. А если они нарушаются, тогда я просто не беру это во внимание. Вульгарность непозволительна. Я за многоизначительность.

Почему для всех музыкантов最难的 всего играть романтическую музыку? Потому что при ее исполнении неискренность и фальшь сразу слышны. Чем строже играется романтика, тем лучше. Шопена надо играть собранно, а не расплыватьсь в каждой ноте. Рахманинова – категорически строго надо играть! Но к этому приходишь уже с возрастом и опытом...

– *Вы как-то сказали, что ваше любимое произведение – Шестая симфония Чайковского, и это высшее романтическое произведение, которое вы знаете. Но если романтика вдохновляет, завораживает, то Шестая симфония Чайковского – исповедальная, эмоционально тяжелая, трагическая. Последние сочинения композиторов – это особенная музыка?*

– Шестая симфония, безусловно, исповедь. Что, в общем, не требует каких-то комментариев. В этой симфонии есть все. И что касается ухода автора из жизни, то автор его чувствует... Это не обязательно последнее произведение, но часто и последнее. Когда состоялась премьера Опуса 147 для альта и фортепиано Шостаковича, все говорили: не стало гения, вот его последнее произведение. Меня это очень трогает и касается – эта соната посвящена моему совершенно гениальному учителю Федору Серафимовичу Дружинину. Потом я сам ее много играл. Эту музыку разбирали теоретики: есть цитата из Лунной сонаты Бетховена – чуть-чуть, в измененном виде, но узнается сразу; во второй части – прямая цитата из «Игроков» самого Шостаковича. И, собственно, все. Уже несколько лет я ее играл, и один элемент мне что-то напоминал, я мучился и не мог понять... Я всегда любил «Дон Кихота» Рихарда Штрауса. Мне повезло, я играл эту музыку с Ростроповичем, дирижировал его большой друг Сэйдзи Одзава. Это были последние пять концертов Ростроповича по столицам Европы. Дон Кихот – виолончель, Санчо Панса – альт. Партия альта намного меньше, и для меня было много вопросов: чтобы быть в контрасте, как играть всю партию – с юмором или с какой-то грубоностью? Вообще думаю, что Рихард Штраус сочинял это именно для Славы – как будто знал, что будет играть единственный луч-

ший абсолютный Дон Кихот – сам Ростропович! Про Санчо Пансу – не знаю... И вдруг я понял, что в последнем произведении Шостаковича главный лейтмотив – из «Дон Кихота». И более того, он к этому приходит по тональному плану – в конце звучит до-мажор без черных клавиш, все – чистые-чистые белые клавиши: соль-до-соль долго-долго. Альт в это время тянет одну ноту ми, обозначающую мажорность в тональности. И это постепенно-постепенно растворяется. И это все – последние восемь тактов – уже нет развития никакого, просто уход из жизни... Вот с чем ушел Дмитрий Дмитриевич – «Дон Кихот» и чистый до-мажор: осмысление и такой уход. Казалось бы, идея та же, что у Штрауса, но она эстетически на другом уровне – просветление какое-то.

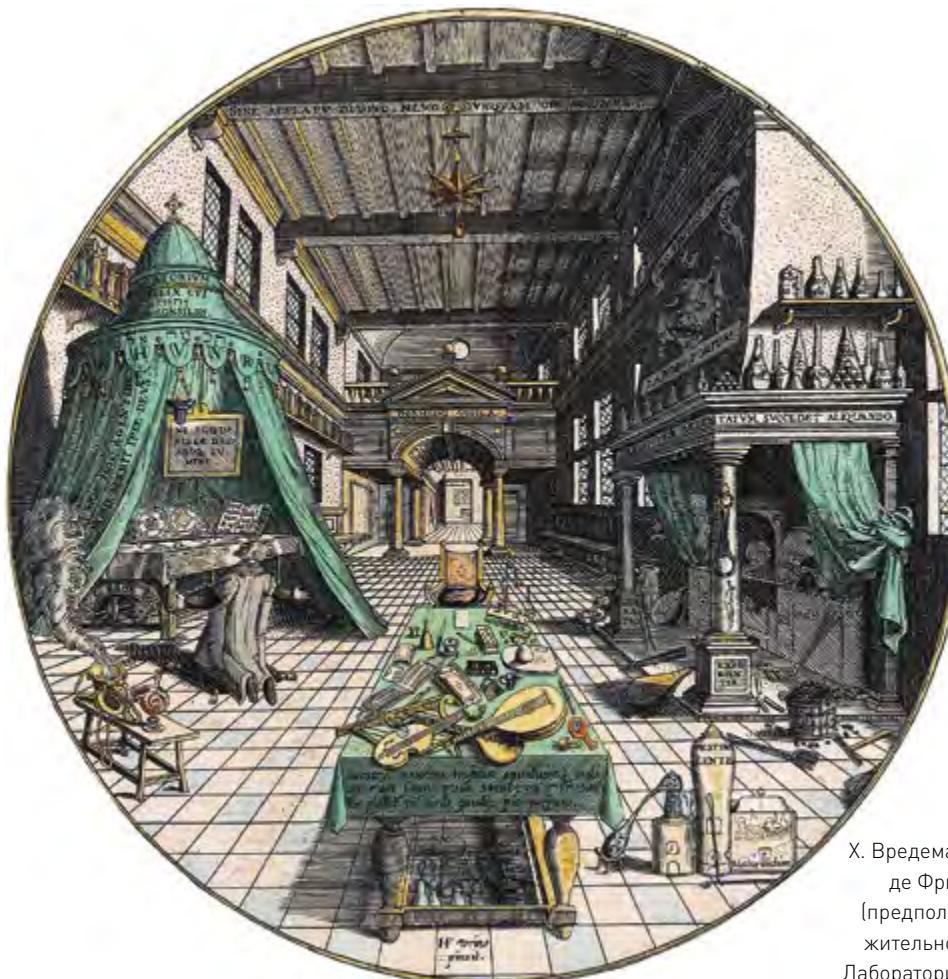
И Шнитке, который считал альтовый концерт своим лучшим инструментальным сочинением, тоже заканчивает его тихо, но там нет определения мажора-минора, все в сомнении растворяется. Когда он его дописал, Альфред не ушел из жизни, но случился инсульт, трое суток он был между жизнью и смертью...

– *Лежал в коме?..*

– Да. А потом еще десять лет активно работал, сочинил концерт, и Наташа Гутман гениально играла его. Фантастический апофеоз самой жизни! Это следующее, что Альфред после инсульта написал. Я был на той премьере. И спросил его: «А ты в те трое суток что-нибудь видел, слышал, можешь вспомнить, о чем ты думал?» Он мне сказал: «Нет, я не буду говорить. Это очень страшно... И вообще, я заглянул в альтовом концерте туда, куда человек не имеет права заглядывать». Потом был еще один удар и еще – у него было четыре инсульта! В конце концов он ушел из жизни.

– *Дон Кихот – романтик, Чайковский – романтик, Шостакович – романтик... И сколько душевной боли и разочарований в жизни они испытали. Романтизм – безнадежен?*

– Сама наша жизнь настолько разнообразна – вот этот весь дар! Мы все получили дар, раз мы родились. На жизненном пути много всего происходит. И романтическая музыка, которая вошла в себя опыт всей предыдущей классики, наиболее близка к самой жизни. Посмотрите: когда мы говорим «романтика», то сразу понимаем, что в этом направлении очень много гениев! Очень важная фигура – Шуберт: абсолютный классик по форме и уже романтик по мелодическому языку. До романтизма 1810-х годов, в ста-ринной музыке, нам очень трудно услышать наши состояния и тему самого человека. Был, конечно, и XVIII век – великий Бах, и великий Гендель, и гений Вивальди, и фантастический Россини, а музыка Моцарта – космос! Да, безусловно! Но все же знак равенства я бы поставил между жизнью и романтикой, в которой соединились и жизнь, и смерть, и ненависть, и любовь... 



ПРЕДСТАВЛЕННО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Х. Вредеман  
де Фрис  
(предположительно).  
Лаборатория  
алхимики.  
1595 год.  
Гравюра  
из трактата  
Генриха Кунрата  
*Amphitheatrum  
sapientiae  
aeternae*

# АЛКИМИСТ ИМПЕРАТОРА ВСЕЯ РУСИ

АВТОР

ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

ОН НЕ ВИДЕЛ В МАГИЧЕСКОМ  
КРИСТАЛЛЕ НИЧЕГО ВНЯТНОГО. ОТЕЦ  
ПЫТАЛСЯ НАМЕКАТЬ, ОРИЕНТИРОВАТЬ,  
ПОДСКАЗЫВАТЬ, НО КАЖДЫЙ РАЗ  
ОПЫТ ПРОВАЛИВАЛСЯ. НИ МОЛИТВЫ,  
НИ НАСТАВЛЕНИЯ НЕ ПОМОГАЛИ. МЕДИУМ  
ИЗ 7-ЛЕТНЕГО МАЛЬЧИКА НЕ ПОЛУЧИЛСЯ.  
НО СТРАСТЬ К НЕИЗВЕДАННОМУ ОСТАЛАСЬ  
У НЕГО НА ВСЮ ЖИЗНЬ.

В

СЕМИРНО ИЗВЕСТ-

НЫЙ ученый, знаток многообразий мира и контактов с потусторонним, маг, астролог, математик, географ, значимый английский интеллектуал XVI века Джон Ди регулярно скорился, а потом вообще расстался со своим скраером — специалистом по рассматриванию ангельских образов в шаре из горного хрусталия. Им был Эдвард Келли — шарлатан, скрывавший отрезанные по судебному решению уши.

Они познакомились в 1582 году, когда Ди было 55 лет, а Келли — едва ли больше 27, но это не точно — он многое выдумал в своей биографии. У Ди — общеевропейская известность, близость ко двору и королеве Елизавете, десятки публикаций, книг, секретных докладов, консультаций и авторитет выдающегося знатока геометрии, хронологии, географии, истории, законов звездного неба и диалогов с духами. Казалось, он нашупал выход за рамки науки, подступил к познанию божественных замыслов, пытаясь войти в контакт с неизведанным через эзотерические опыты.

Он читал благочестивый текст, потом долго рассматривал кристалл, но ничего не видел. Тогда в качестве помощников он стал привлекать медиумов. Сначала это была темная личность с говорящим именем Варнава Саул, затем его сменил Келли, с которым получалось что-то невероятное. Ди вел подробный дневник своих опытов.

Из записей можно понять, что Ди и Келли слышали ангелов и пытались изучить их языки. Все это сопровождалось видениями — звуками, образами, приказами и откровениями. Точнее, так рассказывал Келли, а сидящий рядом Ди записывал — он ничего не выдумывал. Иногда на это представление приглашали других — необязательно посвященных, но верующих или готовых поверить.



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

## НАСЛЕДНИКИ КОРОЛЯ АРТУРА

Таков был польский нобиль Альбрехт Лаский, которого так вдохновили представленные экзерсисы, что он пригласил «ученых» отправиться к нему в имения, а затем продемонстрировать свое мастерство королю Стефану. В 1583 году они отплыли из Лондона на двух кораблях со всеми домочадцами и заметной частью библиотеки. Однако в Польше дело не заладилось, пришлось перебраться во владения германского императора Рудольфа II – в Прагу. Но и здесь Ди и Келли не пришлись ко двору. В итоге спириты укрылись в Богемии, в Требоне, во владениях аристократов Розенбергов. Ди продолжал экспериментировать с духами, а Келли увлекся алхимией, в которой так преуспел, что устраивал публичные представления трансмутаций. У него было немного «философского камня» – красных кораллов, добавление которых к тинктуре позволяло превратить дешевый металл в золото. Нередко это происходило прямо в доме Ди, в присутствии его пятерых детей, старшим из которых был Артур.

Миниатюра из рукописи «Смерть Артура». Франция. 1316 год. Британская библиотека



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Монограммист «Н». Сэр Уолтер Рэли. 1580-е годы

ве легенд о короле Артуре. Одно из сказаний повествовало о походах правителя на далекий север и покорении островов, которые во времена Ди отождествляли с Америкой. Но на этом континенте хозяйствничали тогда испанцы. Правовое мировоззрение не позволяло англичанам претендовать на заморские земли – они не хотели выглядеть вероломными завоевателями. Исследования Ди позволили разрешить ситуацию: на основе записей легенд о короле Артуре он доказал, что Америка прежде была покорена бриттами, жителями Уэльса, которым теперь правит королева Елизавета I. А поскольку она принадлежит к семейству Тюдор, то есть тоже имеет британские корни и является наследницей короля Артура, то обладает всеми правами на северную часть Затока Атлантического океана. Ди был первым, кто начал использовать выражение «Британская империя», подхваченное современниками и развитое потомками. Именно концепция Ди стала юридическим основанием для первых английских колониальных экспедиций в Северную Америку в 1580-е годы, когда была основана Вирджиния. Организатор этой колонии, Уолтер Рэли, пользовался консультациями Джона Ди. Его справки помогали и многим другим путешественникам, включая Фрэнсиса Дрейка, который первым после Магеллана совершил кругосветное плавание. Ди уделял много внимания изучению Северного морского прохода в Китай и перспективам покорения Сибири. Все это из-за прав короля Артура – его кумира. В честь него Ди и назвал старшего сына.

«Родился мальчик Артурус утром, по моим расчетам, ближе к 4 часам 30 мин. или 25 мин. на самом восходе солнца», – записал Джон Ди в дневнике, а потом сразу составил гороскоп. Согласно расчетам, судьба сулила сыну славу и достаток при некоем «князе» (prince). Впоследствии Артур считал, что предсказание сбылось. Князь оказался московским. А пока Артур путешествует с отцом по Европе, присутствует при

опытах Келли и искренне верит в мистические эксперименты родителя. Дела Ди между тем идут не слишком хорошо. Эдвард Келли все более отдался от него, пытаясь закрепиться при императорском дворе в Праге. Партнеры встречались все реже. А в 1589 году Ди с семейством вернулся в Англию. Без Келли.

Но и на родине Ди ждали разочарования. Дом в Мортлейке был разграблен, библиотека разорена. Ди пытался использовать Артура в качестве медиума – не получилось. Он привлекал и других, но с воображением Келли никто сравняться не мог – опыты общения с ангелами вскоре прекратились. Ди пытался вновь наладить связи при дворе, но потерпел неудачу. Лишь много лет спустя ему удалось выторговать себе синекуру при церкви в Манчестере, которая приносила заметный доход. Достаток и влияние оказались в прошлом. Последние годы престарелый Ди отошел от дел, мало общался с коллегами и родными. Даже точная дата его смерти неизвестна, предполагают, что это произошло примерно в 1608–1609 годах.

## ОТПРЫСК ВЕЛИКОГО

Артур был близок с отцом, оказавшим решающее влияние на становление юноши. В предисловии к *Arga Arganorum* Артур писал, что с малых лет был свидетелем общения отца с ангелами и успешных алхимических опытов. По его собственному признанию, в отличие от обычных детей, он в детстве играл не с солдатиками, а с искусственным золотом, полученным путем трансмутации.

В 1592 году Артур поступил в школу в Вестминстере, где его наставником стал известный антикварий Уильям Кемден. У мальчика обнаружились способности к языкам – возможно, еще во время путешествий по Европе он выучил немецкий, французский, венгерский, польский и чешский. В школе Артур овладел греческим и латынью. Позже он выучит и русский язык.

В июне 1600 года семья Ди переехала в Манчестер. 2 декабря того



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Яков I, король Англии и Шотландии. Портрет работы неизвестного художника. Национальный музей изящных искусств. Стокгольм

же года Артур стал клириком в местном соборе. К 1602 году относятся первые свидетельства о его занятиях алхимией: сохранился переписанный Артуром алхимический трактат Джорджа Рипли. В том же году он женился. Его избранницей стала дочь манчестерского мирового судьи Изабелла Прествич. В 1603-м у Артура и Изабеллы родилась дочь Маргарет – долгожданная внучка Джона Ди. Потом Изабелла рожала почти каждый год: в 1605-м – Джейн, в 1606-м – Джона, в 1608-м – Артура и так далее – вплоть до Анны, которая появилась на свет в 1622 году в Москве. Всего в семье родились 12 детей.

В начале 1600-х Артур занялся медицинской практикой и почти сразу же вступил в конфликт с лондонской коллегией врачей. Кажется, там просто не хотели

терпеть именитого конкурента и придирились ко всему подряд. Тяжбы растянулись на десятилетие. В 1606 году коллеги потребовали от Ди предъявить рецепты снадобий, которые он рекомендовал «от всех болезней». Но в суд Артур не пришел. Возможно, из-за того, что уехал в Европу для продолжения образования.

Его обучение в университете Базеля подтверждается документально. Там в 1609 году Артур получил степень доктора медицинских искусств (Doctoratus in Arte Medica). Известно также, что он слушал какие-то курсы в Оксфорде.

После того как умер отец, Артуру пришлось пробиваться самому, хотя знаменитая фамилия, конечно, помогала. Он даже смог заручиться покровительством при королевском дворе.

В 1612 году коллеги в судебном порядке потребовали от Артура предъявить медицинский диплом: грамота Базельского университета вызывала у них сомнения. На судебном заседании 6 мая 1615 года Артур заявил представителям коллегии, что является «врачом королевы» и право на занятия медициной получил «по королевской прерогативе». В итоге от него отстали благодаря покровительству супруги короля Якова I – королевы Анны Датской, которая к тому времени страдала подагрой, долго болела и в 1619 году умерла.

В начале 1620-х в Англию прибыли русские посланники Юрий Родионов и Андрей Керкерлин, искавшие для царя Михаила Федоровича «опытного и хорошего врача». В июне 1621-го король Яков I подписал Артуру Ди рекомендательное письмо для российского государя, которое 8 сентября того же года лекарь предъявил в Москве. По прибытии егосыпали подарками и подарили большой каменный дом у Ильинских ворот. Ди получил исключительное денежное довольствие: 250 рублей в год и 72 рубля ежемесячно, то есть 1114 рублей ежегодно, что соответствует примерно 10 тысячам фунтов стерлингов в наше время. Его отцу в 1586 году предлагали и



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ильинские ворота. Китай-города. Работа неизвестного художника. XIX век

Царь Михаил Федорович. Портрет из книги Адама Олеария «Описание Голштинского посольства в Москвию и Персию», изданной в 1656 году в Шлезвиге



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

того более – 2 тысячи рублей ежегодно (см.: «Русский мир.ru» №11 за 2020 год, статья «Доктор Ди vs Борис Годунов». – Прим. ред.). Впрочем, для иностранных врачей, практиковавших в России в XVII веке, средний заработок, превышающий тысячу рублей в год, был нормой.

Кроме того, Артур получал из дворца провизию и корм для лошадей, а также, по данным 1634 года, «питья поденного с дворца: по 4 чарки вина боярского, по кружки романеи, по кружки меду вишневого, или малинового, по кружки меду обарного, по ведру меду паточного, по полуведра меду цеженого, по полу-2 ведра меду княжово, по полуведра пива подделного, по ведру пива простого на день». Как нередко подчеркивают историки, большая часть этих напитков (общим объемом более 50 литров в день!) являлась алкоголем.

## АРХИЯТР И АЛКИМИСТ

Кажется, Артур довольно скоро зарекомендовал себя при русском дворе знающим медиком. В немалой степени этому способствовало быстрое освоение языка: судя по всему, Артур Ди очень хорошо говорил по-русски и даже переводил специализированные тексты.

Царь Михаил Федорович не отличался крепким здоровьем, а вокруг трона плелись интриги, козни, велика была опасность отравлений. К тому же старел отец венценосца – патриарх Филарет (Федор Никитич Романов), которому также требовалась забота. Впрочем, у личного врача государя не было общей практики: пользовать кого-то другого он мог только по высочайшему соизволению. А такое случалось нечасто.

Осенью 1623 года Артура Ди отправили в Нижний Новгород

осматривать нареченную невесту царя, Марию Ивановну Хлопову, которую, как полагали, отравили или оклеветали заслуженные. Выяснилось, что девушка вполне здорова. Правда, царицей она в итоге не стала.

Иностранные медики при московском дворе могли похвастаться избытком свободного времени, что позволяло многим из них бездельничать. Но Артемий Иванович Ди – так его звали в России – не привык тратить время впустую. Он читал, экспериментировал, торговал, много переписывался. Вскоре ему стали поручать даже ответственные зарубежные миссии.

В конце марта 1625 года в Англии умер король Яков I. Трон наследовал его сын Карл I. В 1626 году в Лондон прибыл Артемий Иванович: его отправили выразить соболезнования и принести поздравления новому королю, а также нанять специалистов ради какого-то «нашего дела», вероятно, секретного, так как его суть не отражена в сопроводительных грамотах. В сентябре 1627 года Ди вернулся в Москву. Вместе с ним приехали монетный мастер Джон Гилберт и ювелир Джон Мартин. Вероятно, миссия была успешной, поскольку в переписке царь отзывался о Ди в превосходной степени.

Кажется, он еще не раз ездил в Европу. В 1628-м Ди отправился туда «зимним путем» через Швецию. А летом 1629 года встречался в Париже с издателем Николя де ла Винем, которому передал рукопись своего ученика алхимии «Химическая коллекция» (Fasciculus Chemicus). Свободное время в Москве Артемий Иванович проводил в написании этого трактата, опубликованного в Париже в 1631 году. На титуле красовалось имя автора: «Артур Ди, Архиятр Великого Императора Российской Империи (Arthuri Dee, Archiatri Magni Imperatoris totius Russiae)». Что соответствовало действительности: Ди числился лейб-медиком (архиятром), то есть главным врачом русского царя.



Казнь Карла I.  
Гравюра  
неизвестного  
автора.  
1649 год.  
Национальная  
портретная  
галерея.  
Лондон

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Еще в 1605 году в Лондоне Артур Ди вступил в купеческую гильдию и, кажется, был акционером английской «Московской компании», основанной еще при Иване Грозном. Увы, ее архивы сгорели в 1666 году, поэтому точных сведений на сей счет мы не имеем. Зато знаем, что два сына Артура – Джон и Уильям – позднее числились купцами, торговавшими с Россией.

С 1630 года сохранились данные, свидетельствующие о поставках для Артура Ди аптечных товаров и лекарств из-за моря. В «памяти» (докладной записке) царю от 6 июня 1631 года Ди подтверждал, что ежегодно отправляет в Архангельск человека для закупок медицинских снадобий и лекарских принадлежностей. В том же году он хотел отправить в Англию двух своих сыновей для изучения медицины и встретить дочь, для чего просил у государя предоставить ему транспорт. Кажется, его просьбу удовлетворили. В июне 1632-го Ди получил разрешение на доставку любых медицинских грузов из Англии через торговца Уильяма Смита. Для транспортировки этих грузов ему выделяли до семи повозок.

Его влияние росло, ширились торговые связи и доходы. Около 1627 года он купил за 350 рублей особняк впавшего в опалу князя Ивана Куракина, который в следующем году продал своему зятю Ризону Чапмену уже за 1600 рублей. В 1631-м Ди получил во владение поместье другого опального князя, Юрия Хворостинина, где в тот же год засеял «56 четырех ржи в московскую меру» (около 4 тонн). Однако поскольку опала закончилась и поместье князю вернули раньше сбора урожая, то Ди была назначена выплата компенсации. Известно, что в эти годы Ди экзаменует прибывающих в Россию специалистов. Например, 24 июня 1631 года он участвовал в апробации аптекаря Филиппа Брио, которая, правда, была оспорена в 1645-м.

Несмотря на то, что карьера в России складывалась удачно, Артур Ди не переставал подыскивать место на родине. Уже в начале 1628 года он писал своему другу, госсекретарю сэру Джону Коуку, что хотел бы вернуться в Англию. Однако при дворе долго не реагировали. Сохранились два письма, в которых королевский доктор Теодор де Майерн

советует Ди не возвращаться, напоминая о нестабильной политической ситуации и жесткой конкуренции: сейчас при дворе шесть врачей и «еще двое ждут смерти кого-то из нас», чтобы занять место. «Я не сомневаюсь, достопочтенный друг, что вы совершенно правы в стремлении вернуться к родной земле и дому, хотя для сильных мужей любая страна в равной степени отечество, особенно если там осыпают величайшими почестями», – писал де Майерн. И просил не обижать царя просьбой об отставке, ведь тот ему симпатизирует, чего в Лондоне добиться будет трудно, а возвращение Ди из Московии злые языки нарекут высылкой.

Но в декабре 1633-го Артур все-таки получил грамоту короля Карла I с просьбой к русскому государю отпустить доктора. Документ он передал дьяку Ивану Грязеву 7 мая 1634 года, но только в следующем году, вероятно, после долгих уговоров, его отпустили. Супруга Ди не дожила до этого момента, она скончалась 24 июля 1634 года в Москве. В июне 1635 года царь Михаил Федорович дал прощальную аудиенцию Артуру. А в ноябре того же

Титульные листы трактата Артура Ди *Fasciculus Chemicus*, изданного в Париже в 1631 году (слева) и в Щецине в 1644 году



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

года Ди уже числился экстраординарным членом врачебной коллегии у короля Карла. Царь снабдил лекаря письмом, в котором просил короля сохранить содержание Артура таким же, каким оно было в Москве. Таких доходов должно было хватить на безбедную старость. Но вско-

ре в Англии вспыхнула революция, а затем гражданская война. В 1649 году Карл I был казнен, а все его врачи распущены. Позиционировавшийся пожилой доктор Ди вынужден был переехать в Норидж, где и скончался. В сентябре 1651 года он был похоронен в местном соборе Святого Георгия.

## ЗАГАДКИ АРТУРА ДИ

Сейчас исследователи вполне серьезно говорят о четырнадцати годах работы Артура Ди в Москве как об этапе становления российской медицины (кстати, именно в эти годы окончательно оформился Аптекарский приказ). Определенно влияние Ди на этот процесс было значительнее, чем многих других иностранцев: и в административной части, и в переводе рецептов, и с введением новых лекарств. Кажется, он был первым русским служащим, всецело интегрированным в общеверхопейские научные процессы. Артур Ди был последователем Парацельса, в основе философии которого лежали мистические, неоплатонические и пифагорейские представления, возрождение которых являлось реакцией на аристотелевскую схоластическую логику. Исключение религии из медицинских контекстов привело к отказу от галеновских практик гуморальной медицины, поиску химического познания человеческого организма. Согласно Галену, тело содержало четыре гумора – кровь, мокроту, желтую и черную желчь, которые определяли его состояние. Болезнь представлялась их дисбалансом. Парацельс же подходил к вопросу с алхимических позиций, подразделяя все на четыре основных природных элемента: землю, воздух, огонь и воду. Эта герметическая медицина предполагала микро- и макрокосмическое единство, вселенскую гармонию соответствий, соотношение растительных и минеральных веществ с небесными телами, которые, в свою очередь, прямо воздействовали на человеческое тело. Практика Артура Ди, его взаимодействие с пациентами и запись этих работ обеспечивали прямое влияние парацельсианской ятрохимии на медицинскую практику Московской Руси второго-третьего десятилетий XVII века.

В предисловии к своему *Fasciculus Chemicus* Ди указал, что закончил книгу в Москве в марте 1629 года. Она содержала 10 глав с выдержками из трудов по ал-



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Д. Мёглинг.  
Гравюра  
«Храм Братства  
розы и креста».  
1618 год.  
Из книги  
Т. Швейхардта  
*Speculum Sophicum Rhodostauromaticum*

химии и пояснениями. Примечательно, что книга была отпечатана в Париже в 1631-м в двух вариантах: один – с посвящением «студентам-химикам», а другой – с посвящением «братьям-розенкрейцерам».

Книга Ди принадлежит к числу самых ранних публикаций членов Ордена розы и креста. Первый трактат розенкрейцеров, *Fama Fraternitatis*, был издан Иоганном Валентином Андреа в Касселе в 1614 году. Братство тогда еще не оформилось в организацию, встречи участников случались редко, большей частью они общались через печать. Джона Ди относили к основателям ордена или считали как минимум главным идеологом, коим он был, возможно, неосознанно и посмертно. Артур Ди был активистом движения, специально подготовившим соответствующий извод своей *Fasciculus Chemicus*. У этого варианта книги не указаны выходные данные (место издания и пр.), поскольку декларация причастности к тайному обществу была небезопасна как для автора, так и для издателя. Розенкрейцеров активно преследовали как иезуиты, так и радикальные лютеране. Обнаруженным розенкрейцерам грозила тюрьма. Именно этого опасался Артур Ди, потому предпочел напечатать свой труд в Париже, а не в Лондоне. Так тогда поступали многие. Например, британский философ-мистик Роберт Фладд все свои эзотерические работы публиковал за рубежом.

*Fasciculus Chemicus* довольно быстро стала влиятельной и легендарной книгой, прежде всего как учебник. В 1644 году последовало ее переиздание в Щецине, а в 1650-м известный британский библиофил, мистик и масон Элиас Эшмол выпустил ее перевод на английский – теперь уже в Лондоне. После революции это стало возможным.

Одна из «розенкрейцерских версий» книги 1631 года, хранящаяся сейчас в библиотеке Мичиганского университета, предположительно принадлежала Исааку Ньютона. Также сохранился эк-



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

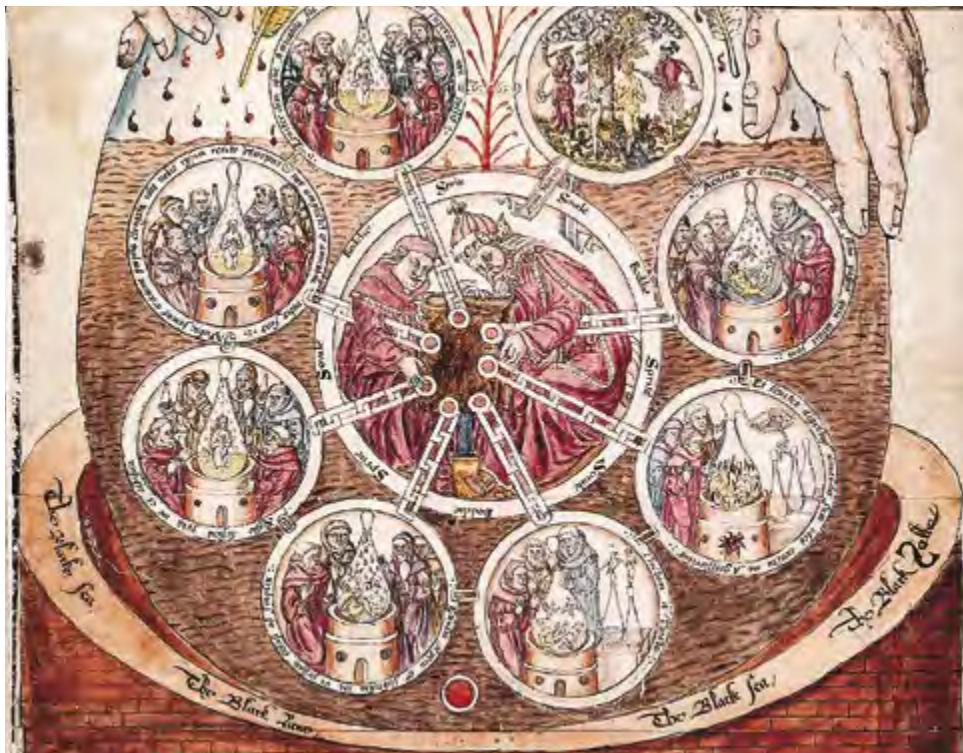
земпляр «розенкрейцерской версии» с собственноручным посвящением Артура Ди своему другу Джону Уинтропу Младшему, который, оказывается, тоже был членом тайного братства. Речь об известном знатоке наук и алхимике, сыне основателя и первого губернатора колонии Массачусетс, который и сам стал губернатором Коннектикута. Джон Уинтроп Младший участвовал в неудачной попытке герцога Бекингема деблокировать гугенотов в Ла-Рошели, а потом путешествовал по Италии и Леванту, вернувшись в Англию только в 1629 году. А в 1631-м отправился с отцом за океан в экспедицию, в ходе которой было заложено первое поселение в бухте Массачусетс, позже ставшее Бостоном. Книгу московского доктора он увез с собой.

В 1625 году в Россию на три года ездил давний знакомый Ди – капеллан из Кембриджа Томас Родс. Позднее его хвалебный отклик на *Fasciculus Chemicus* был опубликован во вводной части этой книги. Ясно, что Ди, которого Родс называет «выдающимся знатоком секретной философии», работал над книгой давно – судя по всему, уже в

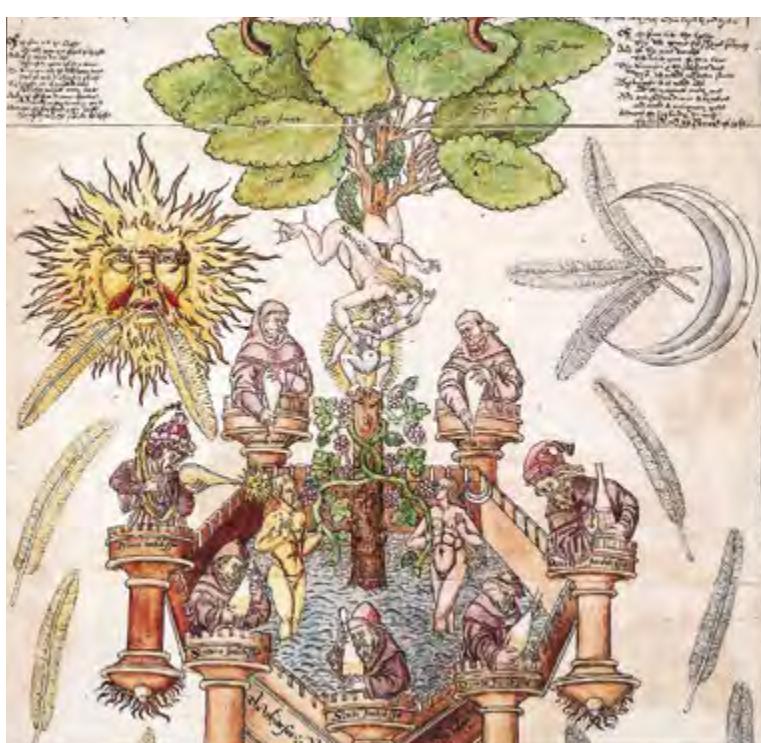
1625 году. Однако можно сделать и другой вывод: два розенкрейцера в Москве – это уже вполне ячейка братства, которое искало удобные и безопасные для деятельности места – вдали от религиозных радикалов. В 1620–1630-е годы такое место они находили в России.

Историк отечественной науки профессор Николай Фигуровский подсчитал, что для работы над *Fasciculus Chemicus* Артур Ди использовал около 40 книг по алхимии, включая черновики неопубликованных трудов своего отца. В предисловии к книге он высказывал сожаление, что у него нет инструментов и препаратов для опытов. Покидая страну, он вывез рукопись обновленной версии своего труда, озаглавленную *Arca Arcanorum* – это дополненный вариант тех же алхимических исследований, связанных с поисками философского камня. Но в предисловии к ней, датированном 10 августа 1634 года, он резюмировал: «Наконец (с божьей помощью) мной разгаданы тайны знаний» ([I] at last (by divine help) solved the riddles of knowledge). Эти слова убеждают исследователей в том, что после 1629 года Артур все же смог организовать алхимическую лабораторию в Москве и проводить эксперименты с *prima materia* (первичной материей), что позволило закрепить и развить его выводы в 1632–1634 годах.

*Arca Arcanorum* остался неопубликованным – сейчас манускрипт хранится в Бодлианской библиотеке в Оксфорде. В этой работе Артур расширил круг цитируемых авторов. На первой странице после пустых форзацев нарисована эмблема из знамени того «Свитка Рипли». До наших дней этот свиток – яркий алхимический шедевр – дожел в 21 копии. Очевидно, что после 1629 года московская библиотека Артура Ди выросла не только количественно, но и качественно, включая печатные и рукописные издания, в том числе редкие копии «Свитка Рипли». Можно утверждать, что это было



Фрагменты  
«Свитка Рипли».  
Копия.  
Около 1570 года.  
Библиотека  
Йельского  
университета



крупнейшее собрание печатных изданий по философии, медицине и алхимии в России XVII века. Проезжая грамота, выданная Ди в июне 1635 года, говорит о предоставлении ему за государственный счет 20 повозок для провоза имущества и семьи в Архангельск. Надо полагать, все книги он вывез.

В середине XX века у этой истории оказалось внезапное продолжение. В своей биографии Джона Ди, вышедшей в 1968 году, американский исследователь Ричард Дикон сослался на рассказ князя Сергея Белосельского-Белозерского о рукописных переводах на русский язык некоторых трудов Джона Ди, выполненных

Артуром Ди в 1621–1630 годах для царя Михаила Федоровича. Якобы эти рукописи «стали» из царской библиотеки Григорий Распутин, а потом кто-то увез их в эмиграцию. Сам Белосельский-Белозерский сделал обратный перевод текстов на английский. Впрочем, как потом писал еще один американский исследователь, Кристофер Уитби, его просьбы предъявить эти сакральные тексты остались без ответа. Загадка сохраняется по сей день. Хотя об этих рукописях продолжают вполне серьезно писать в научных справочниках, их история больше напоминает сюжет с Велесовой книгой.

Возможно, первый из царей династии Романовых никогда не читал трудов английского мистика и даже не интересовался ими. Однако, напомним, отец Петра Великого, Алексей Михайлович, появился на свет в марте 1629 года. И, безусловно, роды курировал придворный медик доктор Артемий Иванович Ди, тогда же и поставивший точку в своем алхимическом обзоре, знаменовав появление далекой восточной державы на карте научных центров Европы раннего Нового времени. ❶



# ЭСКИЗ К ПОРТРЕТУ АДМИРАЛА КРУЗЕНШТЕРНА

АВТОР  
**ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ**

КОРАБЛИ, УХОДЯЩИЕ В ПЛАВАНИЕ, ВСЕГДА ПРЕКРАСНЫ. И КАЖДЫЙ РАЗ, СТОЯ В ГАВАНИ КРОНШТАДТА И ГЛЯДЯ, КАК НА ГОРИЗОНТЕ МЕДЛЕННО ИСЧЕЗАЮТ ПАРУСА КОРАБЛЕЙ, СЕДОВЛАСЫЙ АДМИРАЛ МЫСЛЕННО ПЕРЕНОСИЛСЯ В ДАЛЬНИЕ МОРЯ. В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ИВАН ФЕДОРОВИЧ КРУЗЕНШТЕРН ВСЕ ЧАЩЕ ПОГРУЖАЛСЯ В ВОСПОМИНАНИЯ.

**О**Н ВГЛЯДЫВАЛСЯ В расстилавшийся перед ним простор: окутанный туманом Финский залив напоминал ему об иных картинах и событиях, пережитых много лет назад. Время как будто шло вспять, и перед ним вновь представляли дали Тихого океана, вершины вулканов, стерегущих покой Петропавловска, где едва не оборвался его блестящий поход в бессмертие. Он всегда хотел быть больше, чем просто моряком, и судьба выполнила его заветное желание.

В дальние плавания он больше никогда не выходил. Что мешало ему возглавить новые экспедиции? Прогрессирующая болезнь глаз, на которую он сослался, отказалвшись отправиться открывать Антарктиду? Сомнения в успехе? Желание посвятить себя семье, обожаемой жене Юльхен, воспитывать детей и приводить в порядок запущенную эстлянд-

скую мызу, приобретенную в 1820 году? Накопившаяся за долгие годы занятий наукой усталость? Или, может быть, тяжелые воспоминания о плавании на «Надежде» и мучительный страх в очередной раз разочароваться в людях?

Впрочем, именно плаванию на «Надежде» он был обязан мировой славой. Сбылись строки из письма, написанного ему знакомым накануне кругосветного плавания: «Когда вы будете обезжать весь свет, я буду пахать землю. Различно будем мы упражняться! Вы знамениты, я униженно; про вас возвещать будут газеты и журналы всей Европы; про меня проведают может быть не ближние соседи». Действительно, о Круzenштерне заговорила вся Европа. Но фортуна переменчива: не заметишь, как известность сменится забвением, а репутация растает как вчерашний снег. На этот счет Круzenштерн иллюзий не питал...

## РЫЦАРЬ НАУКИ

Его известность мореплавателя – лишь одна сторона многосторонней и противоречивой биографии адмирала, в которой первое место занимало служение науке. Великий британский мореплаватель Джон Росс иронизировал, назвав фанатичную преданность Круzenштерна науке его «невинной страстью». А затем подметил: «Она давала ему те наслаждения, которые другие находят в войне, политической борьбе и партийной вражде. В течение многих лет, когда редактор (Д. Росс. – Прим. авт.) имел счастье наслаждаться непрерывным общением с Круzenштерном, он не вспоминал ни о каких военных предметах, не касался никаких политических тем. Его желание возвеличить свою страну, которую он поистине любил, выражалось в повышении ее нравственного достоинства среди других наций, в стремлении расширить ее влияние законными средствами науки».

Науке Круzenштерн посвятил всю жизнь. После возвращения из кругосветного плавания он получил отпуск на три года и взялся за обработку материалов экспедиции. Результатом этих трудов стали знаменитые «Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах» и «Атлас к путешествию вокруг света капитана Круzenштерна». Книги, богато снабженные иллюстрациями, картами и планами, пользовались известностью не только в России: их перевели на английский, французский, немецкий, итальянский, голландский, шведский и датский языки. Круzenштерн стал лицом русской географии и был избран членом академий и научных обществ Великобритании, Франции, Германии.

Вершиной научного творчества Круzenштерна современники справедливо считали уникальный «Атлас Южного моря» в двух частях, единый свод навигационных карт, охватывающих все известные к тому времени акватории Тихого океана.



И.Ф. Круzenштерн. Атлас Южного моря. Титульный лист

Мало исследованный Тихий океан тогда даже не имел единого названия: помимо Тихого океана и Южного моря его называли также Большим океаном и Восточным океаном. В предисловии к «Атласу» Крузенштерн подчеркивал: «Я охотно соглашусь в том, что первые два названия мало приличны такому Океану, который, как весьма справедливо заметил г. Флёрье (Шарль-Пьер Кларе, граф де Флёрье – французский адмирал, гидрограф. – Прим. авт.), отнюдь не тише и не южнее других; но имена, предлагаемые как сим знаменитым географом, так и г-ном Мальт-Брюном (Конрад Мальт-Брюн – французский географ. – Прим. авт.), столь же неопределительны и столь же мало отличают названный ими Большой Океан от всех прочих морей. Равным образом, кажется неопределенным название Восточный Океан, данное некоторыми из наших мореплавателей северной части того моря. Здесь представляется возражение подобно тому, какое весьма справедливо сделано было против названия Южное море, ибо море в отношении к обитателям Азии восточное, будет западным для Американцев». «Ежели бы я не опасался еще умножить число различных названий сего Океана, то предложил бы назвать оный Магеллановым», – заключил русский путешественник. После публикации в двух частях в 1823 и 1826 годах «Атлас Южного моря» переиздавался на французском языке, включенные в него карты постоянно корректировались и дополнялись новыми сведениями. Это был титанический труд, потребовавший от автора предельного напряжения всех сил – физических, нравственных и умственных. Появление атласа вызвало восторженную реакцию. Российская академия наук присудила Крузенштерну Демидовскую премию – почетнейшую неправительственную награду за выдающийся вклад в развитие науки.



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



Судно французской экспедиции  
Дюмон-Дюрвилья «Астролябия»  
у северных берегов Антарктиды.  
1838 год

Жюль Себастьен  
Сезар Дюмон-  
Дюрвиль  
(1790–1842),  
французский  
мореплаватель,  
оceanограф

Знаменитый французский путешественник Жюль Себастьен Сезар Дюмон-Дюрвиль, вернувшись в 1829 году из кругосветного плавания, в одном из писем Крузенштерну сетовал на то, что, отправляясь в путешествие, не получил достаточной научной подготовки в области гидрографии, так как работы русского адмирала тогда еще не были опубликованы. В другом письме, от 20 марта 1832 года, он признался: «На сегодняшний день, вы, в моих глазах, наиболее компетентный человек в Европе, способный судить о таких вещах» (предполагаемое плавание в Тихий океан. – Прим. авт.). В 1837 году, накануне своего третьего кругосветного плавания, Дюмон-Дюрвиль также не преми-

нул воздать хвалы Крузенштерну: «Я давно повторяю всем и каждому, что на сегодняшний день вы – единственный в Европе способны по достоинству оценить значение тех работ, которые мы с моими спутниками предприняли на «Астролябии». Крузенштерн трудился над «Атласом Южного моря», уединившись на мызе Асс (ныне поселок Килтси, Эстония) на полпути между Ревелем и Дерптом, возведенной еще во времена Ливонского ордена. В 1816 году адмирал принял ее в залог, а спустя четыре года выкупил в собственность. В феодальную пору Асс был настоящим рыцарским гнездом, окруженным рвами и крепостными стенами. Но от прежних воинственных времен уцелели разве что угловые башни, поросшие мхом, красная черепица на крыше и надпись на треугольном фронтоне: Gebaut anno 1292 und renovirt 1790 (построен в 1292 и реконструирован в 1790 году). Когда-то поместьем владели древние остзейские

Демидовская  
медаль.  
И.Ф. Крузен-  
штерн был  
удостоен этой  
награды  
в 1837 году



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



Мыза Асс (Килтси).  
Рисунок  
А. Тилезиуса  
из книги «Иван  
Крузенштерн.  
Мореплаватель,  
обогнувший  
Землю».  
Начало XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

фамилии: Гилсены, Врангели, Икскюли, Берги, Розены, Мантейфели. Служила она недолго и приютом для монастыря. Последними хозяевами Асса были Бенкендорфы, предпринявшими масштабные восстановительные работы и придавшие поместью черты особняка эпохи классицизма. Крузенштерн продолжил реконструкцию на свой манер. Перед гостями представляло элегантное британское имение: двухэтажный господский дом с круглыми угловыми башнями с купольными крышами, аркады и хозяйственными постройками изящным полукружьем обрамляли внутренний двор. Широкая лестница вела на второй этаж, откуда можно было попасть в комнаты, расположенные в башнях. В одной из них хранились диковины, привезенные хозяином из дальних морей. Гостиную, обустроенную под «китайскую комнату», украшали шелковые вышивки и мебель из бамбука, вдоль стен высались шкафы красного дерева с китайскими редкостями, монетами, медалями. Предметом особой гордости хозяина была круглая библиотека «со стоящими по кругу шкафами, полными книг, исполненным письменным столом красного дерева с резными фигурами, стульями на золотых ножках в стиле рококо, обтянутыми белым шелком».

## ДВЕ ЗАДАЧИ

Впрочем, гости наведывались в Асс нечасто. Адмирал держался особняком, предпочитая проводить время за научными штудиями и в кругу семьи. Он редко посещал светские мероприятия: провинциальные балы, охота, карточная игра его не интересовали. Мореплавателя коробил образ жизни остзейских соседей: «Ничто не могло отвратить его больше, чем если бы в чьем-либо доме ему пришлось лицезреть хозяина в принятом в стране виде: с многочисленными соседями и гостями в домаш-

Барон  
Фердинанд  
Петрович  
Врангель  
(1797–1870),  
военный и госу-  
дарственный  
деятель,  
мореплаватель  
и полярный  
исследователь,  
адмирал

них халатах и с длинными табачными трубками за кофейным столом». Разговоры с этими, возможно, и милыми, но бесконечно далекими от науки людьми вызывали у Крузенштерна приступы мигрени. Другое дело, когда на мызу заезжали старинные петербургские приятели, имения которых находились поблизости. В том числе полярные исследователи и кругосветные мореплаватели Фердинанд фон Врангель и Федор Литке.

Даже здесь, в глухи Эстляндии, Крузенштерн оставался авторитетом в области гидрографии – скрупулезным, дотошным и педантичным. И, изучая расположенные на столе карты Тихого океана, присыпаемые ему со всех краев света, он отчетливо видел основные проблемы географии Мирового океана. «В продолжение нескольких уже столетий, – писал он, – две важные задачи занимали географов, особенно мореплавателей. Задачи сии суть: открытие матерой Земли в странах Южного полюса, и открытие в севере морского прохода из Атлантического моря в Южный океан, или же обратно из Южного океана в Атлантическое море». Решению их он и посвятил свою научную деятельность.

Первая задача относилась к числу наиболее загадочных. Касалась она поиска в умеренно тропической тихоокеанской зоне теоретически вычлененного географами таинственного Южного материка, так называемого Terra Australis Incognita (см.: «Русский мир.ru» №7 за 2020 год, статья «Загадки «Льдяного материка». – Прим. ред.). Еще со времен Античности и Средневековья западный мир был взбудоражен великим научным миражом: существованием на юге земного шара таинственного континента, который обширностью своей уравновешивал твердь Северного полюса. В XVIII веке теория Terra Australis Incognita («Неведомого Южного материка»; ее также называли Terra Australis Nondum Cognita, «Южная земля, еще не известная». – Прим. авт.) получила новый импульс благо-



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

даря трудам французского математика и астронома Пьера Луи Моро де Мопертюи, предложившего теорию равновесия материков. Согласно ей, лежащие к югу от экватора части Африки и Южной Америки гораздо меньше размеров Северного полушария. Следовательно, рассуждал де Мопертюи, в Южном полушарии существует равновеликая суши – «Южный материк». Идею поддержали граф де Бюффон, географы Шарль де Бросс и Александр Далримпл. На поиски таинственной земли отправились французские экспедиции Жана-Батиста Шарля Буве де Лозье (1738–1739) и Ива-Жозефа де Кергелена (1771–1772), а также британский исследователь Джеймс Кук, который во время своего второго кругосветного плавания трижды пересек Южный полярный круг и констатировал, что некий большой массив суши вблизи полюса существует, однако исследовать его вряд ли представляется возможность.

Вторую задачу – вопрос о Северо-Западном проходе из Атлантики в Тихий океан – можно с полным основанием назвать настоящей *idée fixe* эпохи Просвещения. С последних лет XVIII века, вероятно, не нашлось бы ни одного географа-исследователя, не испытавшего влияния старинной идеи о существовании Северо-Западного прохода. Можно утверждать, что сегодня мир выглядел бы совершенно иначе, если бы политики и учёные не «попались» на эту «приманку». Основными источниками информации о проливе стали легендарные свидетельства конца XVI – первой половины XVII века, оставленные греческим навигатором Апостолосом Валерианосом с острова Кефалония, служившего испанской короне под именем Хуана де Фуки, а также испанскими мореплавателями Лоренсо Феррером Мальдонадо и Бартоломео де Фонте. Судя по их записям, на пути из Атлантики в Тихий океан располагался огромный водный бассейн, настоящее внутреннее море. Учёные эпохи Просве-



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Пьер Луи Моро де Мопертюи (1698–1759), французский математик, естествоиспытатель, механик, астроном, физик и геодезист

щения предположили, что оно скрыто где-то в глубинах Северной Америки, и дали ему название *Mer de l'Ouest* («Западное море»). Окруженное со всех сторон горными хребтами, оно располагалось примерно на широте пустыни Невада и, по мнению европейских учёных, повторяло в очертаниях Средиземное море. В Великобритании защитником идеи *Mer de l'Ouest* выступил ирландец Артур Доббс, будущий губернатор Северной Каролины. Споры вокруг местоположения этого моря отразились на картах Джейфриса, Делиля и Боаша. Выдвигались и отчаянно смелые проекты выхода в Тихий океан через Северный полюс, за которым скрывается «великое море». Михаил Ломоносов, например, в 1760-х годах подготовил проект «морского северного хода»

к «Хиннам, Индам и Японам». Он полагал, что «в половине и в конце июля месяца должно Северному океану между Новою Землею и Шпицбергеном быть чисту и безледну, и оному чистому океану простираться далеко на восток безо льду, по малой мере, на тысячу верст...». Таким образом, маршрут первой русской высоколатитной экспедиции шел бы через Новую Землю на северо-восток, к Чукотскому мысу, и далее, к Камчатке. Неудачи направленных в Арктику экспедиций Василия Яковлевича Чичагова (1765, 1766) и британца Джона Филпса (1773) лишь временно, как тогда казалось, отодвинули ожидаемый триумф. Решение одной из этих задач, считал Крузенштерн, вполне по силе русским морякам. В 1815 году он стал идейным вдохновителем уникального географического проекта по открытию Северо-Западного прохода, финансируемого графом Румянцевым. К тому времени граф отошел от дел, но, фанатично преданный делу просвещения, поддерживал замыслы адмирала. Они вели оживленную переписку, граф брал на себя многие финансовые вопросы, которые могли бы способствовать открытиям в Арктике. Экспедиция на бриге «Рюрик» под командованием Отто фон Коцебу, участвовавшего в кругосветном плавании Крузенштерна, должна была найти Северо-Западный проход и составить карты терри-

О.Е. Коцебу. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив (С.-Пб., 1821). Титульный лист и портрет автора на фронтисписе



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

торий, прилегающих к Берингову морю. Крузенштерн и Румянцев надеялись, что судьба будет благосклонна к Коцебу и позволит ему открыть «проход из Восточного в Западный океан и известит о том ученым мужам всего мира». Надежды графа и адмирала рухнули в одночасье: в июле 1817 года «Рюрик», получивший тяжелые повреждения, на подступах к Ледовитому океану встретил сплошной лед и вынужден был отступить.

В те годы было еще непонятно, соединяются ли Америка с Азией и существует ли в реальности Берингов пролив: может быть, полагали современники, это не более чем «пространнейшая морская губа, кою льды стоят как опушка у земляных ея берегов». Продолжалась и острыя полемика относительно того, существует ли в Северном Ледовитом океане свободный от льда пролив. Одним из главных приверженцев идеи глобальной «полярной» в Арктике являлся сэр Джон Барроу – чиновник, начинавший карьеру под началом посланника в Китае лорда Макартни, а затем перебравшийся со своим патроном в захваченную у голландцев Капскую колонию в Южной Африке. В 1804 году Барроу занял пост второго секретаря Британского адмиралтейства, на котором практически без перерыва пробыл до 1845 года. Крузенштерн же, скептически относясь к гипотезе о существовании свободного от льда пролива в Се-



ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

верном Ледовитом океане, делал ставку на отыскание прохода вдоль побережья Северной Америки со стороны Берингова пролива или двигаясь на запад от Гудзонова и Баффинова заливов. В его переписке с Барроу эти вопросы всплывали неоднократно. В ноябре 1817 года Барроу писал Крузенштерну: «Я не уверен, знакомы ли Вы с капитаном Берни, плававшим с Куком, который вбил себе в голову, что Берингова пролива не существует, а на его месте находится некий залив, на севере которого расположена суши, соединяющая два континента, Азию и Америку. <...>

К.В. Лебедев.  
Экспедиция  
Семена Дежнёва

Не знаю, откуда Берни все это взял». Барроу ошибался: Крузенштерн еще в 1814–1815 годах, находясь в командировке в Великобритании, встречался в Лондоне с Джеймсом Берни.

Предположения Берни о «средиземном море» к северу от Берингова пролива представлялись Крузенштерну весьма спорными. Гораздо надежнее были, по его мнению, «отписки» казака Семена Дежнёва, недавно открытые в московских архивах. Зная о переписке Крузенштерна с Барроу, граф Румянцев посоветовал Ивану Федоровичу переслать в Лондон бумаги о плавании Дежнёва и сам 10 февраля 1818 года написал об этом управляющему Московским архивом Коллегии иностранных дел Алексею Малиновскому: «Некто из английских офицеров, сопутников славного Кука, утверждает, что Берингова пролива не существует, что Азия с Америкой составляют одну матерью землю, и что то, что почтается проливом Беринговым, не что иное, как пространнейшая морская губа, кою льды стоят как опушка у земляных ея берегов». Граф рассчитывал, что благодаря розыскам Малиновского удастся узнать, перешел ли Семен Дежнёв морем из Колымы к устью Анадыря, тем самым получив подтверждение о существовании между Азией и Америкой морского прохода.

Осенью 1818 года, после возвращения Коцебу, в распоряжении Крузенштерна оказались все материалы завершившейся экспедиции, позволившие сделать вывод, что суши севернее Берингова пролива не существует. Поискам Северо-Западного прохода, «который по многим физическим признакам верно существует» он посвятил всю свою жизнь. В 1818 году, готовя проекты комплексной экспедиции в Берингов пролив и в Антарктиду, Крузенштерн предполагал, что участники ее будут двигаться из залива Коцебу вдоль северного побережья Америки к Баффинову заливу на восток параллельными отрядаами: на байдарах и «по берегу». Одновременно предполагалось



И.Ф. Крузенштерн. Генеральная карта Южного моря. Южное полушарие

проникнуть внутрь материка, а также из Берингова пролива выйти к мысу Шелагскому, пройденному Дежнёвым. «Неужели, — иронизировал Крузенштерн, — мореходцы нынешнего времени устрашатся обойти мыс, мимо которого проплыл за 170 лет казак на малой ладье».

В отношении же «стран Южного полюса», Антарктиды, Крузенштерн был не столь категоричен. Готовя, например, инструкции для экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, Крузенштерн поначалу полагал, что хотя «Южный континент, по всей вероятности, и существует, но он никогда не будет открыт». Русской экспедиции, как он считал, вряд ли удастся превзойти достижения Кука, поскольку «во время второго путешествия своего уничтожил он мысль о существовании матерой земли в странах Южного полюса... пред Куком исчезла она в бездне Океана и, подобно сплетению какой-либо мечты, не оставила по себе и следов...».

Однако со временем взгляды адмирала на возможность освоения Антарктиды изменились. В 1820 году он высказался в пользу того, что Южный континент может быть открыт, и выражал надежду, что выпадет эта честь на долю русской экспедиции. И после успешного плавания Беллинсгаузена и Лазарева загорелся идеей поставить точку в открытии Антарктиды. В июне 1830-го он представил начальнику Главного морского штаба светлейшему князю Александру Меншикову «План экспедиций для открытий в северном и южном полушариях Южного моря». «Чтобы оба полушария изведывать в одно и то же время, потребны 4 судна: два для Северного и два для Южного, — писал Крузенштерн. — Сии последние во время южного лета должны подойти к Южному полюсу столь близко, сколь возможно, как для того, чтобы повторить предложения английского капитана Ведделя (Джеймс Уэдделл. — Прим. авт.), будто море в высоких широтах совершенно свободно ото льда, так и для того,

Морской кадетский корпус в 1852 году.  
Литография по рисунку М.Д. Барышева



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Федор Петрович  
Литке  
(1797–1882),  
мореплаватель,  
географ,  
исследователь  
Арктики.  
Гравюра  
1850-х годов

чтобы узнать, справедливы ли показания американцев, которые будто бы здесь открыли также множество островов. Северная экспедиция должна употребить летние месяцы для того, чтобы подробно осмотреть Охотское море, Алеутские острова, берега Аляски, также как и восточный берег Камчатки, которой до экспедиции капитана Литке совершенно был неизвестен. Во время зимних месяцев должны обе экспедиции ходить по Южному морю к С. и Ю. от экватора и во всяком архипелаге определить вернейшими астрономическими наблюдениями на берегу один какой-либо остров, которой бы на будущее время мог служить постоянным пунктом».

### ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Надежды старого адмирала не оправдались: его записка была погребена в шкафах канцелярии Главного морского штаба. Сил же бороться за свой проект у Крузенштерна уже не было. Здоровье 60-летнего моряка пошатнулось: в марте 1829 года он пережил тяжелый приступ астении, зрение продолжало ухудшаться. Он все больше замыкался в себе. Сказывались хроническая усталость и новые обязанности: указом от 14 октября 1827 года Крузенштерн был назначен директором Морского корпуса. С раннего утра до позднего вечера он был занят рутиной: финансовыми отчетами, статистикой, отписками. Однако умудрился реформировать обучение в доставшемся ему учебном заведении. Здесь издревле царили тяжелые нравы, процветала казенщина. Повидавший мир Крузенштерн надеялся, что гуманизация образования даст необходимые плоды. Кадет начали учить по-новому: поменялись программы, курсы, учебники, появились занятия по гимнастике, преподавать иностранные языки было доверено только их носителям, занятия у кадет вели университетские преподаватели и ученые из Академии наук. Пестовавший Морской корпус Николай I распорядился для проведения морской практики предоставить императорские корабли. Крузенштерн стремился, чтобы



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

его выпускники выходили из стен корпуса не просто хорошими специалистами. «В мальчиках нужно пробуждать чувство прекрасного», — считал Крузенштерн, они должны были стать высокообразованными военно-морскими офицерами, достойно представляющими свою страну.

Увенчал педагогическую деятельность Крузенштерна «Офицерский класс для усовершенствования некоторого числа отличнейших кадет в высших частях наук, к морской службе потребных» — сегодняшняя Военно-морская академия имени адмирала Н.Г. Кузнецова. Его проходили только самые одаренные кадеты, из них, по мысли адмирала, должна была формироваться элита русского флота. На нижнем отделении их обучали аналитической геометрии, дифференциальном и интегральному исчислению, физике, российской словесности, физической географии, астрономии, теории кораблестроения, правилам составления чертежей, теории артиллерии, фортификации и правилам составления морских карт. На верхнем отделении читали курсы начертательной геометрии, механики и теории кораблевождения.



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Директорствуя в Морском корпусе, Крузенштерн на многое теперь смотрел другими глазами. Законы администрации диктовали свои правила игры: самолюбивому и принципиальному адмиралу приходилось прислушиваться к желаниям начальства, искать компромиссы, сочетать твердость и мягкость. Но Иван Федорович, неожиданно открыв в себе педагогические таланты, и здесь оставался верен своим правилам. Ему нрави-

Портрет  
И.Ф. Круzen-  
штерна. Гравюра  
середины  
XIX века

лось заниматься с молодежью. «Добросердечный, приветливый директор», аккуратный, вежливый, по-спартански дисциплинированный, перед которым тушевались все воспитатели, он остался в памяти многих выпускников корпуса терпимым и покладистым начальником, никогда не говорившим никому «ты» и способным сопереживать «радостям и горестям» кадет. Как часто бывает, многие кадеты Морского корпуса посчитали подобную мягкость признаком слабости. «Шалуны», как их называл Крузенштерн, строили ему рожи и прозвали «триумной крысой» и «немецким колбасником». А спустя годы прозрели, поняв, какую редкостную удачу уготовила им судьба, дав возможность общаться с этим великим человеком.

Закончилось все в 1842 году. Крузенштерну было 72 года, руководить корпусом уже не было сил. Он подал прошение об отставке, Николай I удовлетворил ходатайство. «В доме родителей царит весьма печальное настроение, — записал в апреле 1843-го сын Крузенштерна Павел. — Отец постоянно в глубине души терзается тем, что покинул корпус».

Утром 24 августа 1846 года он тихо угас на своей эстляндской мызе. А 8 ноября 1870 года, в день 100-летнего юбилея Крузенштерна, перед Морским кадетским корпусом состоялась закладка памятника адмиралу. Деньги собирали по подписке всей страной, часть средств выделило Морское министерство. Открыли памятник 6 ноября 1873-го. Бронзовый монумент не бросается в глаза: адмирал, словно задумавшись, стоит на набережной Невы и смотрит на свое детище — Морской корпус. На гранитном постаменте выгравирован герб Крузенштерна и девиз *Spe Fretus* («Доверяющий надежде»). Он всегда хотел быть больше, чем просто моряком, — быть человеком, творившим будущее. ■



Памятник  
И.Ф. Круzen-  
штерну в Санкт-  
Петербурге.  
Скульптор  
И.Н. Шредер,  
архитектор  
И.А. Монигетти.  
1873 год. Фото  
конца XIX века

# ДОБРАЯ СУДЬБА

АВТОР  
**ИРИНА ЛУКЬЯНОВА**

НАПИСАННЫЕ В ДОЛГОМ КАРАНТИНЕ «ПОВЕСТИ БЕЛКИНА»  
– СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ИЛИ ФИЛОСОФСКОЕ  
РАЗМЫШЛЕНИЕ О СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕКА? ШУТКА ГЕНИЯ  
ИЛИ ВОПЛОЩЕНИЕ ПИСАТЕЛЬСКОГО КРЕДО? ЯСНО ОДНО:  
ПОСЛЕ ВЫХОДА ЭТОЙ КНИГИ В СВЕТ ПИСАТЬ ПРОЗУ ТАК,  
КАК РАНЬШЕ, СТАЛО НЕВОЗМОЖНО.

**К**огда Пушкин, известный ловелас и повеса, влюбился в молоденькую Наташу Гончарову, друзья не верили в серьезность его чувств – поверили только после подтверждения помолвки. Невеста была бедна: семейство Гончаровых разорилось. Выдавать дочь замуж без приданого будущая теща отказывалась, и Пушкину пришлось пообещать, что он сам обеспечит приданое невесте. Он попросил у родителей благословения на брак. Обрадованные родители выделили ему сельцо Кистенево и 200 душ крепостных в имении Большое Болдино Нижегородской губернии; это имение принадлежало Пушкинам с XVI века. Чтобы вступить во владение Кистеневом, в начале сентября поэт отправился в Большое Болдино. Осень всегда была самым плодотворным для Пушкина временем года. Собираясь в Болдино, он взял с собой нужные книги, намереваясь поработать, но никак не собирался застраять в селе на три месяца из-за холерного карантина. В октябре он даже пытался прорваться через карантинные посты, но не смог и вернулся обратно. В Москву он уехал только в декабре.

Начало болдинского уединения было печальным. Пушкин изнемогал от тревоги и тоски: перед отъездом он поссорился с матерью невесты и написал ей, что женится только на Наталье Николаевне или не женится вовсе. На свет появились мрачные «Бесы» и меланхоличная философская «Элегия». Затем он получил письмо от Гончаровой, где та писала, что согласна выйти за него замуж и без приданого. Вдохновленный и обрадованный, он взялся за перо. Поэт уже давно понимал, что не только в его жизни, но и в творчестве намечается перелом. Еще в шестой главе «Онегина» он заметил: «Лета к суро-вой прозе клонят». Восьмую, написанную в Болдине главу начал с размышлений о своей Музе, сопровождавшей его в разные этапы жизни. По сути, он размышлял о том, что сделал в литературе и что еще хочет сделать. Он как будто собирал силы перед новым рывком. Эта осень, получившая у литераторов название «болдинская», дала русской литературе новый мощный толчок. Появилась новая драматургия, новая проза, был окончен первый русский роман в стихах.

## ПЯТЬ ПОВЕСТЕЙ

В декабрьском письме Плетневу поэт сообщал: «Скажу тебе (за тайну) что я в Болдино писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы Онегина, 8-ую и 9-ую, совсем готовые в печать. Повесть писанную октавами (стихов 400), которую выдадим Anonyme. Несколько драматических сцен, или маленьких трагедий, именно: Скупой Рыцарь, Моцарт и Салиери, Пир во время Чумы, и Д. <он> Жуан. Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не всё: (Весьма секретное) Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется – и которые напечатаем также Anonyme».

Пять повестей – это «Повести Белкина», которые Пушкин собирался напечатать анонимно, потому что «Булгарин заругает». Булгарин, издатель «Северной пчелы», в это время считался главным российским романистом: первое издание его авантюрного романа «Иван Выжигин», вышедшего в 1828 году, раскупили за неделю, уже к концу года вышло второе издание, а в 1829-м тираж достиг 7 тысяч экземпляров – по тем

временам цифра огромная. Публика требовала занимательного чтения о соотечественниках и современниках. Литераторы спорили о том, каким должен быть русский роман. Пока что в русской прозе тон задавали перепевы сентиментальных повестей XVIII века о соблазненных и покинутых – «Бедная Лиза» уже успела устареть, но многочисленные эпизоны продолжали разрабатывать золотую жилу. Однако на смену им уже пришли романтические истории о величественном, необыкновенном и мистическом. Романтические повести с демоническими героями и ангельски-прекрасными героями писал Бестужев-Марлинский; восточные – Осип Сенковский; гофмановскую традицию смешения реальности с фантастикой разрабатывали Антоний Погорельский и Владимир Одоевский; страшные фантастические рассказы на малороссийском материале пишет Орест Сомов; в 1829 году вышел исторический роман Михаила Загоскина «Юрий Милославский» в вальтер-скоттовском духе.

### ЧИТАТЕЛЬ ЖДЕТ УЖ РИФМЫ «РОЗЫ»

Пушкинская проза, если смотреть на нее не с привычной школьной позиции («чему нас учит эта книга» и «что хотел сказать автор»), оказывается насквозь полемичной: как и его драматические произведения, она ведет диалог с предшествующей литературной традицией. Но если в «Маленьких трагедиях», написанных одновременно с «Повестями Белкина», его собеседники – Мольер, Гёте, Шекспир, Барри Корнуолл, – то в повестях он не вступает даже, а ввязывается в актуальную для 1830 года литературную полемику о путях развития русской прозы.

Кто-то из его современников к концу 1820-х годов считал, что самое главное в литературном процессе – это борьба классицизма и реализма; кто-то полагал, что самое важное – перестать подражать европейским образцам и задуматься, какой должна быть национальная литература, что такое национальный дух, как он должен быть в ней воплощен. Но это все вопросы о том, что должен изображать автор.

А Пушкин поставил перед собой вопрос «как».

«Повести Белкина» – то пародийные, то серьезные. Пушкин играет с читателем, отсылая его к давним сюжетам вроде «Ромео и Джульетты» и современным их перепевам; литературоведы насчитали десятки текстов, в которых есть сходные сюжеты. К одному только «Выстрелу» параллели можно найти и у Ореста Сомова в повести «Странный единок», и в повестях Бестужева-Марлинского, и в других текстах той поры. «Станционный смотритель» отсылает и к карамзинской «Бедной Лизе», и к французской повести Мармонтеля «Лоретта», которую переводил на русский язык все тот же Карамзин, и так далее, и так далее. Каждой повести предписан эпиграф. Они взяты и из романтических, и из сентиментальных, и из классицистских текстов. Причем трагическому «Станционному смотрителю» предписан иронический, бытовой эпиграф из Вяземского, а несерьезному «Гробовщику» – мрачный из Державина. Эпиграфы и их отношения с текстом – тоже часть пушкинской игры.



КОЛЛАЖ АНЖЕЛИКИ БУЛЬЧЕВОЙ



КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШУЕВОЙ

Каждая рассказанная Пушкиным история – это и отсылка к другим текстам, и пародия на какой-то конкретный жанр (то романтическую повесть, то сентиментальную) – и преодоление штампов этого жанра, его шаблонов и сюжетных схем. Это обычно для Пушкина: от него ждут героической поэмы в национальном духе – он пишет «Руслана и Людмилу», полусерьезную, полупародийную. Поэма издается над всякой серьезностью, над всякой идеологической заряженностью – и утверждает красоту, свободу и легкость, и показывает невероятные поэтические возможности русского языка. А современники не понимают: что это он такое делает, почему рассказывает нам вместо героической саги из русской истории не то сказку, не то полу-пристенный анекдот? Он то и дело переворачивает штампы вверх тормашками: Татьяна, ожидая романного развития событий, спрашивает Онегина, ангел ли он хранитель или коварный искушатель, – а он просто джентльмен, который произносит назидательную

речь о необходимости «властвовать собою». Пушкин издевается над читателем, который «ждет уж рифмы «розы» – на, вот возьми ее скорей». Он морочит читателю голову: в романе герой должен жениться или умереть, а Пушкин бросает Онегина «в минуту, злую для него». Все не так, как читатель ожидает, все не так, как положено по законам жанра, – все так, как в жизни, которая богаче любого вымысла. Так и в «Повестях Белкина»: станционный смотритель ждет, когда блудная дочь начнет погибать, брошенная, и явится к нему с покаянием, – а она вместо этого не погибает, а бессовестно счастлива с заезжим гусаром. Читатель ждет, когда жуликоватый гробовщик получит урок от покойных клиентов, которые заявились к нему домой, – а все оказывается пьяным сном. Молодой помешник влюбляется в крестьянку и готов жениться на ней против воли отца; трагическая история любящих сердец, разделенных сословными преградами, оборачивается чистым водевилем. Вместо страшной мести в «Выстреле» – отказ от мести. Вме-

сто того чтобы выслушивать объяснения в духе романов Руссо, как положено сентиментальной героине, – героиня «Метели» хладнокровно ловит цитату и вспоминает роман Руссо. Жизнь больше вымысла; она предлагает сюжеты, каких не измыслил никакому романисту, она разрушает штампы и опрокидывает ходульные конструкции. Но если бы «Повести Белкина» были только пародией, только разрушением уже отживающих штампов – стоило ли бы огородить?

### ПРОСТО, КОРОТКО И ЯСНО

Конечно, это был еще и стилистический эксперимент. Пушкин пишет прозу как стихи: экономит слова, выбирает самые точные, самые удачные, заботится о ритме фразы, ее дыхании, музыкальности – и русская проза обретает совсем иной голос, иную интонацию. Пушкин не то что отменяет предыдущую прозу, как отменил уже жанровые ограничения, – она просто становится на фоне «Повестей Белкина» старинной, архаичной, неуклюжей.

Посмотрите сами. Вот, например, как Бестужев-Марлинский описывает своего героя в повести «Изменник»: «Кто знает, любовь или гнев волновали его душу, когда лицо его то пыпало кровью, то вновь тускнело, как булат? Кто знает, гордость ли вздымала так высоко его брови, презрение ли двигало уста? Высокие ль думы или тяжкое преступление провело морщины на челе? Иногда взор его сверкал огнем, но потухал столь мгновенно, что наблюдатель оставался в сомнении, видел ли он то или то ему показалось. Его жизнь, его страсти, его замыслы оставались неразрешенного загадкою».

А вот у Пушкина – такой же загадочный, обуреваемый страстями Сильвио: «Гости ушли; мы остались вдвоем, сели друг противу друга и молча закурили трубки. Сильвио был озабочен; не было уже и следов его судорожной веселости. Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рту, придавали ему вид настоящего дьявола. Прошло несколько минут, и Сильвио прервал молчание».

Вот Булгарин в своем «Иване Выжигине» рисует портрет гусара Миловидина, с которым сбежала хозяйская дочка: «Он имел все хорошие и дурные качества молодого кавалериста: был храбр, честен, знал службу, но часто бывал в ней неисправен от ветрености и от излишней страсти к забавам. Не будучи вовсе корыстолюбивым, он пускался в большую игру и часто проигрывался в карты до последней копейки, единственно от скучи или от ничего делать; с природною склонностью кдержанности, из одного молодечества пил венгерское вино, как воду, а шампанское, как квас. Главным его занятием было волокитство. Прекрасный собою, ловкий, остроумный, выросший в кругу лучшего московского общества, отличный танцор, музыкант, живописец, начитанный произведениями французской словесности и одаренный необыкновенною памятью, Миловидин, избалованное дитя счастья, был предметом

любви всех женщин, в окружности двадцати пяти миль. <...> Миловидин был, в полном смысле, добрый малый: откровенен и, со всем своим остроумием, простодушен».

А вот у Пушкина выздоравливающий гусар Минский собирается покинуть дом станционного смотрителя: «Прошел еще день, и гусар совсем оправился. Он был чрезвычайно весел, без умолку шутил то с Дунею, то с смотрителем; насыщивал песни, разговаривал с проезжими, вписывал их подорожные в почтовую книгу, и так полюбился доброму смотрителю, что на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем».

А вот у Булгарина и у Пушкина описана барышня, воспитанная на провинциальных романах.

У Булгарина: «Груня, ее дочь, на пятнадцатом году слыла красавицей. Она была задумчивого нрава, проводила большую часть времени одна, в своей комнате, в чтении чувствительных романов и знала наизусть «Страсти молодого Вертера» и «Новую Элоизу». Я имел случай разговаривать с нею весьма часто, в то время когда ее матушка понтировала или забавлялась квинтическим. Мы весьма скоро подружились с Грунею и, после нескольких споров о морали и философии, согласились завести между собою переписку о разных философских предметах, для усовершенствования себя во французском языке и в мудрости. Но мудрость не любит вмешиваться в дела юношей с молодыми девицами. Вскоре философические наши письма приняли тон писем нежного Сент-Пре и мягкосердной Юлии, и мы, не зная, как и зачем, открывались в любви друг другу и мечтали о будущем нашем блаженстве».

У Пушкина: «Он славился во всей округе гостеприимством и радушием; соседи поминутно ездили к нему поесть, попить, поиграть по пяти копеек в бостон с его же-ною, а некоторые для того, чтобы поглядеть на дочку их, Марью Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу.

Она считалась богатой невестою, и многие прочили ее за себя или за сыновей. Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и, следственно, была влюблена. Предмет, избранный ею, был бедный армейский прапорщик, находившийся в отпуску в своей деревне».

Подобные параллели можно отыскивать еще и еще (скажем, забавные параллели обнаруживаются между «Юрием Милославским» и «Капитанской дочкой»; Пушкин сознательно отсылает читателя к Загоскину) – и всякий раз мы наблюдаем одно и то же: пушкинская проза – концентрированная, насыщенная и в то же время динамичная и легкая. Проза его современников – рыхлая, вялая, сколько ни сверкали бы очами герои Марлинского, в какие бы авантюры ни ввязывался Иван Выжигин у Булгарина.

В 1831 году юный лицеист Павел Миллер увидел у Пушкина книгу «Повестей Белкина» и спросил, кто ее автор. Пушкин ответил: «Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно».

«Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат» – так сформулировал Пушкин свое кредо.

#### ЧЕТЫРЕ РАССКАЗЧИКА, АВТОР И ИЗДАТЕЛЬ

Но стилистический эксперимент на этом не заканчивается, как и эксперимент с композицией цикла.

Сначала Пушкин предваряет повести предисловием издателя, укрывшегося за инициалами А.П. Издатель приводит рассказ безымянного соседского помещика об авторе повестей, Иване Петровиче Белкине: человеке кротком, честном и ничем не примечательном (в начатой позднее и оставленной без завершения «Истории села Горюхина» этот Белкин приобретает уже индивидуальные черты и становится искренним дураком и графоманом;

в «Повестях Белкина» он почти лишен всяких свойств. – Прим. авт.). У каждой записанной им истории – свой рассказчик. Пушкин замечает в предисловии: «Смотритель» рассказал был ему титулярным советником А.Г.Н., «Выстрел» – подполковником И.Л.П., «Гробовщик» – приказчиком Б.В., «Метель» и «Барышня» – девицею К.И.Т. Белкин почти ничего не говорит от себя; может быть, отчасти проявляет свою авторскую индивидуальность в «Гробовщике», где то и дело апеллирует к «просвещенному читателю»: «Просвещенный читатель ведает, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностию сильнее поразить наше воображение»; «Не стану описывать ни русского кафана Адриана Прорхорова, ни европейского наряда Акулины и Дарьи, отступая в сем случае от обычая, принятого нынешними романистами. Полагаю, однако ж, не излишним заметить, что обе девицы надели желтые шляпки и красные башмаки, что бывало у них только в торжественные случаи». Наверняка сведения о желтых шляпках и ссоре гробовщика с немцем-сапожником были доставлены Белкину приказчиком Б.В., но очень маловероятно, чтобы приказчик стал рассуждать о Шекспире и современных романистах. У каждого рассказчика – свой голос, своя манера выражаться. У героев – тоже. В «Выстреле» рассказчик-офицер говорит спокойно и обстоятельно, Сильвио – резко, отрывисто, лаконично: «Он прицелился и прострелил мне фуражку. Очередь была за мною. Жизнь его наконец была в моих руках; я глядел на него жадно, стараясь уловить хотя одну тень беспокойства... Он стоял под пистолетом, выбирая из фуражки спелые черешни и выплевывая косточки, которые долетали до меня. Его равнодушие взбесило меня. Что пользы мне, подумал я, лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит? Злобная мысль мелькнула в уме

моем. Я опустил пистолет». Граф, его соперник, рассказывает финал истории сбивчиво, с волнением: «Голова моя шла кругом... Кажется, я не соглашался... Наконец мы зарядили еще пистолет; свернули два билета; он положил их в фуражку, некогда мною простреленную; я вынул опять первый номер». В «Станционном смотрителе» мы слышим витиеватую речь чиновника: «Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые». Цикл повестей – словно коробочка, в которой лежит еще одна коробочка, а в ней еще пять, и в каждой есть еще вложенные коробочки. При этом Пушкин не особенно заботился о сохранении тайны издателя – даже рекомендовал сказать книгопродавцу Смирдину, чтобы тот не стеснялся устно сообщать покупателям, кто такой этот издатель А.П. – вероятно, чтобы книга лучше продавалась. Конечно, секрет Полишинеля был раскрыт, да и сам Пушкин вскоре включил «Повести Белкина» в свое собрание сочинений.

Зачем же нужно было придумывать такую сложную конструкцию? Может быть, для того, чтобы критика говорила о книге непредвзято? Тогда такая перестраховка отчасти оправданна: даже булгаринская «Северная пчела» по горячим следам опубликовала доброжелательный отзыв: «В сей книжке помещены шесть [с предисловием издателя] анекдотов, приключений, странных случаев, – как вам угодно назвать их, рассказанных мастерски: быстро, живо, пламенно, пленительно». Правда, довольно скоро критика заговорила о том, что в этих анекдотах нет никакого смысла, что это легковесно и пусто, хотя и блестяще написано. Даже Белинский считал, что эти повести – ниже пушкинского таланта. Впрочем, это как раз по-

нятно: Белинский собирался утверждать Пушкина как главного провозвестника реализма, и обманчивая простота «Повестей Белкина» никак не вписывалась в его концепцию.

Словом, современники «Повести Белкина» не поняли и не оценили. Зато о них заговорили потомки. И для потомков стало очевидно, что это образцовая «проза поэта».

### ЧТОБЫ ТЫ СМЕЯЛАСЬ И ПЛАКАЛА

Но, конечно, не только отточенный слог заставляет нас любить «Повести Белкина», хотя именно этот текст часто оказывается спасительным, если обчитаться дурной прозой до тошноты: он оказывается тем камертоном, по которому заново можно отстроить внутреннюю гармонию. Но и не это самое главное.

Болдинская осень – время, когда Пушкин напряженно размышлял о будущем. О том, как сложится его судьба после женитьбы, какой будет вторая половина его жизни – в письме родителям выражал надежду, что она станет для них более утешительной, чем первая. Это о нем в тот момент: «земную жизнь пройдя до половины». Один умный школьник сказал как-то на уроке: Пушкин будто сидит у себя в Болдине и без конца пасьянсы раскладывает – буду я счастлив или не буду? Женату быть или убиту быть? Два варианта жизни и отношений с Судьбой – в «Маленьких трагедиях» и «Повестях Белкина».

«Маленькие трагедии» начинаются «Скупым рыцарем»: зло скрыто в человеческом сердце, зло заставляет барона бросить сыну перчатку, а сына – поднять ее; «ужасный век, ужасные сердца», констатирует герцог. В «Моцарте и Сальери» не только злодейство Сальери убивает Моцарта: за ним уже приходил страшный черный человек; он уже пишет «Реквием» – и кажется, это заупокойная служба по нему самому. В «Каменном госте» ужас стущается – и статуя Командора сходит с постамента, чтобы увлечь Дон Гуана в преиспод-



КОЛЛАЖ АНЖЕЛЫ БУШЕВОЙ

нию; мы уже слышим страшные шаги Судьбы за дверью. В «Пире во время чумы» зло уже разлито повсюду: от чумы нет спасения, черный возница с горой трупов в телеге – это ведь тоже воплощенная Судьба, и смерть торжествует над жизнью (Болдино в карантинной осаде; кругом – холера; чем-то все кончится? Нужели пасьянс не сойдется?). «Повести Белкина» как будто идут навстречу «Маленьkim трагедиям» – но от ужаса, от мрачного явления мстительного Сильвио, безжалостного орудия Судьбы – к безмятежной идиллии «Барышни-крестьянки». В «Метели» Судьба становится метелью, которая заносит пути, разлучает предназначенных друг другу жениха и невесту, играет людьми как куклами; Судьба венчает незнакомцев, разлучает их навеки и снова приводит в объятия друг другу: в этот раз она неожиданно милостива, но, может быть, все так же слепа. Гробовщик зовет мертвцев к себе на пир, как Дон Гуан зовет статую Командора. Но гробовщик наказан за свое жульничество только легким испугом,

а не преисподней; Судьба снова милостива к человеку. «Станционный смотритель» – самая трагическая повесть в цикле. Но гибель доброго смотрителя – не дело рук злодейки-судьбы: Судьба оказалась богаче вариантами и щедрее к Дуне, чем он смог принять. Дунино счастье не совпало с его представлениями о том, какого счастья он ей хочет. Наконец, в «Барышне-крестьянке» трагический сюжет «Ромео и Джульетты» оказывается совершенно вывернут наизнанку, преображен в водевиль. Мрачный и разочарованный Ромео играет в горелки с крестьянками; Джульетта, вместо того чтобы погибать, устраивает двойную комедию с переодеванием. Злая судьба редуцирована до кольца с мертвой головой на пальце главного героя: она никуда не исчезла, она тут, «мemento mori» сохраняется в тексте, но становится посмешищем. Жизнь, щедрая на проказы, торжествует, и дети, предназначенные друг другу внезапно помирившимися отцами, оказываются предназначены друг другу самой Судьбой. (Влюбленные поженятся,

будут жить долго и счастливо, пасьянс сойдется, все кончится хорошо.)

«Повести Белкина» – истории, которые пишет сама жизнь: иногда трагические, иногда странные, иногда неправдоподобные. Современники не нашли в них глубокого смысла, потому что одни искали морали и нравоучения, другие – величия, третий – жизненной правды в ее бытовом, а не метафизическом воплощении. Потомки увидели в тексте множество разных смыслов – иногда необходимых для его понимания, иногда избыточных. А ближе всего, наверное, к пониманию отношений между автором, Судьбой и героями оказался Евгений Шварц, который вовсе не занимался «Повестями Белкина», зато вложил в уста сказочника и творца в «Обыкновенном чуде» такое объяснение сути творчества: «Таким уж я на свет уродился. Не могу не затевать, дорогая моя, милая моя. Мне хотелось поговорить с тобой о любви. Но я волшебник. И я взял и собрал людей и перетасовал их, и все они стали жить так, чтобы ты смеялась и плакала».



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

# ВЕРИВШИЙ В ЧЕЛОВЕКА

АВТОР

**МАРИНА ЯРДАЕВА**

ОН ПРОЖИЛ УДИВИТЕЛЬНУЮ И ДОЛГУЮ ЖИЗНЬ. ОТКАЗАВШИСЬ ОТ ПРИВИЛЕГИЙ РОДА И ПОЛОЖЕНИЯ, ОН ВЫБРАЛ ПУТЬ, ПОЛНЫЙ ТРУДНОСТЕЙ И БОРЬБЫ. СИБИРЬ, ТЮРЬМЫ, НУЖДА, ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И РАБОТА, РАБОТА, РАБОТА. ОЧЕНЬ МНОГО РАБОТЫ. И ЧТО ЖЕ? ГЛАВНОЕ, ЧТО ВЫНЕС ЭТЫЙ НЕВЕРОЯТНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ВСЕХ ИСПЫТАНИЙ, – ВЕРА В ЧЕЛОВЕКА И В ВОЗМОЖНОСТЬ СЧАСТЬЯ ВСЕХ ЛЮДЕЙ, ВЕРА, ЧТО ЛЮБОЕ ОБЩЕСТВО МОЖЕТ БЫТЬ УСТРОЕНО НА НАЧАЛАХ ВЗАИМОПОМОЩИ, СПРАВЕДЛИВОСТИ И СВОБОДЫ.

**П**ЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА Кропоткина судьба не обделила ничем.

Он родился в Москве 27 ноября (9 декабря) 1842 года в семье, принадлежавшей к древнему роду князей Смоленских, то есть Рюриковичей. История рода была бурной. Некоторые предки будущего революцио-

нера запомнились весьма экстравагантными поступками: один, воевода при Нарве, чуть ли не былбит батогами по приказу Грозного, другой ходил с Тушинским вором против московского боярства, третий во время правления Алексея Михайловича учинил какое-то буйство на царском крыльце. При

Романовых род Кропоткиных попал в опалу. Положение было исправлено отцом философа. По признанию сына, Алексей Петрович Кропоткин был типичным николаевским офицером. Он женился на Екатерине Николаевне – дочери героя Отечественной войны 1812 года генерала Николая Сулимы. В отставку отец анархиста вышел в звании генерал-майора, владея имениями в трех губерниях.

После того как Петр окончил Первую московскую гимназию, он в 1857 году продолжил учебу в престижном Пажеском корпусе, готовившем офицеров для лейб-гвардии. Теперь ему предстояло увидеть без прикрас

П.А. Кропоткин  
в рабочем  
кабинете,  
за столом  
собственного  
изготовления



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Князиня  
Екатерина  
Николаевна  
Кропоткина,  
урожденная  
Сулима,  
мать Петра  
Кропоткина



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

открыл периодический закон химических элементов. Дарвин совершил переворот в биологии, а Фогт и Молешотт создали физиологическую психологию. Эти же годы были и эпохой общественного пробуждения России. «Все то, о чем поколение, представленное в литературе Тургеневым, Герценом, Бакуниным, Огаревым, Толстым, Достоевским, Григоровичем, Островским и Некрасовым, говорило шепотом, в дружеской беседе, начинало теперь проникать в печать. Цензура все еще свирепствовала; но чего нельзя было сказать открыто в политической статье, то проводилось контрабандным путем в виде юмористического очерка или в замаскированной критике западноевропейских событий», – вспоминал Кропоткин.

Сам он, учась в Пажеском корпусе, начал выпускать свою первую рукописную подпольную газету. Юный изобретатель копировал ее в трех экземплярах и подсовывал в столы товарищам старших классов с припиской «положить свои замечания за большими часами в нашей библиотеке».

Идеи прогресса, торжества науки, свободы, просвещения и гуманизма слились в сознании молодого революционера.

Но если мировоззрение Кропоткина сформировало время, то путь определили обстоятельства.

В июне 1861 года он был произведен в фельдфебели Пажеского корпуса и стал камер-пажом императора. Поначалу это воодушевило Кропоткина – Александр II был для него героем. В этом смысле он вполне разделял скороспелый восторг Герцена, который, откликаясь на первые шаги монарха по освобождению крестьян, писал в своем «Колоколе» об Александре II: «Ты победил, галилеянин!» Петр был полон надежд, что при дворе и он сможет послужить делу реформ. Но разочарование пришло очень скоро.

## НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Вторая половина XIX века была временем расцвета точных наук. Грове, Клаузиус, Джоуль и Сегэн доказали, что теплота и электричество – это лишь различные формы движения. Гельмгольц начал свои исследования о звуке. Тиндалль призвал присмотреться к атому и молекулам. Менделеев

Пажеский Его  
Императорского  
Величества кор-  
пус. Литография  
А.Н. Авнатамова  
и Н.К. Брезе  
по рисунку  
И.И. Шарлеманя.  
1859 год

Князь Петр  
Кропоткин.  
1864 год



жизнь кадетскую и придворную. И если быт, устроенный отцом, который не разбирался в музыке, но держал оркестр, проигрывал огромные суммы в клубах, а дома вел счет даже сальным огаркам и гонял дворовых за разбитые тарелки, поражал его жестокостью и праздностью, то перспектива обучения в корпусе пугала казенщиной и военной муштрай.

Впрочем, Петру Кропоткину повезло. Он попал в корпус в переходный период, уже после смерти Николая I, когда в воздухе носились новые идеи. «Это пробуждение отразилось и на нашем корпусе, – писал Кропоткин. – Признаться, я не знаю, что стало бы со мною, если бы поступил на год или на два раньше. Или моя воля была бы окончательно сломлена, или меня бы исключили – кто знает, с какими последствиями». Пробуждение выражалось в проявлении воспитанниками настоящего интереса к учебе, естественным наукам, к общественным вопросам, политэкономии, на смену муштре и дедовщине пришли споры о литературе, философии и, самое главное, о судьбах родины.

Что же сформировало будущего философа? И самое главное – как?

В окружении государя он не увидел никакого горения, на-против, оно было пропитано лицемерием, интриганством, страстью к сплетням и сканда-лам. Да и фигура царя-освобо-дителя потускнела довольно быстро.

Однажды во время император-ской прогулки вдоль набереж-ной к Александру II прорвался сквозь двойную цепь солдат старый крестьянин. Он упал в ноги царю, протягивая про-шение. Но император прошел мимо, не обратив на мужика никакого внимания. Прошел, не удостоив несчастного даже взгляdom. Это наблюдение ста-ло для Кропоткина последней каплей, оно окончательно от-вратило его от императора и двора. Кроме того, в Петербург доносились вести о крестьян-ских бунтах и их жестоком по-давлении. Кропоткин не хо-тел быть к этому причастным. И после учебы для продолже-ния службы он выбирает вме-сто привилегированных Семе-новского и Преображенского полков отдаленное Амурское казачье войско. По собствен-ной воле едет в Сибирь.

Альтернативой Сибири для молодого князя мог стать толь-ко университет, но отец и слы-шать о том не хотел. Можно было заручиться поддержкой монарших особ, стипендию на обучение мог выделить брат императора, великий князь Михаил Николаевич. Но Кро-поткин не хотел пользоваться его милостью. Что же до само-го императора, то перед отъездом случай свел Кропоткина с ним. Тот спросил, зачем Петр решил ехать так далеко. Моло-дой офицер ответил царю, что хочет работать и проводить намеченные реформы. Алек-сander задумался на минуту и сказал: «Что ж, поезжай. По-лезным везде можно быть». «И лицо его приняло выраже-ние такой усталости, такой полной апатии», что Кропот-кин подумал, что теперь он окончательно сдастся, свернет с намеченного курса.

П.А. Кропоткин.  
1873 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Исследованиями природы Си-бири Кропоткин занялся после того, как реакцией, последовав-шей за восстанием в Польше 1863–1864 годов, была пресече-на его реформаторская деятель-ность по реорганизации забай-кальских тюрем. В Приамурье Кропоткин хотел увидеть соб-ственными глазами борьбу все-го живого, описанную в труде Чарльза Дарвина «Происхожде-ние видов», но вместо этого он наблюдал совсем другие, поис-тине удивительные явления – взаимопомощь животных. Он видел, как птицы разных видов объединялись в борьбе с хищниками, как существова-ли в горных озерах в согласии рыбы. А уж то, насколько ор-ганизованными оказались об-щества животных одного вида, и вовсе поразило воображение Кропоткина. Он посчитал, что конкуренция не имела в при-роде правила, скорее, она сви-детельствовала о неблагополу-чи и упадке.

Позже философ стал искать подтверждения своим наблю-дениям в работах других ис-следователей. И нашел их в описаниях жизни колоний му-равьев и пчел в трудах Рома-несса, Бюхнера и Леббока. Спу-стя годы Кропоткин объединит свои наблюдения с изученной литературуой и напишет свой знаменитый труд «Взаимная помошь как фактор эволю-ции». На идеях, подсказанных

## В БЛАГОДАТНОЙ СИБИРИ

Дорога к месту службы привела Кропоткина в восторг. Сибирь, оказывается, не замерзшая зем-ля, заселенная лишь ссыльны-ми, не мрачный угол, где пра-вит невежество и грубость, а чудесный благодатный край, вознаграждающий человека за любую работу. Здесь Кропот-кин провел пять лет, перевидел множество разных людей, пре-одолел более 70 тысяч верст на перекладных, пароходах, лод-ках, верхом, изучил природу во всем ее многообразии. Здесь род-дилась его философия анархиз-ма. И тесно переплетенный с выведенными исследователем законами природы анархизм Кропоткина стал самым челове-колюбивым, самым светлым – до утопичности.



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Польские  
ссыльные  
в Восточной  
Сибири.  
XIX век



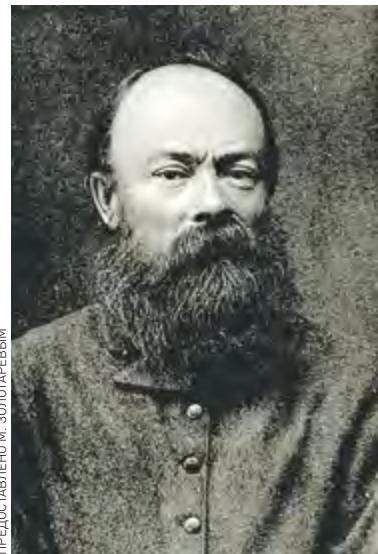
Делегаты  
Четвертого  
конгресса  
Интернационала  
в Базеле  
в 1869 году

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

природой, философ выстроит и свой анархизм. Способность к самоуправлению, впрочем, наблюдал Петр Кропоткин не только среди животных, но и среди людей. Он видел, как перекраивали свои жизни бывшие каторжники, как объединялись они в большие группы и обустраивали новые деревни, как сообща преодолевали буйство забайкальской стихии, как не сдавались и побеждали. И все это без начальства. Но были и те, кого обстоятельства ломали. Кропоткин с досадой подмечал, что большинство из сдавшихся – это люди, долгое время жившие во благе цивилизации, в строгом повиновении николаевским порядкам. Спивались и становились бродягами бывшие офицеры, мелкие чиновники, надзиратели. В Сибири Кропоткин утратил всякую веру в государственную дисциплину. В 1866 году вспыхнуло восстание ссыльных поляков на Кругобайкальской дороге. Мятеж, разумеется, был подавлен, главные зачинщики расстреляны. Лишь по стечению обстоятельств Петр Кропоткин не оказался перед выбором: участвовать в подавлении бунта или нарушить присягу. Он ведь все еще был царским офицером. Событие это его так впечатлило, что он решил избавить себя от такого выбора раз и навсегда. Он подал в отставку.

### ЖАЖДА ПРОСВЕЩЕНИЯ

Весной 1867 года Кропоткин вернулся в Петербург. Он поступил в университет на математическое отделение, поскольку считал, что точные науки – единственный прочный фундамент для всякой дальнейшей работы. И был, безусловно, прав. Вся публицистика философа, все его труды отличаются точностью и взвешенностью суждений и математической стройностью. А публиковаться он начал как раз в пору студенчества, чем и зарабатывал себе на жизнь и учебу – отец этакие глупости оплачивать отказался. Тогда же он с братом Александром вошел в несколько литературных кружков. В этот же период Кропоткин увлеченно занимался разными исследованиями, со-



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дмитрий  
Александрович  
Клеменц.  
1891 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

П. Кропоткин.  
Взаимная  
помощь как  
фактор эволюции  
(С.-Пб., 1907).  
Обложка

ставлял карты сибирского рельефа, готовил доклады для Императорского Русского географического общества (ИРГО), тесно общался с путешественниками, географами, биологами и ботаниками – Николаем Миклухо-Маклаем, Алексеем Северцовым, Николаем Пржевальским, Алексеем и Ольгой Федченко.

Заниматься наукой было для Кропоткина настоящим счастьем. «Кто испытал раз в жизни восторг научного творчества, – писал он, – тот никогда не забудет этого блаженного мгновения. Он будет жаждать повторения. Ему досадно будет, что подобное счастье выпадает на долю немногим, тогда как оно всем могло бы быть доступно в той или другой мере, если бы знание и досуг были достоянием всех». Чем больше Кропоткин погружается в науку, пытаясь извлечь из нее максимум практической пользы, тем сильнее овладевает им мысль, что знание должно быть доступно массам. Никакие новые изобретения, никакие машины, никакие системы ирригации, никакие минеральные удобрения не помогут народу, пока знание будет привилегией меньшинства. Необходимо настоящее просвещение. Но для получения образования нужны время и средства, а иначе, «что за польза толковать крестьянину об американских машинах, когда у него едва хватает хлеба, чтобы перебиться от одной жатвы до другой; когда арендная плата за эту усеянную валунами землю растет с каждым годом по мере того, что крестьянин улучшает почву».

В 1872 году разочарованный тем, какая апатия царила в русском дворянском обществе и среди интеллигенции, Кропоткин отправляется за границу. Здесь он сходится с представителями разных революционных движений. В Цюрихе русский путешественник вступает в одну из секций Интернационала, в Невшателе и Сонвилье сближается с представителями Юрской федерации Первого ин-

тернационала. Кропоткин заполем читает книги, брошюры и газеты, выпущенные революционерами, многие контрабандой перевозит в Россию.

Вернувшись, Кропоткин ищет нового общества и на родине – общества людей, живущих идеалами просвещения народа, равенства и справедливости. Кто ищет, тот, конечно же, находит. Страна уже погрузилась в идеи народничества: молодые дворяне и разночинцы отправлялись в деревни как врачи, фельдшеры, учителя, а иные шли в чернорабочие, кузнецы, дровосеки. Кропоткин тоже хочет принести пользу. И вот университетский товарищ Дмитрий Клеменц предложил ему вступить в кружок «чайковцев» (народнические кружки, названные по имени одного из лидеров движения – Николая Чайковского. – Прим. ред.). Члены кружка вели революционную агитацию среди рабочих Петербурга, разрабатывали программы наделения крестьян землей.

В январе 1874 года кружок заметно поредел, многие его участники были арестованы. Оставшиеся на свободе предполагали уехать на время из Петербурга. Планировал отъезд и Кропоткин. Но он отложил его, чтобы выступить в марте в ИРГО с важным докладом – о существовании в недалеком прошлом ледниковой эпохи. После этого доклада его и арестовали.



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

### ТЮРЕМНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Князь Петр Кропоткин оказался в стенах, за которыми до него уже побывали многие известные литераторы, мыслители, политические деятели. В казематах Петропавловской крепости коротали дни и ночи Рылеев, Достоевский, Бакунин, Писарев, Чернышевский.

Арестант решил во что бы то ни стало сохранять в тюрьме бодрость ума и тела. Он положил себе за правило проходить в своей тесной камере по 7 verst ежедневно, делать упражнения с тяжелым табуретом и читать книги – благо предыдущие узники оставили в арестантской

П.А. Кропоткин.  
1880-е годы

библиотеке достаточно литературы. После Кропоткин вспоминал: «Большинству революционеров только и удается читать толстые книги в тюрьме. Иоган Мост как-то писал мне, что он только в немецкой тюрьме получил порядочное образование <...> и большинству молодых студентов только в тюрьме удалось прочесть многое и познакомиться основательно с историей». Сам он читал в заключении труды физиолога Джорджа Льюиса, историков Фридриха Шлоссера, Сергея Соловьева, Николая Костомарова, Михаила Стасюлевича.

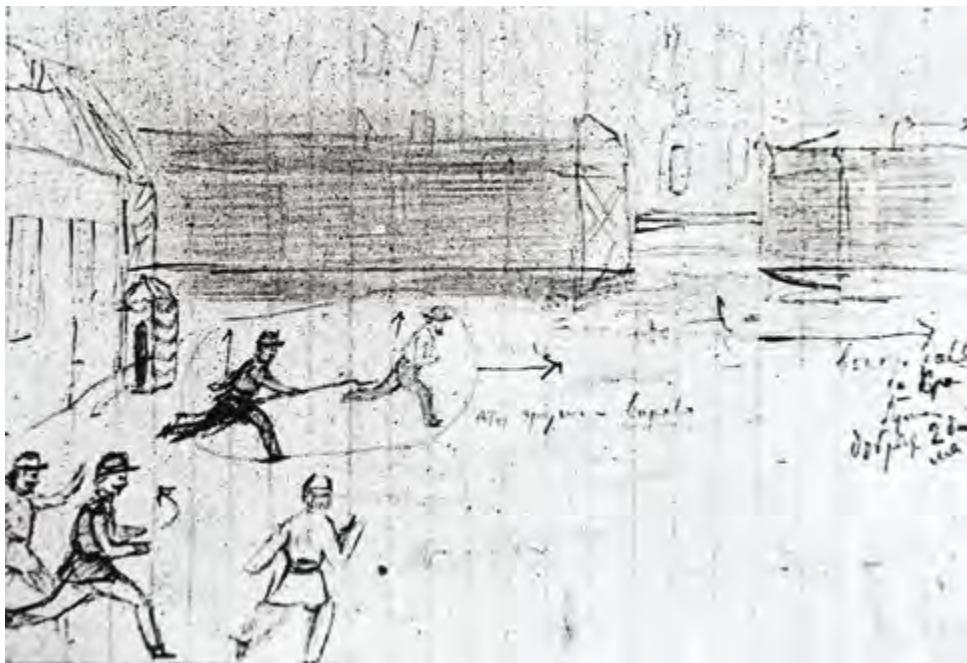
Вскоре Кропоткин получил возможность работать. Брат Александр выхлопотал ему разрешение заниматься научной деятельностью для ИРГО. Камера арестанта заполнилась новыми книгами, картами, справочниками. Кропоткину казалось, что за работой он переставал обращать внимание на холод, сырость и одиночество. Однако последовал новый удар: полиция перехватила письмо Александра Кропоткина приятелю – социологу и философу Петру Лаврову, издававшему в Лондоне революционный журнал «Вперед». В послании Александр описывал судьбу брата, не скрывая при этом отношения к власти. Александра Кропоткина арестовали. Не позволили проститься даже с умирающим от чахотки сыном. Известие об этом подкосило коротающего дни и ночи в Петропавловской крепости анархиста, он не мог не чувствовать в прошедшем своей вины. В довершение всего и его собственное дело не двигалось, прошло два года заключения, но приговор не объявляли. Пощатнулось и здоровье – Кропоткина перевели в Николаевский военный госпиталь.

Пребывание в госпитале давало надежду на побег. Нужно было решаться. Отказаться от риска и потерять последнее здоровье, забыть о борьбе с бедностью и бесправием народа или попробовать испытать удачу. Князь сообщил друзьям, где находился, намекнув на свои надежды.

Одна из камер  
Трубецкого  
бастиона  
Петропавловской  
крепости,  
где находился  
в заключении  
П.А. Кропоткин.  
1924 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

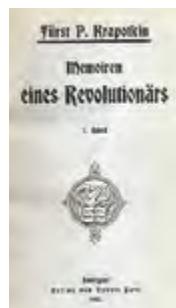
Побег было решено устроить во время прогулки. «Никогда я не забуду мою первую прогулку, — вспоминал Кропоткин подготовку побега. — Когда меня вывели и я увидел перед собой заросший травою двор, в добрых триста шагов в глубину и шагов двести в ширину, — я просто замер. Ворота были отперты, и сквозь них я мог видеть улицу, громадный госпиталь напротив и даже прохожих...». Само собой, повсюду были часовые. И все же в конце июля 1876 года арестанту удалось бежать из госпиталя. После побега анархист добрался до Финляндии, откуда через Швецию отправился в Англию.

Кропоткин думал пробыть за границей несколько недель, в крайнем случае месяцев. Между тем революционная борьба в России приобретала радикальный характер, анархист же все еще упирал на мирную работу с рабочими и никак не мог согласиться с тем, что освобождения можно добиться террором. И вот оказалось, что мирная пропаганда возможна и в среде английских фабричных рабочих. Он остался в эмиграции. Его упрекали даже в предательстве. Анархист же считал, что, если рабочие Лондона, Эдинбурга, Гуляя, а вслед за ними и рабочие других стран Западной Европы добьются существенных

свобод малой кровью — это будет гораздо более вдохновляющим примером для русского народа, нежели политические убийства. Кропоткин провел в эмиграции сорок лет. И жизнь его за рубежом, так же как и в России, была наполнена борьбой, преследованиями, изгнаниями. Из Лондона анархист вскоре перебрался на континент, где вновь примкнул к Юрской федерации. Он участвовал в рабочих демонстрациях в Швейцарии и Франции, вел агитацию в рабочей среде. В 1882 году Кропоткина арестовали и вновь отправили в тюрьму, только теперь уже в Клерво. Освободили лишь через три года благодаря хлопотам жены (в 1878 году в Женеве Кропоткин познакомился с Софьей Ананьевой-Рабинович, которая и стала его женой. Брак был заключен без венчания, на анархических принципах равноправия и продлился 43 года. — Прим. ред.) и поддержке левых общественных деятелей.

Такой биографический пунктир указывает как будто на чрезмерную мятежность натуры философа. Не жилось ему, дескать, спокойно, не хотел видеть в мире ничего хорошего и превратил свою жизнь в вечное сражение. Однако это не так. Кропоткин всегда подчеркивал, что куда больше его волновало создание

Набросок побега.  
Рисунок  
карандашом  
П.А. Кропоткина



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

П. Кропоткин.  
Записки  
революционера  
(Штутгарт, 1903).  
Обложка

теории анархизма, которая была бы приложима на практике не в конкретный острый момент истории, а на протяжении жизни человечества. А стало быть, такая теория должна была находиться в согласии с законами природы, истории и развития общества, а не противоречить им. «Анархизм — нечто большее, чем простой способ действия или чем идеал свободного общества, — объяснял Кропоткин. — Он представляет собою, кроме того, философию как природы, так и общества, которая должна быть развита совершенно другим путем, чем метафизическим или диалектическим методом, применявшимся в былое время к наукам о человеке. Я видел, что анархизм должен быть построен теми же методами, какие применяются в естественных науках». Эта мысль пронизывает почти все труды Кропоткина, посвященные анархизму. Эти же идеи он продвигал в издаваемых в Европе революционных газетах. «Социалистические газеты часто проявляют стремление превратиться в скорбный лист, наполненный жалобами на существующие условия. Отмечается тяжелое положение работников в шахтах, на фабриках и в деревнях; <...> подчеркивается их беспомощность в борьбе с предпринимателями, — писал Кропоткин. — Я полагал, напротив, что революционная газета главным образом должна отмечать признаки, которые всюду знаменуют наступление новой эры, зарождение новых форм общественной жизни и растущее возмущение против устарелых учреждений. За этими признаками нужно следить; их следует сопоставлять настоящим образом и группировать их так, чтобы показать нерешительным умам ту невидимую и часто бессознательную поддержку, которую передовые взгляды находят всюду, когда в обществе начинается пробуждение мысли. <...> Надежда, а вовсе не отчаяние, как нередко думают очень молодые революционеры, порождает успешные революции».

## УМ, ЧУВСТВО И ВОЛЯ

Весной 1886 года Кропоткин с женой переселился в Великобританию, где прожил более тридцати лет. Он занимается наукой и публицистикой, читает лекции и, главное, продолжает структурировать свои взгляды об анархизме – создает самые впечатляющие свои труды. В 1890-е он заканчивает работы «Государство и его роль в истории», «Анархия, ее философия и идеал», «Современная наука и анархия», «Хлеб и воля», «Поля, фабрики и мастерские». В первые годы нового века в печати выходят «Взаимная помощь как фактор эволюции», «Записки революционера», «Нравственные начала анархизма».

Книги и научные труды Кропоткина удивительны. Неподготовленному читателю они могут показаться даже наивными, утопичными: слишком уж оптимистично он выводит идеалы нового человеческого устройства на примерах разных, казалось бы, и не стоящих внимания букашек, на аналогиях с первобытными обществами, слишком уж верит в человека, слишком уж открыт миру. Но правда в том, что философия Кропоткина формировалась не в кабинетах, не в отвлеченных размышлениях, мыслитель тесно общался с представителями самых разных слоев, он знал и понимал, как живут крестьяне, рабочие, интеллигенция и мещане. И при всем этом он видел в человеке больше стремления к свету, чем тьмы и невежества. Честный, думающий, неравнодушный человек и сегодня может выстраивать свою жизнь на этических принципах Кропоткина при любых государственных режимах и любой идеологии. А ведь именно на это и уповал философ: на изменение в первую очередь сознания человека, на его стремление к самостоятельности и независимости от государственных институтов. Именно поэтому философия Кропоткина



П.Н. Мил'юков  
и П.А. Кропоткин  
на Государствен-  
ном совещании.  
Москва. Август  
1917 года

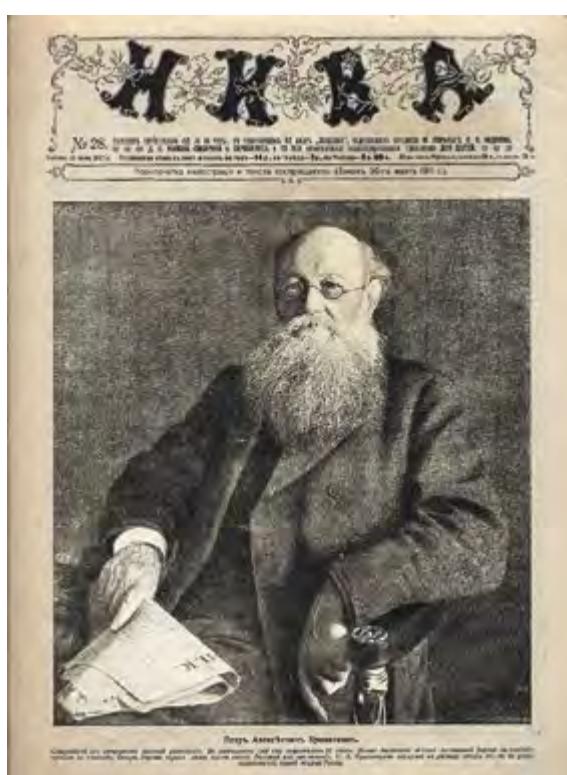
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

пережила и разрушительную русскую революцию, и новую советскую власть, утверждавшуюся на старых принципах террора и деспотизма. Впрочем, отношение философа к новым советским порядкам это отдельная история и, безусловно, интересный феномен. 1917 год – время ликования всех сил русского освободительного движения. Конечно,

это праздник и для Кропоткина. А еще – возможность вернуться на родину. Анархиста тут ждали и встретили настоящими овациями. К его возвращению было приковано внимание всей политически активной части русского общества, его приглашали на собрания и советы. Петр Алексеевич, в свою очередь, с изумлением смотрел на новую Россию. Прямо на его глазах воплощалось в жизнь столь многое, на что он надеялся: появились различные объединения, фабрично-заводские комитеты, кооперативы, советы.

Но наступает октябрь. К власти приходят большевики. И если риторика их ещеозвучна многим идеям анархии, то методы очень быстро становятся похожи на прежние, царские, только возвращаются они в еще более жутком виде. Вместо Третьего отделения учреждается ЧК, усиливается политический террор, разгоняются анархистские организации. Кропоткину все это чуждо, он сознает, что это предательство идей революции. Философ пытается дотучаться до Ленина.

В мае 1919 года происходит историческая встреча Кропоткина и Ленина на квартире Бонч-Бруевича. Бонч-Бруевич



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

описал поведение анархиста во время этого визита как поведение слегка тронувшегося старичка, которого в роковые

для истории страны времена заклинило на каких-то незначительных вещах и наивных идеях. Однако же есть

Памятник  
Петру  
Кропоткину  
в Дмитрове.  
Авторы  
муниципалитета –  
скульптор  
А.И. Рукавишников и архитектор  
Р.В. Нарский



П.А. Кропоткин  
с женой Софьей  
Григорьевной.  
Дмитров. Около  
1919 года

предшествовавшее этой встрече письмо Кропоткина, где он вполне недвусмысленно заявляет, что говорить с лидером большевиков он хочет о красном терроре. «В русском народе большой запас творческих, построительных сил, – писал Кропоткин в письме. – И едва эти силы начали налаживать жизнь на новых, социалистических началах среди ужасной разрухи, внесенной войной и революцией, как обязанности полицейского сыска, возложенные на них террором, начали свою разлагающую, тлетворную работу, парализуя всякое строительство и выдвигая совершенно неспособных к нему людей. Полиция не может быть строительницей новой жизни, а между тем, она становится теперь державной властью в каждом городке и деревушке. Куда это ведет Россию? К самой злостной реакции...».

Были и другие письма. Уже из Дмитрова, где обосновался Кропоткин. И уже не только о репрессиях, заложниках, но и о конкретных материально-бытовых проблемах русских людей: о голода, о чудовищной инфляции, об отчаянном положении крестьян и мелких служащих, о дурном обращении с людьми присыпаемых из центра комиссаров.

Однако страшная новая действительность, Гражданская война и разруха, не ввергла Кропоткина в отчаяние. Он понимал, что революция превратилась в самостоятельную стихию и нужно время, чтобы она могла утихнуть. Он верил, что буря успокоится, а честные люди, обладающие умом, чувством и волей, останутся и они смогут устроить мир на новых началах, потому что «ум, чувство и воля – это и есть жизнь». ...Петр Алексеевич Кропоткин скончался в Дмитрове 8 февраля 1921 года от воспаления легких в возрасте 78 лет. Философ-анархист был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. ●

ΒΡΥΞΕΛΛ

— Классика — очень, очень старая музыка. Жаль, что в истории... — решил я, — будто единственное значение музыки — это история, будто история — это единственное значение музыки. Но это не так. История — это не то, что мы слышим, это то, что мы слышали.



# ВЕСТНИК ИНЫХ МИРОВ

АВТОР

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В РЕЧИ НА ПОХОРОНАХ МИХАИЛА ВРУБЕЛЯ АЛЕКСАНДР БЛОК СКАЗАЛ, КАЖЕТСЯ, ГЛАВНОЕ: ЖИВОПИСЕЦ «СТРЕМИЛСЯ ИЛЛЮСТРИРОВАТЬ ДУШУ, БУДИТЬ ЕЕ ОТ МЕЛОЧЕЙ БУДНИЧНОГО ВЕЛИЧАВЫМИ ОБРАЗАМИ». «ВЕСТНИКОМ ИНЫХ МИРОВ» НАЗВАЛ ТОГДА ПОЭТ ХУДОЖНИКА. А ГЛАВНЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ТОЧНО ОПРЕДЕЛИЛ ИСКУССТВОВЕД СЕРГЕЙ МАКОВСКИЙ: «ВРУБЕЛЬ, СТРАДАЛЕЦ ПОРЫВИСТЫЙ И НЕЖНЫЙ, ГОРДЫЙ ДО РЕБЯЧЕСТВА, СТРАСТНЫЙ ДО БЕЗВОЛИЯ И РАЗГУЛА, ГЕНИАЛЬНЫЙ ДО БОЛЕЗНИ»...

**М**НОГОГРАННОЕ ТВОРЧество Врубеля представлено на выставке в Новой Третьяковке. В экспозиции около 300 работ из 9 российских и зарубежных музеев, а также из частных собраний. Более 100 работ прибыло в Москву из Государственного Русского музея (ГРМ). О таком объединении разрозненного наследия Врубеля можно было только мечтать. В одном пространстве встретились находящиеся в разных коллекциях графические циклы «Раковины» и «Бессонница», воссоединены фрагменты разрезанных художником произведений, в том числе композиция «Пророк и Серафим», верхняя часть которой находится в собрании Государственной Третьяковской галереи (ГТГ), а нижняя – в ГРМ.

Но самое ценное – первая в истории встреча трех великих «Демонов» Врубеля: «Сидящего» (ГТГ), «Летящего» (ГРМ) и «Поверженного» (ГТГ). Знаменитый триптих никогда не представлял перед зрителями единым целым, даже сам художник ни разу не видел эти полотна вместе.

## НАЧАЛО

В 1856 году, когда в Германии вышло первое полное издание запрещенного в России лермонтовского «Демона», в далеком Омске родился мальчик, большая часть жизни которого пройдет в попытках разгадать тайну этого удивительного образа. Он станет великим художником, но большинство признает это только после его смерти. Он переживает много личных трагедий, будет



Автопортрет.  
1883 год

терпеть нужду и насмешки, ослепнет и сойдет с ума, но до последнего вздоха останется верен своему девизу: «Истина в красоте»...

Штабс-капитан Отдельного Сибирского корпуса Александр Михайлович Врубель родился в Астрахани, окончил кадетский корпус, успел отличиться в Кавказской кампании и Крымской войне, вернулся в родной город и женился на дочери местного губернатора Анне Григорьевне Басаргиной. Вскоре молодые перебрались в Омск – место новой службы Врубеля. В семье родились четверо детей, но выжили только старшие – Анна и Михаил. Мать скончалась от чахотки, когда Миша было всего 3 года. Отца перевели служить сначала в Астрахань, затем в Харьков. В это время 4-летний Миша учится читать и, по воспоминаниям сестры, часами рассматривает иллюстрации в подшивке журнала «Живописное обозрение» и в старинных книгах семейной библиотеки, доставшейся Александру Михайловичу от деда. Тогда же мальчик начинает рисовать бытовые комические сценки, главными героями которых были домочадцы. В 1863 году число домочадцев увеличилось – отец снова женился. Елизавета Христиановна Вессель постаралась заменить маленьким Врубелям мать, следила за их питанием и манерами, привила им любовь к музыке. Она не делала различий между детьми мужа от первого брака и своими собственными, появившимися позже. Спустя много лет Анна и Михаил в письмах будут вспоминать заботы Елизаветы Христиановны, которую они в детстве с доляй иронии называли «чудная Мадринька – перл матерей». Некоторое время семья живет в Петербурге. Александр Михайлович, заметивший способности сына, водит Мишу на занятия в Рисовальную школу при Обществе поощрения художников. Отец вообще относил

ся к увлечениям детей с вниманием, старался развивать их кругозор, водил на выставки, выписывал детские познавательные журналы.

В 1865-м Александра Михайловича назначили командиром Саратовского губернского гарнизона. Семья перебралась в Саратов, где отец нанял для сына преподавателя рисования из местной гимназии. А вскоре произошел удивительный случай. «В Саратов была привезена однажды, по всей вероятности, для католической церкви копия с фрески Микеланджело «Страшный суд», – пишет Анна Врубель. – Отец, узнав об этом, повел брата смотреть ее. Брат усиленно просил повторить осмотр ее и, возвратясь, воспроизвел ее наизусть во всех характерных подробностях». О качестве рисунка судить мы не можем, поскольку он не сохранился. Но факт сам по себе, конечно, поразительный.

В Саратове у Миши появилось еще одно увлечение: спектакли в местном театре будят в нем любовь к инсценировкам. «Игры наши были всегда в высшей степени романтичны и носили на себе яркий отпечаток влияния тогдашней ходовой детской литературы – Купера, Майн-Рида и т.п., но много, разумеется, было в них и нашей, точнее, Мишиной выдумки – его фантазия была неистощима, – вспоминала подруга детства Врубеля Вера Мордовцева. – Премьером, ге-роем всех этих приключе-

Пророк  
и Серафим.  
Иллюстрация  
к стихотворению  
А.С. Пушкина  
«Пророк».  
1905 год



ний на суше и на море, конечно, всегда был Миша. Как сейчас вижу его в главных ролях, вижу его прелестное, оживленное, горящее вдохновением игры, лицо. <...> Помню еще одну характерную черточку: если случалось Мише когда-нибудь изображать несимпатичные роли <...>, то в Мишиной передаче они теряли свою несимпатичность».

Через два года отец стал слушателем Военно-юридической академии в Петербурге, куда переезжает вся семья. Михаил поступает в Аларчинскую классическую гимназию, увлекается естествознанием и снова посещает занятия в Рисовальной школе. Но в 1870 году Александр Михайлович получает новое назначение, и Вруbeli переезжают в Одессу, оставив в Петербурге Анну, которая учится на Аларчинских педагоги-

ческих женских курсах. Михаил продолжает образование в знаменитой Ришельевской гимназии и в Одесской рисовальной школе при Обществе изящных искусств. Он увлечен историей, латынью и точными науками. По-прежнему обожает театр и музыку, зачитывает Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, читает в оригинале Гомера, Овидия, Данте, Шекспира, Бодлера, Канта и Гёте. В 1874 году, окончив гимназию с золотой медалью, Михаил поступает на юридический факультет Петербургского университета. А отец, получив очередное назначение, перебирается с семьей в Вильно. В Петербурге Врубель живет у брата мачехи – филолога и теоретика педагогики Николая Весселя. Учится в университете и продолжает рисовать «на темы из литературы, как совре-

Демон  
поверженный.  
1902 год





менной, так и классической», вспоминала Анна Врубель. Работа над литературными образами привлекала Врубеля всегда. И когда в 1891 году известный издатель Петр Кончаловский объявил о подготовке издательством Кушнарева юбилейного двухтомника Лермонтова, а позднее – Пушкина, то именно иллюстрации Врубеля к поэзии «Демон» и роману «Герой нашего времени» окажутся наиболее близки духу произведений.

На последнем курсе университета Михаил делает зарисовки с картин в Эрмитаже, где знакомится со студентами Академии художеств Николаем Бруни и Василием Савинским, ходит с ними в академические вечерние рисовальные классы. Семья к этому увлечению студента юрфака относится как к любительству.

### КАК ДЕНДИ ЛОНДОНСКИЙ...

Поначалу с деньгами у студента было тяжело, его несколько раз формально исключали из университета за неуплату за обучение. Небольшие суммы Михаилу присыпал отец. Как могла помогала и сестра Ниuta, уже работавшая учительницей в Оренбурге. Этого не хватало, и Врубелю пришлось подрабатывать репетиторством. Очаровательный и прекрасно образованный молодой человек легко завоевывал сердца своих подопечных и их родителей. Скажем, первую половину лета 1875 года он путешествовал с семьей одного из своих учеников по Франции, Швейцарии, Германии, а вторую – жил под Смоленском, в родовом имении композитора Михаила Глинки, обучая двух сыновей сенатора Бера. За Врубелем закрепилась слава хорошего репетитора, способного быстро подтянуть ученика по столь непросто-

Демон сидящий.  
1890 год

Демон летящий.  
1899 год

му предмету, как латынь. Так он оказался в доме сахарозаводчика Александра Папмеля: сокурснику Врубеля Володе Папмелю понадобились дополнительные занятия по латыни. В этой семье Михаил прожил пять лет. «У Папмеля Врубель жил, как родной: зимою ездил с ними в оперу, летом переселялся со всеми на дачу в Петергоф. Папмели ни в чем себе не отказывали, и все у них было не похоже на строгий и скромный уклад в семье самого Врубеля», – пишет первый биограф художника, Александр Иванов. Полное довольствие и хороший оклад, дружеское общение, поездки за границу. Папмели ценили его яркую индивидуальность, юмор, рисовальные способности и эрудицию. Михаил стал одеваться как денди, что обходилось недешево. В доме Папмеля Врубель познакомился с дядей Володи – «сахарным королем», миллионером Леопольдом Кёнигом. Именно он стал первым заказчиком Врубеля, предложив 200 рублей за любую его работу. Позже меценатами Врубеля станут Савва Мамонтов, княгиня Мария Тенишева, Михаил Морозов, Владимир фон Мекк. Правда, не все из них входили в положение бедного художника. Скажем, Михаил Морозов первым начал активно скопить врубелевские холсты, и в начале 1900-х у него скопилось восемь работ художника: триптих «Суд Париса», «Фауст и Маргарита в саду», второй вариант «Сирени», «Гадалка» и несколько пейзажей. За «Царевну-Лебедь» Врубель просил 500 рублей, Морозов



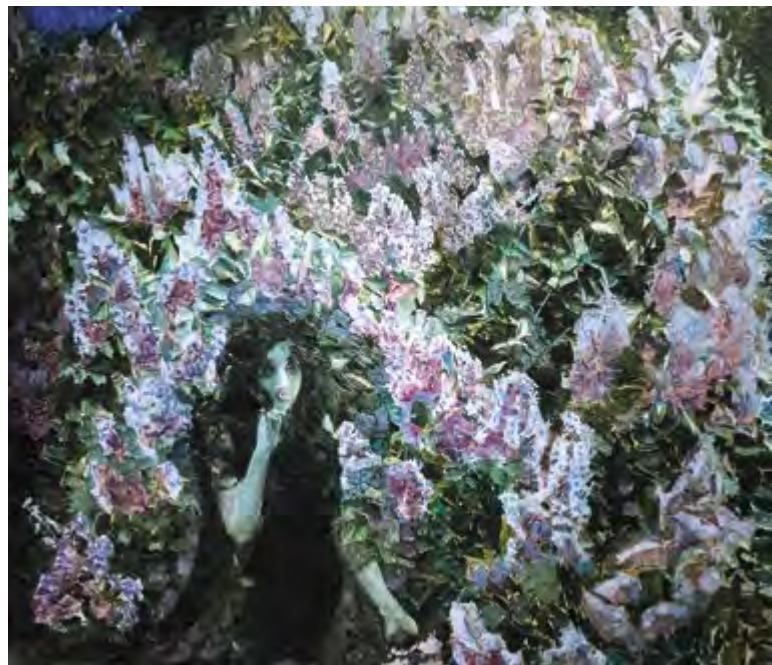
опустил цену до 300. И тогда Михаил Александрович повторил ее дважды, чтобы у Морозова не оказался единственный экземпляр. Зато молодой миллионер Владимир фон Мекк стал близким другом семьи художника, поддержавшим ее в самые трудные годы...

Летом 1880-го Михаил защитил диплом юрфака и, отбыв воинскую повинность, получил чин бомбардира запаса. Работать по специальности он не собирался, по большому счету, образование юриста он получил из уважения к отцу. Осенью того же года 24-летний Врубель поступил в Академию художеств. На вступительных экзаменах он познакомился с 16-летним Валентином Серовым. Несмотря на разницу в возрасте, художники дружили всю жизнь.

В академии определяющими для Врубеля стали уроки легендарного Павла Петровича Чистякова. «Чистяковцами» были Суриков, Репин, Виктор Васнецов, Борисов-Мусатов, Поленов, Рябушкин. Его метод рисунка состоял в том, чтобы в натуре видеть не контуры и не цветовые пятна, а «формы», расчленять предмет на планы и устанавливать логическую взаимосвязь отдельных деталей. Чистяков заявлял: «...главнейшим недостатком должно признать почти повсеместное копирование с оригиналов, причем ученики работают бессознательно, часто с дурных образцов и часто почти без пользы тратят слишком много времени на отделку рисунка в ущерб существенному изучению». Еще одной школой стали воскресные «акварельные утра» на дому у Ильи Ефимовича Репина, на которые ходил Врубель.

И Репин, и Чистяков высоко оценили талант Врубеля. Репин посоветовал Михаилу сделать работу вне курса академии, на свой вкус. Летом 1883-го Михаил рисует пером в стиле мастеров Возрождения «Обручение Марии с Иосифом», получив за рисунок серебряную медаль второго достоинства. В годы учебы в академии Врубель пишет акварели

Сирень.  
1900 год



Царевна-Лебедь.  
1900 год



«Натурщица в обстановке Ренессанса», «Пирующие римляне», «Гамлет и Офелия». Натюрморты, портреты, интерьеры и пейзажи, эскизы театральных костюмов и декораций, многофигурные композиции, впоследствии исполненные Врубелем в сложной технике акварели, бесподобны:

живой трепет неуловимых линий и цветовых переходов, тончайшая изысканность формы и тающая красота...

Весной 1884 года к Чистякову обратился историк искусства и археолог Адриан Викторович Прахов, которому была поручена реставрация киевского храма Святителей Кирилла и Афанасия Александрийских (Кирилловская церковь) и Софийского собора. Прахову нужны были талантливые, но неизвестные живописцы, дабы не увеличивать смету расходов. Чистяков рекомендовал Врубеля. Михаил согласился и после завершения учебного года, летом 1884-го, отправился в Киев. Здесь он будет жить и работать до середины 1889 года, бросив учебу и не получив в итоге диплом Академии художеств. Впрочем, его это не заботило: с одной стороны, его тяготили академические уроки, его дальнейшее творчество – отрицание академического канона. С другой – в Киеве его ждал огромный фронт работ: за пять лет Врубель подготовил прорисовку 150 фигур для реставрационных работ и расписал Кирилловскую церковь, написал для нее иконы, занимался реставрацией ангела в куполе Софийского собора и подготовил эскизы для росписи нового, Владимирского собора.

**ОПЫТЫ ЛЮБВИ**

Первым романтическим и безответным увлечением молодого Врубеля стала Мария Симонович – юная кузина Серова, позировавшая для его «Девушки, освещенной солнцем». Правда, эта неудача не стала для Михаила эмоциональным потрясением. Он как-то сказал: «Искусство – вот наша религия; а впрочем, кто знает, может, еще придется умилиться».

В Киеве сердцем художника завладела властная и эксцентричная Эмилия Львовна, жена Адриана Викторовича и мать троих детей. Художники, работавшие в киевских церквях вместе с Праховым (Нестеров, Васнецов, Врубель, братья Свedomские), после трудового дня приходили пить чай с Эмилией Львовной. Врубель же первое время даже жил в доме работодателя.

Эмилия Львовна была образованной и весьма неглупой женщиной, однако вела себя порой довольно странно. По воспоминаниям ее внучки, это была «эдакая домашняя Салтычиха», которая могла вдруг вылить чашку чая на голову раздражавшей ее гостье. Современники считали ее некрасивой, но при этом с восторгом писали о невысокой красоты синих гла-



зах Праховой. Когда Врубель познакомился с Эмилией Львовной, ему было 27, а ей 35 лет. Он влюбился всерьез, а она, посмеиваясь, играла с ним. Он же ее боготворил, хотя и понимал, что им манипулируют. Более того, кажется, подыгрывал Эмилии Львовне, по-своему подражая ее эксцентричным выходкам. Например, приходил к Праховым в безупречном темном сюртуке

Э.Л. Прахова  
за чтением.  
Середина  
1880-х годов



Богоматерь с младенцем.  
1884–1885 годы. Эскиз



Роберт  
и монахини.  
1896 год. Гипс  
тонированный

и жилете, при этом крахмальный воротник рубашки вместо галстука подвязывал кружевным женским чулком. Как-то, случайно измазав кончик носа зеленой краской, Врубель, вместо того чтобы смыть пятно, выкрасил краской весь нос. И в таком виде отправился через весь город к Праховой, чтобы продемонстрировать пример «кокетливого макияжа» у мужчин.

От этой любви остались два следа. Один – шрамы на груди Михаила Александровича, появление которых он так объяснил своему другу, художнику Константину Коровину: «...я любил женщину, она меня не любила – даже любила, но многое мешало ее пониманию меня. Я страдал в невозможности объяснить ей это мешающее. Я страдал, но ког-

да резал себя, страдания уменьшались». Второй – написанный Врубелем удивительно сильный образ «Богоматерь с младенцем». Так художник увековечил лицо своей возлюбленной.

В итоге Адриан Викторович, сначала с насмешкой наблюдавший за ухаживаниями Врубеля, обеспокоился и от греха подальше отправил художника на полгода изучать средневековые византийские мозаики и живопись эпохи Возрождения в Венецию и Равенну. Вдохновленный шедеврами мастеров Врубель из Венеции пишет своему другу Василию Савинскому: «Как «техника» есть только способность видеть, так «творчество» – глубоко чувствовать». А чтобы погрузиться в состояние глубокого творчества, нужно «забыть, что ты художник и обрадоваться тому, что ты, прежде всего, человек».

Весной 1885-го Врубель вернулся в Киев, он был готов продолжать работу. Но его эскизы фресок для Владимирского собора были забракованы комиссией по строительству – «невежественным Комитетом». Врубель берет паузу и уезжает к родным в Одессу. Именно здесь появляется его первый «Демон», написанный только двумя красками – сажей и белилами.

В начале 1886 года Врубель возвращается в Киев, рассчитывая на работу во Владимирском соборе. Но ему отказали. Художник не отчаивается, он все еще надеется, что его допустят к росписи, готовит эскизы. Так появляются акварели «Надгробный плач», «Воскресение», «Вознесение», «Ангел с кадилом и свечой». Тогда же он создает такие шедевры, как «Девочка на фоне персидского ковра», «Восточная сказка». Затем появляются холсты «Христос в пустыне», «Моление о чаше», «Христос в Гефсиманском саду», «Голова Христа». Денег катастрофически не хватает. Михаил снимает самое дешевое жилье, раскрашивает фотографии, работает в иконописной мастерской, замещает преподавателя в Рисовальной школе – берется



Портрет  
С.И. Мамонтова.  
1897 год

за любую работу. Навестивший Врубеля отец удручен его нищетой. «Михаил Александрович был как пушкинская Русалочка: «а что такое деньги, я не знаю», – вспоминал Нестеров, – и он, такой странный, неожиданный, совершенно бескорыстный, когда получал что-либо от кого-либо, спешил поскорее все истра-

тить, в чем ему будто бы успешно способствовали «молодые энтузиасты». А он, невинный, отсутствующий с нашей планеты, витал в своих видениях, грезах, а эти грезы, посещая его, не оставаясь его гостями долго, уступали свое место новым мечтам, новым образам, еще не виданным, нежданным, негаданным, прекрасным видениям жизни и фантазии чудесного художника «нездешних стран».

Лишь в ноябре 1888 года, при поддержке Васнецова и Сведомских, комиссия разрешила Врубелю писать в храме... орнаменты. «Никто не отметил в свое время такого поразительного явления, как фрески Врубеля в Кирилловской церкви, – писал в 1903 году в журнале «Мир искусства» Александр Бенуа, – никто не оценил по достоинству его узоров во Владимирском соборе (многие приписывают их прямо Васнецову)».

В конце лета 1889-го Михаил едет к заболевшему отцу, который тогда служил председателем Казанского военно-окружного суда. Возвращаясь в сентябре в Киев, он задержался в Москве, остановился сначала в мастерской у художника



За кружкой пива.  
1883 год



Италия. Сцена из античной жизни.  
1891 год

Остроухова, потом – у Коровина. До Киева он так и не добрался. Решил остаться в Москве, где он, Серов и Коровин сняли общую мастерскую. И не зря! «Както осенью 1889 года, когда вся наша семья уже перебралась на зиму в Москву, – вспоминал сын промышленника Всеивод Мамонтов, – отец за обедом объявил нам, что В.А. Серов собирался сегодня вечером прийти к послеобеденному чаю и послал привести к нам своего товарища и друга М.А. Врубеля... Только успели мы занять свои места за чайным столом, как появились ожидаемые гости. <...> вошел стройный, немного выше его (Серова) ростом молодой блондин, щеголевато одетый. <...> К сожалению, не запомнился мне разговор за чаепитием, помню только отчетливо, как сильно заинтересовал он отца и как последний, проводив гостей, заявил, что надо обязательно приручить нового знакомого». «Приручить», видимо, удалось: с декабря 1889 года Врубель живет у Мамонтова.



Морская царевна.  
1898–1899 годы.  
Майолика

### НЕПОНЯТЫЙ

В семье железнодорожного магната Саввы Мамонтова жизнь бурлит круглый год. Летом Мамонтовы выезжают в Абрамцево, где устроена настоящая коммуна для художников. Врубель принимает участие во всех затеях: домашние спектакли, музенирование, архитектурные проекты, майолика в гончарной мастерской... Именно в московском доме Мамонтова в 1890 году появилось программное полотно «Демон сидящий», которого не мог понять ни хозяин, ни его гости. Врубель пока не готов ничего объяснять, он просто

работает, участвует в выставках и получает заказы. Один из них – на декоративную скульптуру, два витража, три панно – в ноябре 1894 года организовал Врубелю архитектор Федор Шехтель, строивший особняк для Саввы Морозова.

Жизнь в семье Мамонтова позволила Врубелю забыть о бытовых проблемах. Он снова ходит щеголем, ездит в Италию, завивает усы, сделался англоманом, даже пристрастился пить эль. Но в декабре 1895 года судьба делает кругой поворот. В Петербурге, на репетиции мамонтовской постановки оперы Гумпердинка «Гензель и Гретель»,



Портрет  
Н.И. Забель-  
Врубель.  
1904 год

Михаил Александрович встречает свою любовь. Вернее, влюбляется в чудный голос, звучавший на темной сцене. И, даже не видя, кто она и как выглядит, Врубель в один миг решает жениться! Так велик был натиск его ухаживаний, что Надежда Забела не устояла. Она приняла его предложение руки и сердца, несмотря на то, что ее родственникам жених не нравился: ему – 40, ей – 27, он – художник, зарабатывающий мало, сорящий деньгами, да к тому же еще и пьющий... А скандалов сколько вокруг его работ? Один из самых громких разразился как раз перед свадьбой.

Мамонтов заказал Врубелю два гигантских панно для Художественного павильона Всероссийской нижегородской выставки 1896 года, организацией которой распоряжался министр финансов Витте, а Савва Иванович был его доверенным лицом. В качестве тем панно Михаил Александрович выбрал «Микулу Селяниновича» и «Принцессу Грэзу». Когда работы Врубеля начали монтировать на стены, случился скандал: академик Альберт Бенуа сообщил руководству Академии художеств, что во вверенном ему Художе-

ственном павильоне готовятся «некие панно» Врубеля, уточнив, что они «чудовищны». Комиссия академии прибыла в Нижний и забраковала оба панно. Мамонтов встал на дыбы. Витте дошел до Николая II. Комиссию отозвали, но панно, которые Мамонтов выкупил у Врубеля за 5 тысяч рублей, демонтировали. Однако император выразил желание их увидеть. И тогда Мамонтов приобрел участок земли перед входом на выставку, возвел просторный барак, на стенах которого разместил панно, а на крыше повесил огромную вывеску: «Выставка декоративных панно художника М.А. Врубеля». Так что Николай II, побывавший на выставке, панно все-таки увидел.

Но, кажется, все эти перипетии не слишком волновали Врубеля. Все его мысли были заняты Надеждой Забелой. Влюбленные едут в Женеву, венчаются 28 июля 1896 года, проводят медовый месяц в Люцерне.

Вернувшись в Москву, молодожены живут в особняке Мамонтова на пансионе, Савва Иванович пригласил Забелу в труппу своей Русской частной оперы. Ее коллега Мария Дулова вспоминала, что художник перед спектаклем всегда «собственноручно одевал жену с чулка до головного убора». Врубель садился в третий, артистический ряд партера, волновался, но с появлением на сцене Нади «успокаивался и жадно следил за игрой и пением своей жены. Он ее обожал! Как только кончался акт, после вызовов артистов, [Михаил] А[лександрович] спешил за кулисы и, как самая щадительная костюмерша, был точен во всех деталях предстоящего костюма к следующему акту, и так – до конца оперы».

Осенью 1898 года Врубели сняли квартиру и съехали от Мамонтовых. Чтобы Надя ни в чем не нуждалась, Врубель работает еще больше. И каждая новая картина – неожиданность для всех: «Сирень», «Пан», «К ночи», «Богатырь», «Царевна-Лебедь», майолика на темы опер «Садко» и «Снегурочка». Он начал работу над большим полотном «Демон

Камин «Микула Селянинович и Вольга». 1898–1900 годы. Майолика



летящий», но не завершил его: финансовый крах Мамонтова нарушил все планы. Понимание образа Демона для Врубеля было принципиально важным, многим своим знакомым он объяснял, что «демон» – греческий «даймон» – это душа, а не злая сила или падший ангел. На его полотнах мы видим уже не пермитоновского героя, а врубелевского – Демона, говорящего об одиночестве души, ее обреченности и безысходности. Это

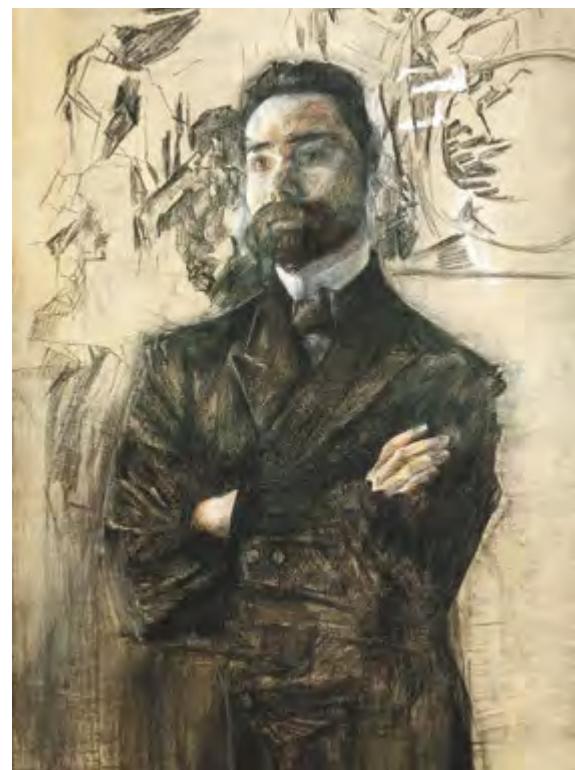
главный герой Врубеля и главная его тема...

За уникальный майоликовый камин «Микула Селянинович» на Всемирной выставке 1900 года в Париже Врубель удостоен золотой медали. Журнал «Мир искусства» впервые публикует его репродукции, несколько работ отправлено на выставку в «Венском Сецессионе», а также на выставку «Мира искусства» и первую Выставку 36-ти художников. Он постоянно работает для театра.

1 сентября 1901 года у Врубелей родился сын Савва. Событие радостное, но оба родителя подавлены: у мальчика «заячья губа». Михаил Александрович окружает жену и сына всевозможной заботой, для него наступает напряженный период. Он много работает, реализует собственные замыслы, преподает в Строгановском училище, ведет переговоры об участии в выставках...

9 марта 1902 года открылась выставка мирикунчиков, где экспонировался «Демон поверженный». Но автор переписывает картину на глазах публики, перемены образа вызывают у зрителей то восторг, то ужас, то издевки, то смех, кто-то обвиняет художника в безумии. Но он не слушает толпу, погрузившись в процесс создания своего последнего Демона, и как будто не может выразить – какой он, что

Портрет поэта  
В.Я. Брюсова.  
Начало 1906 года.  
Не окончен



Автопортрет.  
1904–1905 годы

он думает, как смотрит на нас? Бенуа возмущался: «Завзятые передвижники, разумеется, и слышать ничего не хотели о таком разнужданном и сумасшедшем «декаденте», представители академического искусства тем менее; даже справедливый чуткий ко всему новому Третьяков не решился приобрести что-либо из врубелевских вещей для своего музея. Многие годы Врубель был всеобщим посмешищем, и лишь крошечная кучка лиц относилась к нему серьезно и любовалась его громадным живописным талантом».

В конце марта 1902-го Врубель рисует акварелью большой портрет сына, которого Надя хочет отвезти к своим родителям в Рязань. Они едут все вместе. Но по пути Михаил Александрович испытывал невыносимый приступ паники и вернулся, чтобы лечь в больницу. С этого момента у Врубелей началась совсем другая жизнь...

### ИСТИНА В КРАСОТЕ

Восемь лет длилась эта беда: депрессивно-маниакальный психоз как качели – то совсем плохо, то просветление. Менялись врачи и клиники, в перерывах между которыми Врубель жил дома. Он понимал, что сходит с ума, и его душевные страдания усугубляли его физическое состояние. В конце апреля 1903 года Врубели решили отдохнуть в киевском имении друга семьи Владимира фон Мекка. В поезде сын простудился. Они успели довезти Савву до Киева, где мальчик умер. После этого Надежда долгое время не могла говорить. Врубель, взявшись на себя хлопоты о похоронах, очень переживал за жену. Он успел все сделать, прежде чем его настиг новый приступ и ему пришлось лечь в больницу. Чем дальше, тем короче становились периоды спокойствия, когда художник мог работать. И он спешил. В 1904 году появилась одна из лучших его работ – пастель «Жемчужина». Портрет поэта Валерия Брюсова (1906) – последняя, незаконченная работа Врубеля, во время сеансов художник стремительно терял зрение и на конец совсем ослеп.

Последняя его лечебница находилась на Васильевском острове, вблизи Академии художеств. Рядом с ним были сестра Нюта и жена Надя: «он всякий раз горячо приветствовал и благодарил за то, что разделяют с ним его одиночество. Свидание начиналось обыкновенно (при благоприятной погоде) с прогулки в саду, что он очень ценил; затем его обед и чтение». Он особенно любил, когда сестра читала вслух, они часами говорили об искусстве и литературе. Жена пела, даже иногда приезжала с аккомпаниатором. Это доставляло ему невероятное удовольствие.

«Иногда он говорил, что «устал жить», – вспоминала Анна Врубель. – Сидя в саду в последнее лето своей жизни, он как-то сказал: «Воробы чирикают мне – чуть жив, чуть жив!» <...> в середине февраля с братом делается (около двух часов дня) внезапно страшный потрясающий озноб (результат, как кажется, умыщенного стояния под форточкой). Начинается воспаление легких, переходящее затем в скоротечную чахотку, и через шесть недель, в тот же час (1 апреля), брата не стало. Он шел к концу с полным спокойствием <...> В последний сознательный день, перед агонией, он особенно тщательно привел себя в порядок (сам причесался, вымылся с одеколоном), горячо поцеловал с благодарностью руки жены и сестры, и больше уже мы с ним не беседовали: он мог только коротко отвечать на вопросы, и раз только ночью, придя в себя, сказал, обращаясь к человеку, который ухаживал за ним: «Николай, довольно уже мне лежать здесь – поедем в Академию». 1 (14) апреля 1910 года Михаил Александрович Врубель скончался в Петербурге в возрасте 54 лет. Его похоронили на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря.

# АРХИПЕЛАГ ГРАФА ПОТОЦКОГО



АВТОР

**ДМИТРИЙ УРУШЕВ**

ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД НЕМЕЦКИЙ УЧЕНЫЙ ЮЛИЙ ГЕНРИХ КЛАПРОТ, СИДЯ В СВОЕМ ПАРИЖСКОМ КАБИНЕТЕ, ИЗУЧАЛ КИТАЙСКИЕ КАРТЫ ЖЕЛТОГО МОРЯ. СРАВНИВАЯ ИХ С ФРАНЦУЗСКИМ АТЛАСОМ, УЧЕНЫЙ ОБНАРУЖИЛ ГРЯДУ ИЗ 18 ОСТРОВОВ, НЕ ОТМЕЧЕННУЮ НА ЕВРОПЕЙСКИХ КАРТАХ. ТАК, НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА, КЛАПРОТ СДЕЛАЛ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ. ГРЯДУ ОСТРОВОВ ОН НАЗВАЛ АРХИПЕЛАГОМ ГРАФА ЯНА ПОТОЦКОГО.

**С**ВОЕ ОТКРЫТИЕ КЛАПРОТ ОПИСАЛ В КНИГЕ «ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЗИИ». ОТРЫВОК ИЗ НЕЕ БЫЛ ПЕРЕВЕДЕН НА РУССКИЙ ЯЗЫК И В 1825 ГОДУ НАПЕЧАТАН В ПЕТЕРБУРГСКОМ ЖУРНАЛЕ «АЗИАТСКИЙ ВЕСТНИК». ВЫБОР НАЗВАНИЯ НОВООТКРЫТЫМ ОСТРОВАМ УЧЕНЫЙ ОБЪЯСНЯЛ ТЕМ, ЧТО В 1805 ГОДУ ОН ВМЕСТЕ С ПОТОЦКИМ ПУТЕШЕСТВОВАЛ В КИТАЙ В СОСТАВЕ РУССКОГО ПОСОЛЬСТВА, КОТОРОЕ ВОЗГЛАВЛЯЛ ГРАФ ЮРИЙ ГОЛОВКИН. О ПОТОЦКОМ КЛАПРОТ ВСПОМИНАЛ ТАК: «СЕЙ ПОЧТЕННЕЙШИЙ И УЧЕНЫЙ МУЖ МНОГО ПУТЕШЕСТВОВАЛ. ОН БЫЛ В МАРОККО, ЕГИПТЕ, ТУРЦИИ, АНАТОЛИИ, НАКОНЕЦ, В СТЕПЯХ РОССИИ И ТАТАРИИ ДО САМЫХ КАВКАЗСКИХ ГОР. ПОСЕТИЛ БЫ ТАКЖЕ И СТОЛИЦУ КИТАЯ, ЕСЛИ БЫ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НЕ ВОСПРЕПЯТСТВОВАЛИ УСПЕХАМ ПОСОЛЬСТВА. ОН МНОГО ПИСАЛ ПО ЧАСТИ ИСТОРИИ И ХРОНОЛОГИИ ДРЕВНИХ И НОВЕЙШИХ НАРОДОВ. ТВОРЕНИЯ ЕГО ОТЛИЧАЮТСЯ ОБШИРНЫМИ И ГЛУБОКИМИ СВЕДЕНИЯМИ, СОЕДИНЕННЫМИ С ОСТРОУМИЕМ И ОСНОВАТЕЛЬНОСТИЮ. ОН НЕ ТОЛЬКО СВОИМИ ТРУДАМИ, НО И ЩЕДРОСТИЮ СОДЕЙСТВОВАЛ УСПЕХАМ НАУК. С СИМИ КАЧЕСТВАМИ СОЕДИНЯЛОСЬ ЕЩЕ И ПРИЯТНОЕ ЕГО ОБХОДДЕНИЕ. Я ЛИЧНО МНОГО ЕМУ ОБЯЗАН. ОТ НЕГО-ТО Я ПОЛУЧИЛ БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ДРАГОЦЕННОГО СОБРАНИЯ ВОСТОЧНЫХ КНИГ И РУКОПИСЕЙ. СИИ САМЫЕ ЧУВСТВОВАНИЯ МОИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОБУДИЛИ МЕНЯ ПОЧТИТЬ ЕГО ИМЕНЕМ МОЮ НАХОДКУ».

В СОСТАВЕ РУССКОЙ МИССИИ ТАКЖЕ НАХОДИЛСЯ МОЛОДОЙ ЧИНОВНИК ФИЛИПП ВИГЕЛЬ, ВПОСЛЕДСТВИИ ИЗВЕСТНЫЙ МЕМУАРИСТ. В ЕГО «ЗАПИСКАХ» ПОТОЦКИЙ ИЗОБРАЖЕН ЧУДАКОМ И ОРИГИНАЛОМ: «СТРАННОСТИ ЕГО БЫЛИ ЗАМЕТНЫ В САМОМ НАРЯДЕ. ОН БЫЛ В ОДНО ВРЕМЯ И НЕБРЕЖЕН, И ЧИСТОПЛОТЕН,

совсем не заботился о покроев платья своего, но всегда был изысканно опрятен. Иногда по недосугам не имел он времени дать обрезать себе волосы, и они почти до плеч у него разевались, как вдруг, в минуту нетерпения, хватал он ножницы и сам стриг их у себя на голове и вкривь и вкось, после чего, разумеется, смешил всех своею прической. В отношении к Головкину вел он себя отменно прилично, не подавал ему ни малейшего повода к неудовольствию, зато и не баловал излишнею почтительностью. Всегда углубленный в науку, он заслонял себя ею от наших сплетен, хотя и жил посреди них».

Сегодня мало кто помнит об ученых изысканиях Потоцкого. Зато до сих пор неизменный интерес вызывает его фантастический роман «Рукопись, найденная в Сарагосе» (Manuscrit trouvé à Saragosse).

«Говорят, что жемчужины не что иное, как накипь в морских раковинах, их болезнь. Так точно и легкое повреждение рассудка у Потоцкого произвело прекрасные перлы, два французских романа. Немногие, кои читали их тогда, дивились их смелой новости, — писал Вигель. — В них был виден и наблюдатель, и мечтатель, и изобретатель, и светский, и ученый человек. Кажется, в них также можно видеть и тип нынешних романов. Они, по крайней мере, могли бы служить им образцами: так все безобразные, отвратительные и ужасающие предметы в них скрашены искусством и пристойностью автора».

Роман Потоцкого — одно из значительнейших произведений мировой литературы. Несомненно, он повлиял на творчество Гофмана, Томаса Мура, Пушкина, Вильгельма Гауфа и Мериме. Повлиял даже на советскую культуру. В 1970 году Алексей Хвостенко и Анри Волохонский написали знаменитую песню «Орландина». Ее содержание (Люцифер принимает облик девушки и губит юношу) заимствовано из «Рукописи».



РАБОТА ХУДОЖНИЦЫ М. ШАДЧНЕВОЙ

### РОМАН-ЗАГАДКА

Эту книгу невозможно пересказать. Она необычайно сложно устроена и подобна матрёшке: одна история заключает в себе другую, та — третью и так далее. Действие романа происходит в 1739 году в Испании. Само действие — приключения молодого капитана валлонской гвардии Альфонса ван Вордена, состоящего на службе у испанского короля Филиппа V.

Ночью в заброшенной придорожной гостинице Альфонс встречает двух красавиц-сестер Зибельду и Эмину — путешественниц из Магриба. Они происходят из арабского рода Гомелесов, некогда владевшего землями в Испании. Ныне Гомелесам принадлежат несметные

Эмина.  
Работа  
художника  
М. Шадчневой

богатства, кроме того, они знают некую «важную тайну». Мать Альфонса происходит из того же рода. Обычай требует, чтобы Гомелесы заключали браки только между собой. Альфонс — последний мужчина в роду, поэтому он должен жениться на Зибельде и Эмине...

Проснувшись утром, ван Ворден обнаружил себя под виселицей. Вместо двух красавиц рядом лежали трупы двух казненных разбойников. С этого часа жизнь Альфонса завертелась удивительной каруселью. Он встретил монаха-отшельника, бесноватого Пачеко, кабалиста Цадока, вожака цыган Агадоро, вечного странника Агасфера и, наконец, шейха Газира — главу рода Гомелесов.

Каждый персонаж рассказал ван Вордену свою историю. И в каждой заключались иные многочисленные истории. Невероятные рассказы и необыкновенные приключения заставили Альфонса задуматься: помешался он или находится в здравом уме? Спит или бодрствует?

В романе Потоцкий дважды изобразил себя: как рассудительного геометра Педро Веласкеса и как безумного ученого Диего Эрваса. Сей «славолюбивый сочинитель», подобно графу, обладавший обширными познаниями во всех науках, «вознамерился создать труд, состоящий из целых ста томов, который должен был заключать в себе все, что в те времена знали люди. И выпустить его без имени». В «Рукописи» читатель найдет разнообразные сведения по алгебре, геометрии, истории, каббале, философии и прочим наукам, истинным и ложным.

Демоны, духи, приведения и призраки, арабы, евреи, испанцы и цыгане, волшебники, дворяне, красавицы и ученые — все промелькнули перед ван Ворденом, ни на мгновение не замедляя головокружительный бег.

Такой же удивительной каруселью вертелась жизнь Потоцкого. Путешествия сменялись учеными занятиями, политическая борьба — писательским трудом.



Портрет  
Филиппа  
Филипповича  
Вигеля.  
Акварель  
художника  
К.С. Осокина.  
1836 год

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

## БУРНАЯ МОЛОДОСТЬ

Сын польского народа и слуга русского императора Ян Потоцкий родился 8 марта 1761 года в селе Пиков близ Винницы. Его отец граф Юзеф Потоцкий был значительным государственным деятелем Речи Посполитой и владел землями на Волыни и в Подолье. В 1772 году произошел первый раздел Речи Посполитой – передача части ее земель Австрии, Пруссии и России. А в 1773–1775 годах в Варшаве заседал Раздельный сейм, узаконивший эту передачу. Юзеф Потоцкий участвовал в сейме, поддерживая интересы России. И в 1776 году был пожалован русским орденом Святого Александра Невского и орденом Святого Андрея Первозванного – высшей наградой Российской империи.

В это время Ян Потоцкий жил в Швейцарии. В Лозанне и Женеве он и его младший брат, Северин, изучали древние и новые языки, математику, геометрию и естественные науки.

В 1778 году Ян поступил на службу в армию Священной Римской империи и продолжил образование в венской Военно-инженерной академии. Здесь он обучался механике, начертательной геометрии и фортификации. Затем Потоцкий, произведенный в лейтенанты, совершил первое путешествие, посетив Южную Италию, Сицилию и Мальту.

На Мальте Потоцкий некоторое время служил во флоте, сопровождая торговые суда и охраняя их от магрибских пиратов, державших в страхе все Средиземноморье. Впрочем, лейтенанту ни разу не довелось принять участия в сражениях.

Ян вступил в новициат (послушничество) ордена Святого Иоанна (Мальтийского ордена) – общества, по мнению многих историков, тесно связанного с иллюминатами, масонами, розенкрейцерами и прочими европейскими мистиками XVIII–XIX веков. Мальтийские рыцари неоднократно появятся на страницах «Рукописи, найденной в Сарагосе».

В 1780 году Потоцкий приехал в Варшаву, где углубился в уч-

Граф Юзеф  
Потоцкий  
(1735–1802),  
отец писателя



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

царский ученый Жан Шарль Леонар де Сисмонди, писал о восточных сказочниках: «Их должны мы почитать своими учителями в искусстве изобретать занимательные происшествия и поддерживать интерес беспрерывным разнообразием. Блестящая мифология фей и гениев, которая расширяет пределы мира, умножает богатства и силы человеческие, переносит нас в сферу чудесности, изумляет неожиданностью». Композиторы и писатели отдали дань всеобщему увлечению.

В 1782 году состоялась премьера «турецкой оперы» Моцарта «Похищение из сераля». В том же году англичанин Вильям Бекфорд написал «Ватека» – «арабскую сказку» о халифе, якобы продавшем душу дьяволу. «Ватек» вместе с фантастической повестью «Влюбленный дьявол» француза Жака Казота вдохновлял Потоцкого во время работы над «Рукописью». Вернувшись в Европу, граф на два года поселился в Париже, в доме княгини Эльжбеты Любомирской. Это была весьма примечательная особа: вдова крупнейшего землевладельца, богатейшая женщина Речи Посполитой, меценат, политический деятель и основательница женских масонских лож. В 1785 году Потоцкий женился на ее дочери Юлии Терезе Любомирской.

Вместе с женой Потоцкий совершил путешествие в Голландию, а в 1788 году вернулся в Варшаву. У себя дома граф основал частную типографию, в которой печатал не только описания своих путешествий, но и политические прокламации и памфлеты. Плохо владея польским языком, Потоцкий писал исключительно по-французски.

В 1788 году граф был избран депутатом Четырехлетнего сейма. Его важнейшим деянием стало принятие конституции. Но в 1792 году сейм прекратил работу. А в 1793-м произошел второй раздел Речи Посполитой. Подолье, где располагались имения Потоцких, вошло в состав Российской империи. Польские шляхтичи Потоцкие сделались российскими дворянами.

И.-Б. Лампи  
Старший.  
Портрет графини  
Юлии Потоцкой,  
урожденной  
Любомирской



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



Графиня Констанция Потоцкая.  
1807 год

## ИГРА ВООБРАЖЕНИЯ

Участие в политической жизни не прерывало ученых занятий графа. В 1790 году в Варшаву прибыл французский изобретатель Бланшар, один из первых воздухоплавателей. Вместе с ним Потоцкий на воздушном шаре поднимался в небо и вел наблюдение за ветрами и облаками.

В 1791 году граф совершил очередное путешествие. Через Париж поехал в Марсель, оттуда морем добрался до Марокко. На обратном пути во Францию посетил Португалию и Испанию, а затем направился в Англию и Шотландию. В Испании путешественник любовался прославленными дворцами и садами Альгамбры. Это будет отражено в «Рукописи, найденной в Сарагосе».

В поисках следов славянских племен лютичей и бодричей, растворившихся среди немцев, в 1794 году Потоцкий посетил Нижнюю Саксонию, Мекленбург и Голштинию. Розыск славянских древностей завел графа даже в степи южной России. В 1797-м Потоцкий получил разрешение императора Павла I, великого магистра Мальтийского ордена, посетить предгорья Кавказа и Астрахань. Книга «Путешествие в астраханские степи и на Кавказ» была издана Клапротом в Париже в 1829 году уже после смерти графа. Именно это сочинение подразумевал Пушкин, когда в «Путешествии в Арзрум» писал о Потоцком, «коего ученые изыскания столь же занимательны, как и испанские романы». Иного мнения об исследованиях Потоцкого был Вигель: «В исторических и других изысканиях своих был он упорно трудолюбив, как немец, а в заключениях, кои выводил он из своих открытий, легкомыслен, как поляк. Неутомимые его упражнения, беспрестанное напряжение умственных сил, вместе с игривостью самого живого воображения, ка-

шество в астраханские степи и на Кавказ» была издана Клапротом в Париже в 1829 году уже после смерти графа. Именно это сочинение подразумевал Пушкин, когда в «Путешествии в Арзрум» писал о Потоцком, «коего ученые изыскания столь же занимательны, как и испанские романы». Иного мнения об исследованиях Потоцкого был Вигель: «В исторических и других изысканиях своих был он упорно трудолюбив, как немец, а в заключениях, кои выводил он из своих открытий, легкомыслен, как поляк. Неутомимые его упражнения, беспрестанное напряжение умственных сил, вместе с игривостью самого живого воображения, ка-

Г. Карбентус.  
Запуск воздушного шара  
Жан-Пьера  
Бланшара.  
1785 год

Дворец  
в Альгамбре.  
Гравюра.  
1852 год

жется, были несколько вредны для его рассудка».

Юлия Тереза Потоцкая скончалась в 1794 году, оставив мужу двух сыновей. В 1798-м граф женился снова. Его второй супругой стала двоюродная сестра Констанция Потоцкая. И хотя в браке родились трое детей, он был несчастлив. «Муж любил ее без памяти, хотя она была хромая и хотя она его терпеть не могла, потому что почитала горбатым, – писал Вигель. – Несколько лет спустя после нашего путешествия она бежала от него с каким-то родственником».

В 1802 году в Петербурге вышла книга Потоцкого «Первоначальная история народов России». За нее император Александр I пожаловал графу звание тайного советника и наградил орденом Святого Владимира.

В 1803–1804 годах семейство Потоцких жило в Швейцарии и Италии. В 1803-м во Флоренции был издан труд графа «Династии второй книги Манефона» – исследование по истории Древнего Египта. Книга была создана до того, как Шампольон разгадал египетские письмена. Сегодня она безнадежно устарела, но свидетельствует об обширнейшей учености сочинителя. Тогда же Потоцкий приступил к работе над «Рукописью, найденной в Сарагосе».



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



Титульный лист «Рукописи, найденной в Сарагосе», изданной на польском языке в 1847 году

### «АРХИПЕЛАГ ПОТОЦКОГО»

Речь Посполитая, окончательно поделенная между Австрией, Пруссиею и Россиею, исчезла с карты Европы в 1795 году. Многие поляки поступали на службу к новым государям. В числе тех, кто встал под русские знамена, был князь Адам Чарторыйский – двоюродный брат Юлии Потоцкой. Некоторое время он был министром иностранных дел в правительстве Александра I.

Когда в 1805 году посольство Головкина собиралось в Китай, Чарторыйский посоветовал назначить Потоцкого научным руководителем миссии. Увы, посольство не добралось до Пекина. Китайские власти потребовали от Головкина соблюдения унизительных обычаев пекинского двора. Достигнув Урги (Улан-Батора), в 1806 году миссия вернулась в Петербург. В столице Потоцкий был избран почетным членом Императорской Академии наук.

Дальнейшая жизнь графа складывалась безрадостно. Жена бросила его. Речь Посполитая погибла, и не было ни малейшей надежды на ее воскрешение. Исторические заслуги Потоцкого не были призна-



Ю. Олешкевич.  
Портрет  
князя Адама  
Чарторыйского.  
1800-е годы

ны соотечественниками – варшавским Обществом друзей науки, члены которого были связаны с различными масонскими ложами.

Граф переселился на «Архипелаг Потоцкого» – в воображаемую страну науки и литературы. Телом он пребывал в своих имениях, лишь изредка наезжая в Петербург, где печатались его книги. А духом витал в мире древних славян

и скифов, в мире фантазии, арабских сказок и испанских преданий.

Возможно, именно с Потоцкого польский писатель Стефан Жеромский срисовал князя Яна Гинтулта – персонажа романа «Пепел». Князь, высокопоставленный масон и неутомимый путешественник побывал в Италии, Греции, Малой Азии, Палестине, Сирии и Египте. Вернувшись на родину и затворившись в «запущенном дворце с облупившимися стенами», в тиши библиотеки Гинтулт пишет книгу о своих странствиях.

Ничто не удерживало Потоцкого на земле. Он застрелился 23 декабря 1815 года в имении Уладовка близ Винницы. По преданию, граф призвал домашнего священника и велел ему благословить свинцовый шарик, снятый с крышки какой-то банки. Затем удалился в библиотеку, зарядил шариком пистолет и выстрелил себе в висок. Другое предание гласит, будто Потоцкий, вообразив себя оборотнем, несколько лет выделявал серебряную пулю из ручки сахарницы.

Что стало причиной самоубийства? Меланхолия? Невыносимые головные боли, которыми страдал граф? Повреждение рассудка, о котором писал Вигель? Этого мы никогда не узнаем. Вигель считал, что Потоцкий покончил с собой, не перенеся расставания с женой:



Раздел Речи  
Посполитой.  
Гравюра  
XVIII века

ПРЕДОСТАВЛЕНО Д. УРШЕВЫМ

«В отчаянии о ее потере он зарезался бритвою».

Петр Вяземский, хорошо знавший родню Констанции Потоцкой, рассказывал, что именно для супруги граф сочинил «Рукопись, найденную в Сарагосе»: «Во время продолжительной болезни жены своей читал он ей арабские сказки «Тысячи и одной ночи». Когда книга была дочитана, графиня начала скучать и требовала продолжения подобного чтения. Чтобы развлечь ее и удовлетворить желанию ее, он каждый день писал по главе романа своего, которую вечером и читал ей вслух. Пушкин высоко ценил этот роман, в котором яркими и верными красками выдаются своеобразные вымыслы арабской поэзии и не менее своеобразные нравы и быт испанские».

В библиотеке Пушкина имелись два парижских издания «испанских романов» Потоцкого, являющихся частями «Рукописи»: «Агадоро» (1813) и «Десять дней из жизни Альфонса ван Вордена» (1814). Хотя имя сочинителя на книгах не было указано, Пушкин знал, что они принадлежат перу Потоцкого.

Существует мнение, что граф не завершил роман. Ходили слухи о существовании пол-



А. Графф.  
Портрет  
Яна Потоцкого.  
1785 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТЫМ

ного текста книги. С помощью Елизаветы Воронцовой в 1833 году Пушкин предпринимал безуспешные попытки разыскать эту рукопись. Вероятно, он хотел пересказать стихами весь роман. В последние годы жизни Пушкин создал стихотворение «Альфонс садится на

Збигнев Цибульский в роли Альфонса ван Вордена. Кадр из фильма «Рукопись, найденная в Сарагосе». Режиссер Войцех Хас

коня» – поэтическое переложение начала «Рукописи».

«Клио – самая несерьезная из муз», – писал Оскар Уайльд. Действительно, муга истории вдоволь посмеялась над Потоцким. После смерти графа его учёные изыскания были забыты. А «Рукопись», изданная безымянно, сделалась добычей литературных воров. Кто только не обкрадывал мертвого сочинителя! Даже знаменитый американский писатель Вашингтон Ирвинг не постеснялся заимствовать у Потоцкого.

Написанная по-французски «Рукопись» так и не стала классической французской литературы. Забыли о ней и поляки. Лишь в 1847 году в Лейпциге был издан перевод романа на польский язык, выполненный Эдмундом Хоецким. Полная рукопись романа, которой располагал переводчик, ныне утрачена.

Труд Хоецкого не был лишен недостатков. Например, под его пером красавица Зибейда превратилась в Зибельду. Под сим странным именем она вошла и в русские переводы. Кроме того, Хоецкий ханжески удалял из романа все, что казалось ему непристойным.

В 1965 году польский учёный Лешек Кукульский выпустил новое издание перевода Хоецкого, сверенное с сохранившимися рукописями Потоцкого. С этого издания были сделаны два русских перевода – Дмитрия Горбова и Александра Рапопорта (Голембы).

Подлинный интерес к роману появился после того, как в 1965 году польский режиссер Войцех Хас снял фильм «Рукопись, найденная в Сарагосе». Кинокартина, как сейчас принято выражаться, стала культовой. На экраны кинотеатров Советского Союза фильм вышел в декабре 1966 года. И долго после этого ценители кино и литературы как пароль повторяли зловещие слова монах-отшельника: «Не ночуй под открытым небом, не вводи себя во искушение, ибо Всевышний уже поднял Свою десницу».



ПРЕДОСТАВЛЕНО Д. УРУШЕВЫМ



# СНЫ О ДЕРЕВЯННОЙ ВОЛОГДЕ

АВТОР  
**СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ**

ФОТО  
**АЛЕКСАНДРА БУРОГО**

Дом  
Пузан-  
Пузыревского  
имеет самые  
крупные  
в Вологде  
деревянные  
колонны

«ГОНИ», – КРИЧИТ ИЗВОЗЧИКУ ПОЛКОВНИЦА КАРПУХИНА ГОЛОСОМ  
НОННЫ МОРДЮКОВОЙ, И САНИ ВЫЛЕТАЮТ ИЗ ДВОРА. ПУТЬ ЛЕЖИТ  
ПО УХОДЯЩЕЙ ДО ГОРИЗОНТА УЛИЦЕ С ДЕРЕВЯННЫМИ ДОМАМИ.  
САНИ СВОРАЧИВАЮТ НА ДРУГУЮ УЛИЦУ С ТАКИМИ ЖЕ ДОМАМИ, А ПОТОМ  
И НА ТРЕТЬЮ. НА ЭКСКУРСИЯХ ПО ВОЛОГДЕ, ГДЕ В СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГОДОВ  
СНИМАЛСЯ ФИЛЬМ «ДЯДЮШКИН СОН», СОВЕТУЮТ ПОСМОТРЕТЬ ЕГО ТЕМ,  
КТО ХОЧЕТ УВИДЕТЬ ДЕРЕВЯННЫЙ ГОРОД ВО ВСЕЙ КРАСЕ.

**С**ПУСТЯ 45 ЛЕТ ИГОРЬ МАСЛЕННИКОВ ПРИ-  
ехал в Вологду экранизировать драму Островско-  
го и с трудом нашел для натурных съемок одну  
уличку с деревянными домами. «В моем детстве  
Вологда на 80 процентов состояла из деревянных домов,  
а сейчас сохранилось лишь около 80 зданий», – сетует исто-  
рик деревянной Вологды Александр Сазонов, родившийся  
в одном из таких домов-памятников. – Вроде и не пере-  
езжал никуда, а в другом городе оказался».  
В последние годы в Вологде стараются сохранить эту «ухо-  
дящую натуру». Власти города приняли специальную про-  
грамму, появились меценаты, подключились волонте-  
ры. В прошлом году реставрационные работы проходили  
в 23 памятниках деревянной архитектуры.

## ОТ КЛАССИЦИЗМА ДО МОДЕРНА

Чем деревянная Вологда отличается от других российских городов, которые все когда-то были деревянными? Историки считают, что главное отличие в стилевом разнообразии. «Если подбирать литературный аналог, Вологду отличает разножанровость, – говорит Александр Сазонов. – Где-то, допустим, только повести писали, а у нас – повести, рассказы и романы. В Вологде сохранились и дома, построенные в классическом стиле, и дома с элементами модерна, и барочные балконы, и дома, вобравшие элементы советского конструктивизма. Такой спектр трудно где-то еще встретить».

Архитектурный классицизм пришел в Вологду во времена Петра I в виде гравюр и описаний – альбомы с про-



Трудно поверить в то,  
что этот дом принадлежал  
крестьянке. Им владела  
Анна Бутырина

ектами рассыпались в губернские города. Местные плотники и строители в альбомы, конечно, заглядывали, но строили, исходя из своего умения и опыта.

В первой половине XIX века деревянные постройки еще подражали формам каменной архитектуры, так что легко представить, как некоторые из сохранившихся в Вологде деревянных домов позапрошлого столетия могли бы выглядеть в камне. В середине и второй половине XIX века в городе формируется несколько типов домов. Самый распространенный из них – двухэтажный, с вытянутым в глубину двора объемом, с угловой лоджией на втором этаже.

Город рос, развивался и богател, и это не могло не скажаться на внешнем виде и планировке домов. Возник новый тип вологодского дома – доходный. Как правило, это были двухэтажные, вытянутые по фасаду строения с балконами по краям и в центре.

В сегодняшней Вологде сохранились деревянные дома, построенные в XIX веке, но большинство зданий – начала XX века. Иными словами, на здешних улицах уже не представишь Чичикова, Хлестакова или Ставрогина. А вот Остапа Бендера или чеховских трех сестер – запросто.

В современной Вологде целые деревянные кварталы не сохранились, и, чтобы посмотреть все типы построек, нужно прошагать по городу не один километр.

Важная особенность вологодских деревянных домов – декор. Резные пилоны и пилястры, балкончики с фигурными балюсами, львы и цветы на дверях. Кстати, в Вологде не высажут неудовольствия туриstu, засмотревшемуся на чужое окно с резными наличниками. Понятно, что человек любуется.

### ЗРИМАЯ КУЛЬТУРА

Мы гуляем по центру Вологды в сопровождении Александра Сазонова, которого считают главным знатоком и защитником деревянного зодчества города. Его книга «Деревянная Вологда. Сохраненное и утраченное» выдержала уже три переиздания с исправлениями и дополнениями. Увы, зачастую исправлять и дополнять книгу приходится по причине исчезновения тех или иных памятников архитектуры. «Особенно жаль спаленного дома на Пречистенской набережной, 18 с лучшим в городе балконом барочного рисунка», – сокрушается Сазонов.

Маршрут, которым нас ведет Александр Сазонов, известен краеведу лучше, чем водителю общественного транспорта. Потому что он ходит им десятки лет – в одиночку и с друзьями, а еще чаще – с туристами. «Относительно общего количества строений объектов культурного наследия в Вологде всего 3 процента, – пишет Александр Сазонов в предисловии к последнему изданию своей книги. – Но эти 3 процента еще «держат» образ старинного русского города».

Что считать объектом культурного наследия? «В меня сейчас полетят стрелы, но я считаю, что любой дом, которому более ста лет, надо считать потенциальным кандидатом в объекты культурного наследия, – говорит краевед. – Иногда приходится слышать о том, что далеко не все дома обладают архитектурной ценностью, а стало быть, и сохранять их не нужно. Но тут нужно иметь в виду и нематериальный момент. Во многих этих домах жили выдающиеся люди всероссийской известности – писатели, поэты, артисты. К сожалению, исчезло множество мемориальных адресов». Сазонов считает, что архитектуру и другую «зримую культуру» нужно сохранять в первую очередь, поскольку она



ежедневно воздействует на человека. «Кружева и матрешки мы видим не каждый день, а по улицам ходим ежедневно, и все это формирует наше сознание», – уверен краевед.

В ноябре прошлого года Александр Сазонов читал лекцию о деревянной Вологде на конференции в датском Хельсингёре, который, кстати, считается местом действия шекспировского «Гамлета». «Нам рассказали, что в городе 15 процентов зданий являются объектами культурного наследия, 75 процентов – «средовые дома» и только 10 процентов – случайные, – говорит он. – Я настроился на восприятие сказочного города. Заходим в центр – шедевров не наблюдаю. Стоят домишкы, которые в центре Вологды давно бы попали под ковш экскаватора. И тут в моей голове щелкнул переключатель: понял, что, если бы пришел сюда, скажем, сто лет назад, увидел бы примерно ту же картину. Подхожу к одному дому, узнаю, что он 1577 года постройки. С нашей точки зрения, архитектурной ценности у дома нет, но он сохранился. Хозяин рассказал нам, что в прежнем доме столетней давности, в котором он жил, ему было скучно».

С тем, что памятники нужно сохранять, трудно не согласиться. Но какой должна быть жизнь непростых в эксплуатации деревянных домов после реставрации? Заселять ли туда людей? Отдать коммерсантам под магазины и рестораны? Или все-таки размещать музеи и другие культурные учреждения? Ведь такой опыт – и достаточно успешный – в Вологде уже есть.

«Многие деревянные дома пустуют, какие-то находятся в частном владении, в некоторых живут, – рассказывает краевед. – Я знаю трех человек, которые живут в таких домах-памятниках да радуются. В одном таком доме воссоздали обстановку XIX века: кабинет, из окна вид на цветочный сад, во дворе беседка. В другом доме, который стоит на одной из центральных улиц, снаружи XIX век, на фасаде висит охранная табличка, сугробы красиво уложены трапецией. А внутри дома настоящий XXI век – бунгало, джакузи. Красиво снаружи, удобно внутри. Конечно, содержать такой памятник архитектуры – недешевое удовольствие. Например, одна моя знакомая приобрела квартиру на втором этаже деревянного дома. И теперь каждые пять лет она обязана заказывать обследование квартиры на свои средства».

Деревянное  
кружево  
на крылечке  
дома Наумова

Деревянная  
Вологда  
помнит Сергея  
Есенина,  
который  
приезжал сюда  
венчаться  
в 1917 году



### ПРЯТКИ И ДРОВИШКИ

Александр Сазонов и сам когда-то жил в деревянном доме, даже в нескольких.

«Я вологжанин, предки мои тоже родились в Вологде и окрестностях, – рассказывает Александр Сазонов. – Прадед по женской линии родился под Великим Устюгом в крестьянской семье и дослужился до чиновника в канцелярии вологодского губернатора, содержал семью с шестью детьми. Я привожу этот факт как пример социальных лифтов в царской России».

На вопрос о том, как у него пробудился интерес к истории Вологды, краевед отвечает: «Любить свой город так же естественно, как родителей». «Как все началось? У моей бабушки была подруга юности, которая переехала жить в Москву, – рассказывает он. – В преклонные годы она по-

Двухэтаж-  
ные дома  
с балкона-  
ми – один  
из самых  
распро-  
страненных  
типов  
постройки  
в Вологде  
в XIX веке





Особняк Пановых красив  
не только снаружи, но и изнутри.  
Там сохранилась настенная  
масляная живопись

сетила Вологду. Я тогда был 10-летним школьником. Ей захотелось посмотреть город, я ее сопровождал. Наверное, это была моя первая экскурсия. Она попросила меня присыпать ей вырезки из газет о том, что в Вологде происходит. Я начал это делать, увлекся – вырезал статьи для нее и для себя, в двух экземплярах. Дальше – больше. Увлекся. В 1977 году Александр Сазонов пришел в Бюро путешествий, сдал экзамены экстерном и стал вологодским экскурсоводом. По его словам, туристы за прошедшие годы изменились кардинально. Раньше он в основном работал с большими группами, сейчас – с индивидуальными туристами. Общее число гостей стало меньше, зато выросло число тех, кто искренне интересуется деревянным зодчеством и историей города. И география расширилась. «Случайных людей почти нет, мне это очень нравится, –

говорит Александр Сазонов. – Когда меня внимательно слушают, я рассказываю лучше».

Все прелести и трудности жизни в деревянных домах Вологды краевед прочувствовал сам, ведь до 28 лет он жил в домах с печным отоплением.

«Первые два месяца своей жизни я провел в деревянном доме, который, очевидно, был флигелем большого двухэтажного здания, – рассказывает краевед. – Я храню две дверные ручки из этого дома – очень интересные, с защелками, да такими, чтобы вода не попадала в замочную скважину».

Юность и молодые годы Александр Сазонов провел в другом деревянном доме – 1928 года постройки, в котором жило 16 семей. Дом стоял в центре Вологды между двумя вокзалами – старым железнодорожным и речным. Гудки паровозов и пароходов навсегда остались важной частью детства краеведа Сазонова.

«Несмотря на тесноту, были и свободные общественные пространства, – вспоминает он. – Например, можно было на вышку забраться – это чердак по-вологодски, все подкрышное пространство твое. Двор был большой, огороженный забором. Это было наше детское пространство, здорово было играть в прятки. Когда на улице было не особенно холодно, топили раз в два дня или раз в день, а в морозы – дважды в день. Летом выписывали дрова со склада топлива – распиливали, раскалывали, укладывали. Потом на помойку ведро с мусором выносить, на обратном пути прихватил дровишек».



Дома  
с мезонином  
пользовались  
особенной  
любовью  
вологжан



## ИСТОРИЯ ЦВЕТА ОХРЫ

Окна в доме с мезонином по адресу Ленинградская, 12 выходят на Кремлевский сад, за которым Софийский собор – главная достопримечательность Вологды. Те, кто интересуется историей города, называют деревянный особняк «домом Засецких», остальные зовут его «зеленым домом с колоннами». Он для всех ориентир, топографический и научный – для туристов, таксистов, историков и даже производителей сувенирной продукции.

В 2020 году дом Засецких отметил 240-й день рождения, это самый старый деревянный дом Вологды из сохранившихся. История свидетельствует, что дом построен по заказу местного судьи. Читая о других его владельцах, ловишь себя на мысли, что смотришь на список действующих лиц из пьесы Сухово-Кобылина – вдова полковника, титулярный советник, помещица, коллежский советник, присяжный стряпчий, губернский секретарь. А фамилии – какие – Брянчаниновы, Бердяевы...

Засецкие, по фамилии которых сегодня знают дом, получили его по наследству в начале XX века и никогда здесь не жили. Согласно описи, действительный статский советник Николай Засецкий с супругой, проживавшие в Казани, получили во владение «дом, флигель, службы, сарай, погреба, амбар, забор и ворота». Большинство построек сохранилось до наших дней.

Полтора года назад в доме началась большая научная реставрация, которую финансирует один из вологодских меценатов. Первые исследования дома порадовали ре-

В усадьбе  
Брянчаниновых  
располагаются  
кабинеты  
вологодских  
реставраторов

ставраторов: сруб сохранился почти на 90 процентов, что является большой редкостью для зданий такого возраста. Открытия следовали одно за другим. Убрав фанерную обшивку одной из дверей, реставраторы нашли историческую резьбу хорошей сохранности. За полтора года дом расчистили, отремонтировали кирпичный цоколь, заменили нижние венцы, бревна простенков и часть балок. Летом фасады дома обоят подлинным старым тёсом, недостающая обшивка будет воссоздана.

В ходе реставрации дом Засецких обретет новый цвет. Исследования показали, что изначально он был цвета охры. Сомнения терзали реставраторов по поводу изразцовых печей, которых в доме пять. В советские времена в доме провели центральное отопление, а печи заложили кирпичом. Перед реставраторами была поставлена задача не



Деревянных кварталов в современной Вологде почти не осталось, но улицы встречаются



Двери дома  
Анны Бутыриной  
украшены резьбой  
в виде виноград-  
ных гроздьев

Отличием Вологды  
от других дере-  
вянных городов  
России считают  
стилевое разно-  
образие. Чего  
здесь только нет!

кусок глиняного раствора, находящегося в печи или внутри изразца, размочить его и получить раствор, который изготавливали печник того времени, опробовать его на ощупь. Такие моменты завораживают и привлекают меня в этой профессии».

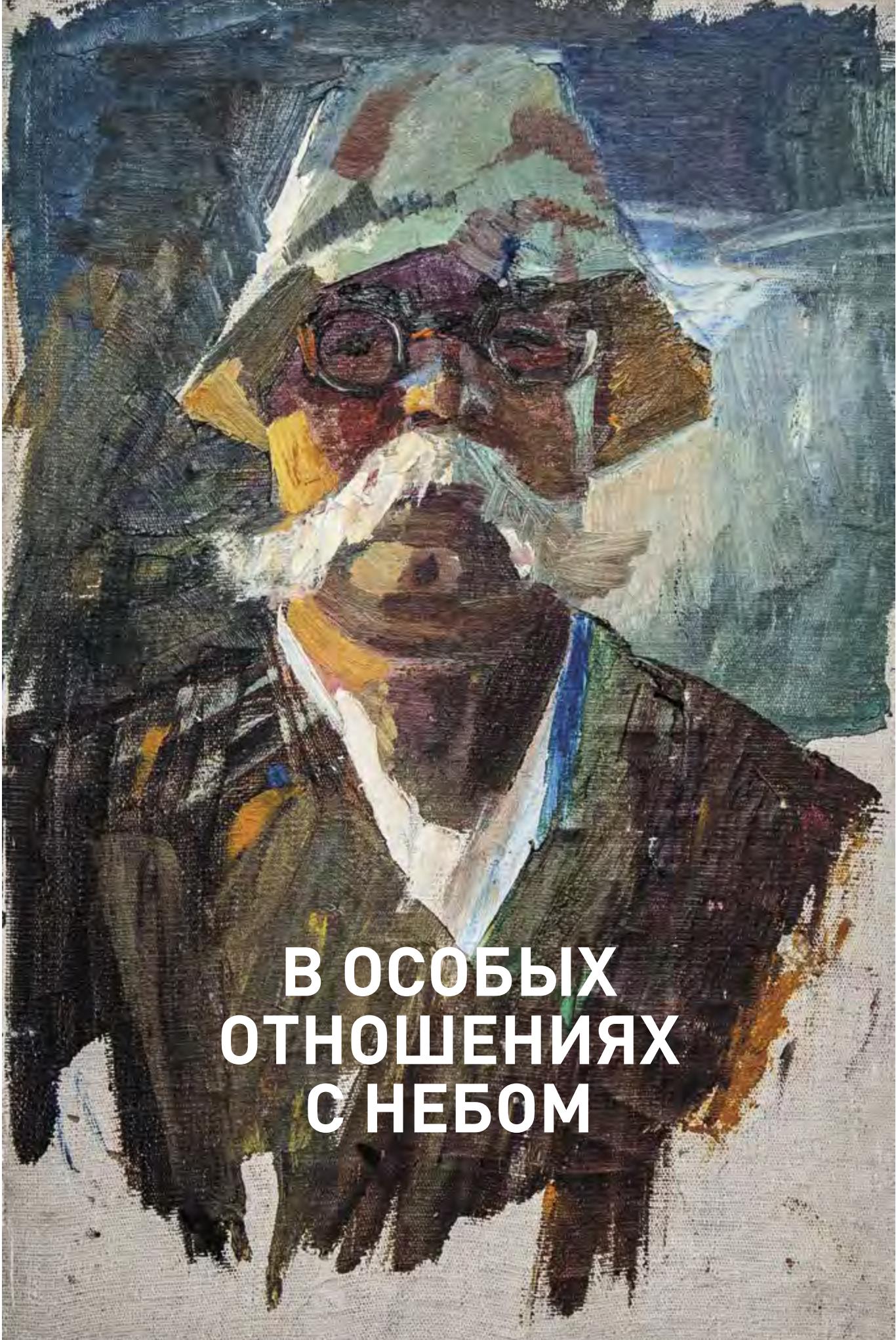
В доме Засецких Ясинецкий столкнулся с печью с жаровыми керамическими трубами, которые позволяли теплому воздуху циркулировать по помещениям. Печи забирали холодный воздух из-под земли, прогревали его и выпускали в помещения, при этом теплыми становились и полы, которые делались двойными.

«Одна из печей была выполнена по такой технологии, очень редкой для нашего края, – рассказывает печник. – При постройке применялся голландский шамот (огнеупорная глина). – Прим. авт.), который, как мы выяснили, доставлялся в Санкт-Петербург на кораблях. Короче говоря, такая печь требовала значительных затрат и была настоящей роскошью. Эти печи предполагают постоянное проживание людей в доме. Чтобы прогреть такую, требуется три-четыре дня, после чего огонь в ней только поддерживает». По словам Ясинецкого, все печи в доме теплоемкие, с толстыми стенками, которые позволяют долго отдавать тепло. Печные дверцы выходят в коридор, чтобы истопник или другой работник мог затопить печь, не беспокоя хозяев. Работая с печами, Антон наткнулся на «приветы» от коллег из прошлого. Нашел несколько монет, которые печники по традиции оставляют в кладке. Были там и советские деньги, но самой интересной находкой стала немецкая монета 1940-х годов. То ли пленные участвовали в ремонте печи, то ли у печника-фронтовика других монет в кармане не оказалось.

Вложение современных вологжан – реставраторов, историков, меценатов, волонтеров – в сохранение деревянного наследия города, возможно, тоже проявится не завтра. Но без сомнения согреют будущие поколения теплом отремонтированных печей, срубов и крыш. Теплом сохраненной истории.



В середине  
XX века  
Вологда была  
на 80 процентов  
деревянной,  
сегодня  
сохранилось  
около 80 зданий



В ОСОБЫХ  
ОТНОШЕНИЯХ  
С НЕБОМ

АВТОР

ФОТО

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

У ХУДОЖНИКА, КОТОРОГО СОВРЕМЕННИКИ НАЗВАЛИ «ПАТРИАРХОМ СИБИРСКОЙ ЖИВОПИСИ», С САМОГО ДЕТСТВА БЫЛИ ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ С НЕБОМ. ЕЩЕ МАЛЬЧИШКОЙ ОН ЛЮБИЛ ПОДНИМАТЬСЯ НА КОЛОКОЛЬЮ – ЛЮБОВАЛСЯ РОДНЫМИ ПРОСТОРАМИ И БЕСКРАЙНИМ СИНИМ НЕБОМ. И СВОИ КАРТИНЫ КОНДРАТИЙ БЕЛОВ ПОТОМ ВСЕГДА НАЧИНАЛ ПИСАТЬ С НЕБА. ОНО ПОЛУЧАЛОСЬ РАЗНОЕ. ЧАСТО ОБЛАЧНОЕ, НЕСПОКОЙНОЕ, ТРЕВОЖНОЕ, ПОХОЖЕЕ НА БУРНОЕ МОРЕ. НО В РАЗРЫВАХ ОБЛАКОВ НЕИЗМЕННО ПРОСВЕЧИВАЛ КУСОЧЕК ЯСНОЙ СИНЕВЫ. ВЕДЬ КАКИЕ БЫ НИ СОБИРАЛИСЬ ТУЧИ, ВСЕ РАВНО ПОТОМ ВЫГЛЯНЕТ СОЛНЦЕ...

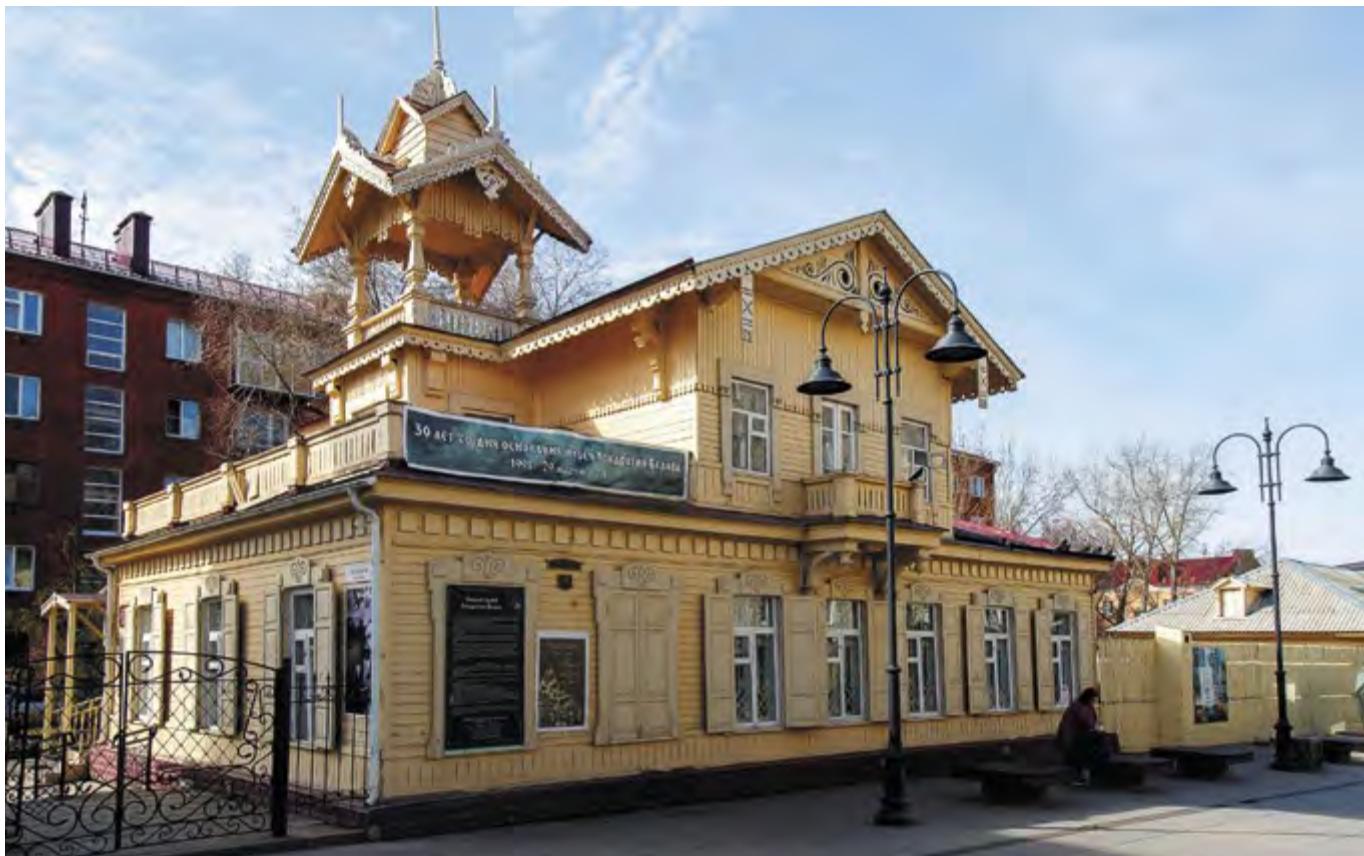
**Р**ЕШЕНИЕ ОБ ОТКРЫТИИ музея Кондратия Белова было принято еще при жизни художника – случай для провинции исключительный. И Кондратий Петрович успел выбрать под музей похожий на сказочный терем ветхий деревянный особняк в центре Омска, который иначе угодил бы под снос. Художника отговаривали, предлагаю-  
ти поискать другие варианты. Но он ответил: «Если я выберу

другой дом, то этого здания скоро не будет».

Музей Кондратия Белова не подходит под классическое определение соответствующего учреждения культуры. Это именно дом – с теплой семейной атмосферой, дружескими чаепитиями, вкуснейшими пирогами по «беловскому» рецепту и рисовальными вечерами. Идею такого гостеприимного дома предложила первый директор музея, дочь художника – Вера

Кондратьевна. И это не случайно: Кондратий Петрович был очень хлебосольным хозяином. Хотя в начале многие говорили, что ничего у Веры Кондратьевны не получится, ведь она не музейщик, а инженер-строитель. Однако дочь художника без колебаний оставила должность ведущего инженера омского филиала ленинградского проектного института и занялась делом совершенно для нее новым и непривычным.

Музей-теремок  
в центре Омска





Дочь художника Вера Кондратьевна оставила престижную работу, чтобы полностью посвятить себя созданию музея

В нелегкие 1990-е музей создавался вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам и финансовым сложностям. Износ здания к тому моменту, по оценке специалистов, составлял 90 процентов – его почти век никто не ремонтировал. Кстати, Кондратий Белов и дом, ставший его музеем, почти ровесники. Художник родился в 1900 году, а годом позже в центре Омска был построен дом с мезонином. «Мы три года реставрировали дом, разбирали горы хлама. Где-то ставили новые на прежнем фундаменте. Тут не было полов, все ходили по плашечкам, что-то на голову постоянно сыпалось, – вспоминает внук Кондратия Петровича Владимир Белов. – Я охранял музей, потом стал директором». Изначально Музей Кондратия Белова был филиалом Омского музея изобразительных искусств имени Врубеля, коллеги помогали новоявленным музейщикам осваиваться в незнакомой для них сфере. Коллекция музея началась со ста работ Кондратия Белова, а сегодня она насчитывает уже 930 единиц хранения, включая картины, подаренные омскими художниками. В 2021 году Музей Кондратия Белова отпраздновал свое 30-летие.



С «Лесосплава на Иртыше» в 1948 году начался Белов – живописец

### ТЕРЕМОК С МЕЗОНИНОМ

Кружевной теремок с мезонином и причудливой башенкой-бельведером на бывшей Плотниковской улице (ныне улица Валиханова) – все, что осталось от роскошной усадьбы известного предпринимателя и общественного деятеля, главного агронома Степного края Филиппа Штумпфа. Дом изначально был больше, но боковые флигели

ли еще в бытность здания коммуналкой – здесь жили 15 семей – уничтожил пожар. Так что музей невелик.

Первые два зала отведены под выставки омских художников, работы самого Белова размещаются в третьем, большом зале. Время от времени из хранилища извлекаются новые пейзажи, прежняя экспозиция отправляется в запасники. Но две работы – каждая в полстены – не снимаются никогда. И вовсе не из-за размеров.

С «Лесосплава на Иртыше» в 1948 году начался живописец Кондратий Белов. Некоторые искусствоведы называют эту картину первым полным и выразительным портретом Сибири. Она была включена в экспозицию выставки советского искусства, которая прошла в нескольких зарубежных странах. И вошла в список номинантов на Сталинскую премию. Но Кондратию Белову припомнили службу в белой армии, так что премии он так и не получил. «Село моей юности» – последняя работа Кондратия Петровича, которую художник не успел завершить. На ней он изобразил свое родное село Пача, куда



Венчающую терем башенку-бельведер очень любят птицы



ездил каждый год. «Двадцать лет прожил я в Паче, и душа моя осталась там, в этом древнем сибирском селе, стоящем над красавицей Томью в окружении прекрасной природы, – писал Кондратий Петрович. – Нет реки без истока, так и в судьбе моей ты – то единственное место, куда устремляется душа моя». Передний план на этой картине остался не прописанным...

Во дворе музея гостей встречает бюст художника. «Этот бюст делал белорусский скульптор Виктор Мурашов. Когда он узнал, что открывается Музей Кондратия Белова, он отлил памятник на собственные средства и прислал нам», – поясняет Владимир Дмитриевич.

На лестнице – работа сына художника, Станислава Кондратьевича, который унаследовал от отца любовь к просторам и ненамного пережил его.

На всех дверях здесь подлинные старинные ручки. А в гостиной на почетном месте висит большой фотопортрет Филиппа Штумпфа – дань уважения первому хозяину этого дома. «Мы всегда помним, что дом – Штумпфа, а музей – Белова», – подчеркивает Владимир Белов.

## ВСЕ УСПЕВАВШИЙ ШТУМПФ

Было бы ошибкой хотя бы кратко не рассказать о первом хозяине дома, в котором располагается музей.

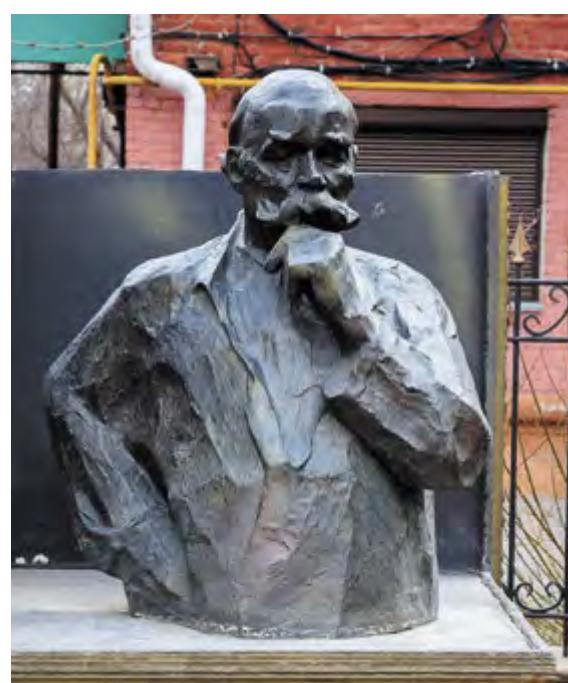
Филипп Штумпф родился во все не в Томске, как утверждает «Википедия», а в Саратовской губернии, в семье немецкого колониста. Образование получил в земледельческом учили-

Гостиная  
Штумпфа

Белорусский  
скульптор  
Виктор Мурашов  
отлил бюст  
художника  
на собственные  
средства  
и подарил музею

ще в Саратове. Потом перебрался в Уфу. Молодой человек часто бывал на скачках, где и познакомился со своей будущей женой, Надеждой Бельшевой. А потом Степной генерал-губернатор Таубе пригласил молодого специалиста в Омск губернским агрономом. Через два года Филипп Штумпф построил в Казачьем форштадте (один из старейших районов Омска. – Прим. ред.) дом-терем с башенной-бельведером.

А еще Филипп Филиппович приобрел у воинского управления Сибирского казачьего войска земельный участок недалеко от города. Там он разводил лошадей, свиней и даже верблюдов, пробовал новые сорта семян. Свинину отправлял в Европу, овчины – в Москву. У Штумпфа была даже своя сыроварня, где делали сыр тильзитер. На первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной и торгово-промышленной выставке в 1911 году Штумпф получил 21 награду. Кстати, из 49 лошадей, представленных на выставке, более половины принадлежало Штумпфу. Страстный энтузиаст коневодства был и учредителем омского ипподрома.





Штумпф активно внедрял технические новинки – он первым в городе купил трактор «Могуль» с керосиновым двигателем, первым приобрел ветряные электродвигатели. Филипп Филиппович был членом Русского географического общества, ученым-экспериментатором, писал научные статьи. Помогал молодым художникам. Способствовал открытию в Омске коммерческого училища. Был избран гласным городской Думы. Как он все успевал – непонятно.

В Первую мировую Штумпф по понятным причинам подумывал уехать за границу. Разумеется, не на пустое место: Филипп Филиппович покупал акции бразильских каучуковых и кофейных плантаций. Но все же остался в России.

В январе 1918 года все вклады Штумпфа были конфискованы. Филипп Филиппович не растерялся: подкупил комиссара банка, и тот организовал выдачу денег. Комиссар успел сбежать, а Штумпфа вскоре посадили в тюрьму. Однако рабочие, которые трудились на его загородном участке, вступились за хозяина: «Мы без него

В небольших залах по-домашнему уютно

сеять не можем». И Штумпфа освободили под солидный денежный залог. Потом, когда власть в Омске переменилась и снова появилась возможность уехать, он почему-то остался. Штумпф покинул город в 1919 году. С собой у него была трость, набитая золотыми монетами, сберкнижки европейских банков и акции. В пути он заболел тифом, и на станции Тайга его сняли с поезда. Трость украли, баул с бумагами остался у жены. Получив сообщение о смерти мужа, Надежда Степановна уехала в Томск, где жил ее сын от первого брака. Но Филипп Филиппович выжил. К жене он

не поехал, вернулся в Омск и поселился на той же улице у знакомого. В марте 1921 года Штумпф пришел на Казачий рынок, увидел своих породистых лошадей, запряженных в телегу и... сердце его не выдержало. Штумпф умер от инфаркта, могила его не сохранилась.

Кондратий Белов и Филипп Штумпф знакомы не были, но оба обладали удивительным даром собирать вокруг себя неравнодушных людей. И когда дом Штумпфа стал музеем Белова, там возобновилась особая атмосфера, царившая при прежнем хозяине.

В Музее Кондратия Белова вернули из небытия красивую традицию, бытавшую в дореволюционном Омске: проводить вечера за мольбертом и приятной беседой. Каждый понедельник в музее собираются разные люди, влюбленные в искусство. Так же, как в начале прошлого века в Обществе художников и любителей изящных искусств Степного края. Общаются, слушают музыку и, конечно же, рисуют, причем в основном портреты. Порой выходят на улицу и просят прохожих позировать...

Весомый  
этюдник мастера





## РОВЕСНИК НЕСПОКОЙНОГО ВЕКА

Кондратий Белов был ровесником непредсказуемого и бурного XX века. Поэтому его биография напоминает увлекательный роман.

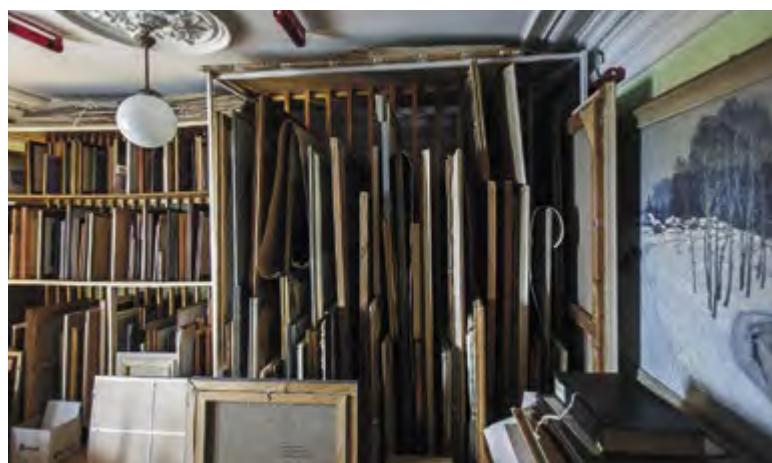
Родился будущий художник на Северном Урале, вырос в Сибири, на берегу некогда мощной реки Томи в селе Пача. Самым любимым его временем была Пасхальная неделя, когда всех пускали на колокольню деревенской церкви. «Я каждый день уходил звонить и целую неделю смотрел вдаль с колокольни, как идет весна», – напишет он потом в своих воспоминаниях.

Рисовать Кондратий начал с 7 лет. Похоже, художественные способности он унаследовал от матери: «Мать моя, Агафья Карповна, была неграмотной, но от природы способной к различным художествам. Рисовала соседкам петухов и всякие узоры на полотенцах для вышивки». Но отец – крестьянин, переехавший в Сибирь «с пятью рублями в кармане и медным самоваром», человек практичный – регулярно поколачивал сына за это «баловство», рвал рисунки, ломал карандаши. Однако мальчик все равно рисовал – по ночам, когда отец спал. Цветные карандаши и бумагу

Весьма живописная лестница, ведущая на «второй этаж»

ему привозили из Томска дети купца Просянкина, для которых он рисовал «что попросят». Подросшего парнишку отдали в работники местному священнику. Нашлась и невеста – «в двери не войдет, но зато племянница местной купчихи». От такого «счастья» 17-летний Кондратий бежал в Томск и завербовался на строительство Мурманской железной дороги. И в этой весьма далекой от искусства среде молодому человеку неожиданно пригодилось умение рисовать. Более того, оно его спасло. Переболев тифом, Кондратий не мог выполнять тяжелую физическую работу. И его взял к себе начальник службы движения – писать надписи на паровозах, цистернах, вагонах. Молодой человек получал за это «огромные» деньги – 12 рублей в день.

Весной 1919 года Кондратий Белов попал под последний колчаковский призыв. Первое, что будущий художник увидел в Омске, где стоял их 43-й Сибирский стрелковый полк, это парад, который принимал сам Верховный правитель: «Еще не обученные, зеленые как молодой лук новобранцы выстроились на площади. Дул сильный ветер, столбы пыли кружили над городом. Нигде я не видел такой пыли. Мы не могли без смеха смотреть друг на друга: на серых от пыли лицах видны были только глаза и зубы. <...> Колчак тоже был в английской форме, на адмиральских погонах сияли двуглавые орлы. Он стоял, вытянувшись в струну, твердый рот крепко сжат, большой мясистый нос навис над расколотым на две половины подбородком». Полвека спустя Кондратий Петрович воспроизвоздил этот образ на своих полотнах по памяти. А тогда в Омске дежурный по роте Белов взялся рисовать Колчака с портрета, висевшего на стене – чтобы не уснуть и не прозевать начальника караула. Увлекся, не заметил дежурного, получил два наряда. В октябре 1919 года 43-й Сибирский стрелковый полк отпра-



В тесноте,  
да не в обиде

вили в поход против алтайских партизан. Хозяин хаты в селе Новициха, к которому Белова с товарищами определили на постой, узнал, что они из Омска, и стал интересоваться, каков из себя адмирал. «А вот у нас художник сидит, он его с карточки рисовал, — показал на меня пальцем мой товарищ. Принесли бумагу, и по просьбе хозяина я сделал по памяти рисунок.

— Вот он какой, — удивился хозяин. — А я думал, он с бородой, как Макаров — адмиралы все с бородами были, только Нахимова Бог обидел...

Тут меня окружили ребятишки: для них особенно было в диковинку видеть, как рисует карандаш на бумаге. Самый младший начал давать заказы: то зайчика нарисуй, то волка, то Шарика с конем. Я рисую, а хозяин смотрит и вздыхает: «Эх вы, армия!» Этот рисовальный вечер оказался судьбоносным. Хозяин, сочувствовавший красным, проникся симпатией к молодому художнику и буквально в последний момент вытащил его из готовящейся кровавой мясорубки: полк выступил против партизан и в этом бою был полностью разгромлен...

Потом была Красная армия, Иркутск, снова казармы, но уже 48-го стрелкового полка. Вечером в полутемной казарме Белов по просьбе одного из красноармейцев нарисовал химическим карандашом на стене обнаженную женскую фигуру. За этим занятием его застал командир взвода по прозвищу Козья Папаха: «Подкрался в темноте и закричал: «На губу посажу, нарядами задушу, получай два наряда вне очереди!» И ушел, скрылся из глаз, приказав на прощание: «Ужинай и пойдешь со мной». Я и спрашивать не стал куда. И так понятно, что на губу». Но Козья Папаха привел рисовальщика в художественную студию полка, которой руководил Георгий Мануйлов. «Можете представить, что со мной было! Я онемел и ни с места, хочу шагнуть, а ноги не идут. Яркий электрический свет ослепил меня.



Бывшая Еловка. Кондратий Белов не случайно говорил: «Мои картины — это личная охрана памятников старины»

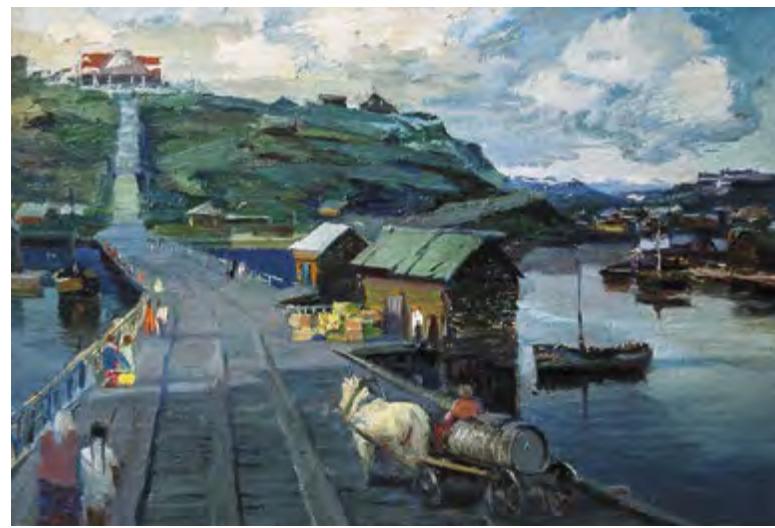
Нет, не ослепил, а озарил светом грядущего, которое ждало меня за порогом этой комнаты». Так перед Кондратием Беловым внезапно открылся путь в большое искусство. По ходатайству руководителя студии Белов был откомандирован в годичную художественную студию при полит управлении 5-й армии. Студия, кстати, просуществовала только год и подготовила единственный выпуск.

Учиться было нелегко. Шел 1921 год, в Иркутске было неспокойно. В городе бесчинствовали банды, потому винтовки и

кисти у студийцев всегда находились рядом. В студии преподавали известный иркутский художник Константин Померанцев, будущий московский график Сергей Бигос, читинский скульптор Иннокентий Жуков, чьи работы экспонировались в Париже, Петрограде и Москве, болгарский портретист Мунзо.

Первая живописная работа Белова, «Широкая Масленица», в 1922 году вместе с другими картинами вошла в экспозицию весенней выставки иркутских художников. Судьба

Пристань Березово. Как и прочие пейзажи, картина рисовалась по памяти





Белова-художника определилась окончательно.

В 1924 году он поступил в Омский художественно-промышленный техникум им. М.А. Врубеля на полиграфическое отделение, которое при тогдашней безработице почти гарантировало трудоустройство. В 1929-м Белов начал работать литографом на геокартографической фабрике при военно-топографическом отделе Сибирского военного округа.

В 1932 году Кондратий Белов был принят в члены только что образовавшегося Союза художников СССР. Тогда же он заболел туберкулезом легких, врачи запретили ему работать в литографской мастерской. Белов устроился режиссером, актером и художником-оформителем в Клуб им. Ворошилова. Театр так увлек его, что сделать окончательный выбор между ним и живописью Белову оказалось очень непросто. «За шесть лет я поставил много спектаклей, сыграл немало ролей», – напишет он потом в книге своих воспоминаний.

В 1964 году Кондратий Белов стал заслуженным деятелем искусств, в 1976-м – народным художником России.

### ТАНЦЫ ПЕРЕД ХОЛСТОМ

Среди сибирских художников выражения «кондратовское небо» и «беловский колорит» давно стали общепотребительными терминами. Да, в работах Кондратия Белова всегда изумительно много неба...

Эпический пейзаж, в жанре которого работал художник, для русской пейзажной живописи – редкость. В нашей стране традиционно доминировали два вида пейзажа. Лирический, где образ природы одухотворен человеческими чувствами и размышлениями:

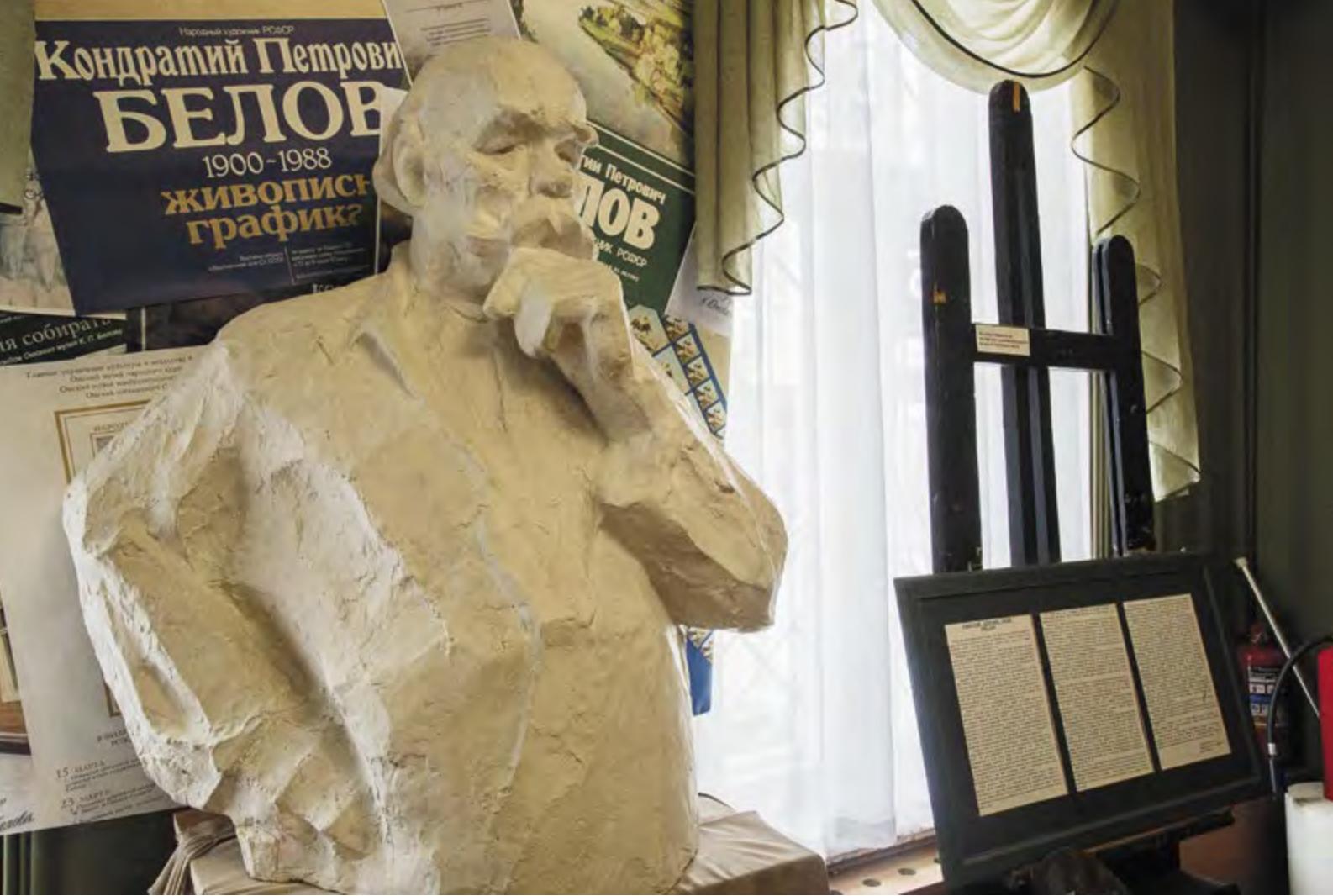


Тобольск. Еще один эпический пейзаж, где все изображенное равнозначно

неслучайно его еще называют пейзажем настроения – вспомните работы Левитана или Саврасова. И декоративно-синтетический, как на картинах Куинджи – особый тип романтического пейзажа, основанного на реалистическом восприятии мира, преображенного творческой индивидуальностью художника.

Для Кондратия Белова природа – не красивые фрагменты ландшафта, не набор символов, а одушевленный мир. Причем человек не является центром этого мира, он – лишь его часть. У Белова природа самоцenna, нет разделения на основной мотив и фон, нет четко выраженного композиционного центра. Все изображенное – равнозначно.

Кондратий Петрович почти не делал эскизов, рисовал всегда по памяти. Писал сильно, крупно. «Перед картиной, – шутил он, – танцевать нужно». «Он работал сильно, мощно и очень быстро, не затягивая. Потому у него столько произведений, – рассказывает внук художника. – У него вправду был определенный танец перед холстом: холсты большие,



надо попрыгать перед ними, чтобы что-то там изобразить».

Историки отмечают, что работы Белова отличает большая степень достоверности. Он обладал феноменальной памятью, запоминал все, вплоть до деталей. Изображениям зданий, одежды, военной формы на его картинах можно доверять как фотографии.

Он рисовал город-остров посреди бушующего моря неба и земли, величественные храмы и деревянные дома с резьбой и башенками – чтобы не дать им окончательно стинуть в водовороте времен. «Мои картины – это личная охрана памятников старины», – говорил Кондратий Петрович. Действительно, многие памятники старого Омска сегодня сохранились лишь на полотнах Белова.

А еще Кондратий Петрович был страстным книжочеем и талантливым художником-иллюстратором. В собрании музея хранятся оригиналы иллюстраций, выполненных художником для четырех книг, изданных в Омске в 40–50-е годы прошлого века. Сотрудничество с издательством началось с романа А.М. Горького

В главном зале посетителей встречает радушный хозяин

Внук художника и директор музея Владимир Белов рассказывает про знаменитого деда

«Дело Артамоновых». Издание особыми достоинствами не отличается – качество печати в те времена оставляло желать лучшего. Но оригиналы достойны стоять в одном ряду с лучшими образцами книжной графики. В 1957 году Белов проиллюстрировал первую книгу стихов омского поэта Тимофея Белозерова, позже снискавшего всесоюзную славу. А потом получил

заказ на оформление сказки Ершова «Конек-Горбунок».

На иллюстрациях Белова все литературные персонажи – и сказочные, и взятые из реальной жизни – одинаково убедительны. Кажется, что художник изображает людей, хорошо ему знакомых. Скорее всего, так и есть. Ведь с кем только не встречался за свою насыщенную событиями жизнь будущий художник...





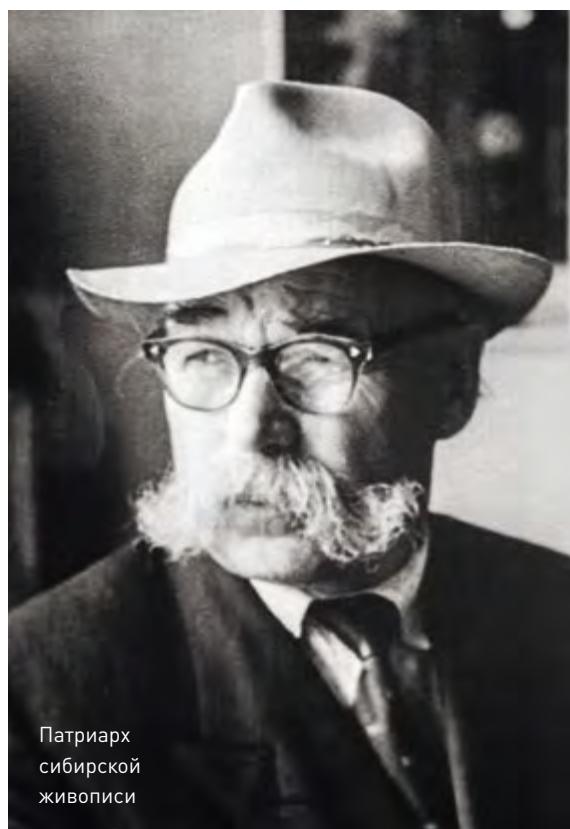
## ЛЕТОПИСЕЦ ФИНАЛА РУССКОЙ ТРАГЕДИИ

Кондратию Белову было суждено стать летописцем Гражданской войны, точнее, финала главной русской трагедии XX века. «Память – такая штука, только зацепиши ниточку – и она поведет тебя. И то, чему я оказался свидетелем, о чем слышал, прочитал, узнал, повернулось иной гранью – потребностью рассказать людям об исторических событиях Гражданской войны, о ее героях, о том, как революция расколола мир, определила его полюса», – пояснял художник в одном из своих интервью.

На своих картинах он запечатлел и лидеров красного движения, и предводителей белых. Серию, в которую вошло около 60 работ, Кондратий Петрович назвал по всем тогдашним канонам – «Революционное прошлое Сибири». Но знаменитое «кондратовское небо» красноречиво повествует о том, о чём тогда нельзя было сказать прямо. Говорят правду – о трагедии, обрушившейся на нашу страну. Ведь историческую правду этот художник ценил превыше всего.

На картине под названием «Крах колчаковской столицы» художник запечатлел крушение отдельно взятого маленького мира. По берегу полузамерзшей реки несутся всадники с красными кокардами – войска

Кондратий Петрович был талантливым книжным иллюстратором



Патриарх сибирской живописи

красных вступили в Омск. А город застыл между снежным и облачным морем, замер в ожидании неизбежного. В Серафимовской часовне на берегу светятся все окна...

На картинах Белова есть Ленин, Дзержинский, Тухачевский, братья Пепеляевы и барон Унгерн. Но чаще других встречается Верховный правитель России Александр Колчак. Ведь адмирал Колчак, сам того не зная, несколько раз сыграл в судьбе художника Белова решающую роль.

Надолго приковывает взгляд картина «Предварительный арест Колчака». На занесенном снегом перроне, отделенном от пасмурных небес не линией горизонта, а составами под парами, совершается известное предательство. Фигура адмирала написана четче и ярче прочих. Причем Колчак изображен так, будто бы он стоит на капитанском мостике. Адмирал не принимает неизбежное, он принимает бой. А за спиной у него – хмурое небо, предвещающее трагический финал. Сложно поверить, что эта картина, на которой главный враг революции изображен так, что к нему невозможно не проникнуться уважением, была написана в советские времена – в 1965 году. И более того – регулярно выставлялась. Но это так. «В центр экспозиции он всегда вешал большое полотно с изображением Ленина, которому случилось проезжать через Омск. Все партийные чиновники смотрели на Ленина, а на остальные картины уже не обращали особого внимания», – рассказывает Владимир Белов. Да, события Гражданской войны сыграли в судьбе народного художника России Кондратия Белова решающую роль. Но вовсе не поэтому он считал своим долгом рассказать о них потомкам. «Нам нельзя не помнить истории нашей... Если ты неравнодушен к прошлому, значит, неравнодушен к настоящему и будущему», – говорил Кондратий Петрович. ●



# РУССКИЕ СПИРИТЫ

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

КРУТАЯ ВИНТОВАЯ ЛЕСТНИЦА ВЕДЕТ В ПОЛУТЕМНЫЙ ПОДВАЛ, НА КИРПИЧНЫХ СТЕНАХ КОТОРОГО РАЗВЕШАНЫ ЧЕРНО-БЕЛЫЕ ФОТОГРАФИИ. И КАК ВОДИТСЯ, В ПОДЗЕМЕЛЬЕ СЛЫШАТСЯ ШОРОХИ, СТУКИ И ДРУГИЕ ПРИЛИЧЕСТВУЮЩИЕ ПРИЗРАКАМ ЗВУКИ, НАСТРАИВАЮЩИЕ ЗРИТЕЛЯ НА МИСТИЧЕСКИЙ ЛАД.

Т

АК В ПЕТЕРБУРГСКОМ

Государственном музее истории религии предлагают познакомиться с историей спиритизма, посетив выставку «Эпоха призраков. Спиритизм на рубеже XIX–XX веков». Спиритизм (от лат. *spiritus* – дух) – религиозно-философское течение, в основе которого лежит вера в жизнь после смерти и возможность общения с духами умерших посредством особых людей – медиумов.

В музее представлена коллекция спиритических фотографий действительного статского советника Александра Николаевича Аксакова. Спиритизмом он увлекся в юности, заинтересовавшись работами шведского философа Эммануила Сведенборга, который занимался исследованием вопросов, связанных с посмертной жизнью души. Аксаков переводил труды Сведенборга. Тема спиритизма увлекла его настолько, что, оставив службу, Аксаков с энтузиазмом занялся спиритизмом. Ездил по миру, участвовал во многих спиритических комиссиях. Долго жил в Берлине, где общался со спиритами, затем перенес свое увлечение в отчество. Аксакова приглашали зарубежные спиритические организации как исследователя и автора книг о спиритизме. Именно он изобрел термин «телекинез».

## ДУХ ПОСТУЧАЛ

Большая часть экспонатов выставки – подлинные предметы из фондов музея, их более ста. В основном это фотографии, которые Александру Аксакову присыпали со всех концов света. Выставка размещена в трех маленьких залах и поделена на темы. Первый зал рассказывает о зарождении спиритизма в России – это «научный» период. Второй зал посвящен мистическим ритуалам «Братства истинного служения» в Петрограде, третий – истории секты Дмитрия Шульца «Единый Храм». Основная часть экспозиции – «спиритические фотографии»: снимки, сделанные во время

сеансов. Все фотокадры на спиритических сеансах – это научный эксперимент, против которого медиумы не возражали. В первом зале можно увидеть на снимках и самого Александра Аксакова. На одном из фото он запечатлен с «материализованной душой». Чьей – неизвестно. Широкий общественный интерес к спиритизму возник в 1848 году в США. Все началось с семейства Фокс, поселившегося в деревушке Гайдсвилл в штате Нью-Йорк. Фоксы обосновались в доме, имевшем дурную славу: местные жители шушукались, что в нем убили проезжего торговца. А вскоре в газетах появились статьи о трех сестрах Фокс, которые вошли в контакт с духом убитого. Девушки общались с духом по принципу да/нет: два стука / один стук. Общественность заинтересовалась мистическим детективом и способом общения с иными мирами, хотя вызывание духов умерших и диалог с ними практиковались задолго до сестер Фокс. Интерес к спиритизму из Нового Света перекинулся в Старый, в 1850-х добрался до России, но не приобрел здесь многочисленных почитателей. Спиритические сеансы вошли в моду и стали массовым явлением в нашей стране лишь в 1870-е.

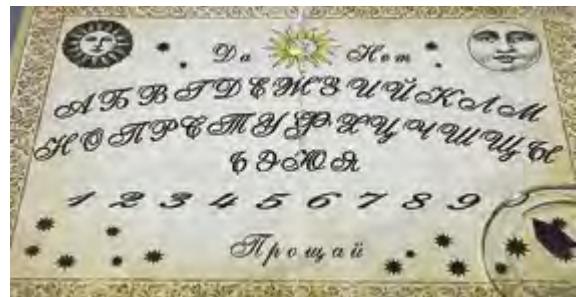
На сеансы приглашали иностранных медиумов. Погружаясь в транс, медиум вступает в контакт с духами, передает их ответы вербально или письменно. На сеансах материализовались не только человеческие фигуры, но и растения и предметы.



Снимки, сделанные во время сеансов. Все фотокадры на спиритических сеансах – это научный эксперимент

### НАУЧНЫМ ПУТЕМ

Помимо Александра Аксакова главными проповедниками спиритизма в России стали профессор зоологии Санкт-Петербургского университета Николай Вагнер и химик Александр Бутлеров. Они организовали кружок, участники которого изучали медиумические явления и устраивали сеансы, приглашая известных медиумов



Планшетка, специальная подвижная указка для передачи посланий во время спиритического сеанса, двигалась по заранее написанному алфавиту

из Европы. Ученые искали научные обоснования спиритизму.

– Александр Аксаков был глубоко верующим человеком, однако это не противоречило его занятиям спиритизмом, – говорит куратор выставки искусствовед Наталья Веприкова. – Его подход, как и других ученых по всему миру, был исключительно научный: расширить знания о человеческой психике. Изучение человека – физиологии, психологии – в конце XIX века превратилось в научный бум.

Аксаков и его единомышленники стремились научно подтвердить контакты с духами с помощью химии, физики, математики, зоологии. При таком подходе спиритический сеанс превращался в эксперимент. Николай Вагнер был убежден, что фотофиксация – единственный способ доказать скептикам реальность спиритических явлений. Комнату, где проводился сеанс и велась фотосъемка, затемняли. Снимали, как правило, профессиональные фотографы. На сеансы с фотографированием «духов» приглашали незаинтересованных свидетелей для подтверждения «чистоты» проводимых экспериментов. Камеры, пластины и реактивы тщательно проверялись и маркировались. Идея фотографировать «духов» пришла американскому гравёру Уильяму Мамлеру.

– Увлекшись фотографией, Мамлер получил несколько странных снимков, – рассказывает Наталья Веприкова, – на которых он узнал свою умершую кузину. Так он понял, что встретился с духом и сам стал медиумом. Мамлер даже фотографировал вдову Линкольна с «призраком», правда, позже был уличен в обмане.



## БУТЛЕРОВ ОБИДЕЛСЯ

В последней четверти XIX столетия спиритические сеансы превратились в массовую практику. Увлечение «столоверчением» охватило все слои общества.

Российское общество конца XIX века разделилось в своем отношении к спиритам. Общение с духами на спиритических сеансах происходило демократично: каждый мог участвовать и получить ответ на свой вопрос. Или не получить.

О спиритических сеансах писали в газетах. Реакции были неоднозначными, к тому же не все контакты получались «удачными»: на некоторых, к разочарованию публики, ничего не происходило, а медиумов нередко уличали в мошенничестве. Чтобы разобраться с феноменом спиритизма, на сеансы приглашали известных людей, например Федора Достоевского, Николая Лескова, Дмитрия Менделеева.

В 1875 году по предложению профессора Менделеева была образована комиссия для изучения спиритических явлений. Члены этой комиссии решили провести серию опытов-сеансов, чтобы решить, не являются ли спиритические сеансы обманом. Результаты были плачевными. Члены комиссии не признали сверхъестественного в увиденном на сеансе и посчитали, что медиум демонстрирует не паранормальные способности, а управляет сознанием обычного человека. На Менделеева обиделся Бутлеров, стараниями которого было создано много спиритических фотографий.

Достоевский очень интересовался спиритизмом. Если Менделеев спиритов всерьез не воспринимал, то Достоевский верил в субъективную честность петербургских спиритов и считал, что к такому явлению надо относиться ответственно. Несмотря на настороженность и ироничность литераторов, спиритизм быстро вошел в моду как салонная игра аристократии и интеллигенции. Наталья Веприкова полагает, что спириты искали «что-то магиче-



Фотоколлекцию  
Александр  
Аксаков собирал  
на протяжении  
долгого времени

ское», и напоминает, что мода на диалоги с духами возникла на подготовленной почве.

Спиритические сеансы проводились и при дворе, но подобная забава разочаровала Александра II, а Александр III вообще был далек от подобных вещей. Тем не менее в 1860-е годы в России начали выходить спиритические журналы: «Ребус», «Спиритуалист», «Вестник оккультных наук», «Таинственное». В 1910-х годах в России существовало более 3,5 тысячи спиритических кружков, большая часть которых находилась в Петербурге и Москве. Насчитывалось около 160 официально зарегистрированных обществ. Журнал «Спиритуалист» издавался колоссальным по тем временам тиражом – 30 тысяч экземпляров.

На постановочных  
фото призрак  
нередко накрыт  
покрывалом



## МАТЕРИАЛИЗОВАННЫЙ ПРИЗРАК

О том, какие предметы использовал медиум во время сеанса, рассказывается во втором зале, где представлена «мистическая пора» спиритизма в России. Стол, хрустальный шар, специальная подвижная указка для передачи посланий во время спиритического сеанса, которая двигалась по написанному алфавиту. Во время ритуала участники садились за стол, положив на него ладони. Медиумы могли сидеть как за столом, так и находиться в другой комнате, если за ними наблюдали во время экспериментов. Медиумами были как мужчины, так и женщины.

– Различают несколько видов медиумизма: физический – это материализация человека или предмета. Ментальный – с помощью телепатии дух передает информацию медиуму через автоматическое письмо или с помощью речи, то есть дух говорит своим голосом, но губами медиума. О появлении призрака сигнализировали странные мелькания света, звуки неизвестного происхождения, сильные потоки воздуха, падение температуры. Начинали двигаться самопроизвольно предметы, могла произойти левитация. Планшетка могла начать перемещаться по спиритической доске без участия человека. Спиритизм как

бы давал возможность контакта с другим миром. Возможность узнать будущее стала особенно заманчива после 1917-го. Сами медиумы, не считая откровенных шарлатанов, верили в свои способности проводников между мирами, – объясняет Наталья Веприкова.

В России фотографиями сеансов делились не только столицы, но и, к примеру, провинциальный Каменец-Подольский. На выставке представлено фото «материализации девушки Поли», присланное из этого города. На обороте снимка заботливой рукой указаны дата и время сеанса. Ну а само постановочное фото смотрится забавно: «дух» девушки выглядит вполне себе мужчиной.

– Скорее всего, на фотосессии с материализацией Поли в роли «духа» выступил один из членов этого спиритического общества, – предполагает Наталья Веприкова. – Такое наивное отношение связано с тем, что фотография, даже самая обычная, была редкостью, дорогим удовольствием и уже чем-то магическим, поэтому и считали, что нет особой разницы, кто изобразит девушку. Кстати, у медиума имелись «свои» духи, то есть духи-помощники, которых Наталья Веприкова назвала «коллегами» спирита. Помимо фотографии был и другой, не менее загадочный способ доказать существование духа – парафиновые слепки, фото которых также представлены на выставке.



Магический  
кристалл –  
атрибут  
магического  
и спиритиче-  
ского сеансов

– Материализованного духа про-  
сили оставить свидетельства сво-  
его существования, – расска-  
зывает Наталья. – «Дух» окунал  
свои кисти или стопы в горячий  
парафин. «Дух» исчезал, а слеп-  
ки оставались. Многие пытались  
понять, кому принадлежали эти слепки, чтобы разоблачить фо-  
кус, но это так и не получилось.  
С одной стороны, спириты хоте-  
ли создать «доказательную базу»  
существования потустороннего  
мира, а с другой – это общение  
с духами умерших и желание по-  
нять, что ждет человека после  
смерти.

Часто спирити-  
ческие сеансы  
проводились  
при свечах

## ОТ НАУКИ К МИСТИКЕ

На начало XX века пришла новая волна увлечения спиритизмом, окончательно превратившимся в салонную игру. Стремления ученых обосновать паранормальные явления были забыты.

К началу 1920-х в Петрограде и Москве существовало не менее 10 организаций мистического толка. На выставке можно увидеть вещи, принадлежавшие adeptам петроградского общества «Братство истинного служения», возникшего в 1925 году как эзотерическая ложа. Руководил обществом конторский служащий из недоучившихся студентов Георгий Тюфяев. Основной идеей общества была «борьба добра со злом», а культовую атрибутику Тюфяев заимствовал из христианства, масонства, у ордена Золотой Зари и так далее. Основной целью «Братства» было практическое и теоретическое изучение эзотерических явлений посредством спиритических сеансов. Собрания членов происходили в определенные дни в специально приспособленном для



Второй зал  
посвящен  
мистическим  
ритуалам  
«Братства  
истинного  
служения»  
в Петрограде



совершения молитв и спиритических сеансов «храме». В них участвовало до 40 человек. Считалось, что все члены «Братства», находясь под покровительством архангела Рафаила, должны выполнять его распоряжения, которые передаются во время спиритических сеансов через медиумов.

У членов «Братства» имелись свои ритуалы с облачениями и символикой, рассказывает куратор выставки. Например, налобные повязки с треугольником и крестом, нагрудники со словами молитвы, планшетка. Она могла быть круглой или конусовидной, часто имела колесики для скольжения по полу с алфавитом. Медиум входил в состояние измененного сознания, вступал в контакт с духом – и планшетка двигалась, отвечая на вопросы собравшихся. У «Братства» существовал обряд посвящения – четыре ступени посвящения и свой алтарь. Если взмотреться в атрибутику ритуальных предметов на стенде, можно

Костюм  
Дмитрия Шульца,  
сшитый им для  
представлений

Как закрытая  
организация  
«Единый Храм»  
просуществовал  
около  
восьми лет,  
сформировал  
идеологию  
и выработал  
свои символы  
и правила



Третий зал рассказывает  
об истории секты Дмитрия Шульца  
«Единый Храм»

заметить символы: крест и треугольник. Символ Ветхого Завета и Бога Отца – треугольник вершиной вверх, символ Нового Завета и Бога Сына – Христа – крест. Спиритические общества, наряду с другими эзотерическими, теософскими, философскими и масонскими, отслеживались ОГПУ, в них засыпались агенты-информаторы. В 1927 году «Братство» прекратило свое существование, а его члены были арестованы.

## НАКАЗАНИЕ ДМИТРИЯ ШУЛЬЦА

Сегодня имя Дмитрия Шульца известно только специалистам. А в 1920-х этот человек был знаменит. Дмитрий Шульц родился в 1893 году в дворянской семье, окончил Нижегородский кадетский корпус, учился в Московском коммерческом институте. Преподавал в школах иностранные языки. Поэт, художник и оратор, он обладал незаурядными артистическими способностями. С детства Дмитрий вместе с братом Германом участвовал в спиритических сеансах, которые устраивала их мать. Сам





Дмитрий выступал на них в роли медиума.

Позднее братья Шульц стали устраивать спиритические собрания, на которых сформировались основы будущего кружка под названием «Единый Храм». Он сложился в 1922 году, после переезда братьев в Москву. Здесь Дмитрий Шульц провозгласил себя «пророком», которому покровительствовало более 50 «духов». В «Едином Храме» также существовала своя символика: полумесяц с крестом и всевидящим оком и четырехцветное знамя, в котором желтый цвет означал Бога, синий – Христа, белый – чистоту, зеленый – Землю и самого Шульца как «пророка» и «человека земного». Считалось, что эти символы и название «Единый Храм» были даны Шульцу во время спиритических сеансов «духами-покровителями».

Как закрытая организация «Единый Храм» просуществовал около восьми лет. В организацию входили 10–12 человек, составляющие «Большое» и «Малое» звенья. Помимо спиритических сеансов проводились так называемые «служения» для паства, а по большим праздникам устраивались театрализованные представления. «Братья» и «сестры» выступали в маскарадных костюмах, которые им шил «пророк», меч-

тавший об объединении всех религий в одну. Сам себя он называл новым мессией, написал книгу для своих адептов, назвав ее «Утешение». В ней он изложил собственные взгляды о труде, красоте и о том, как и кого следует наказывать за проступки. На своих костюмированных сеансах Шульц перевоплощался в различные образы. Он решил превратиться в пухлую капризную девочку, наряжаясь в платья и женские парики. Девочка – образ, близкий божественному андрогину, о котором писал философ Владимир Соловьев в книге «Смысл любви». Девочка не ведает грехопадения, она невинна и чиста. Она карает, если ей «является инквизитор Торквемада». На фото можно увидеть примеры подобных перевоплощений.

Дмитрий Шульц запечатлел себя в гипсе в образе Деметры

Знаки «Братства истинного служения». Медальон с крестом мог использоваться как знак различия члена братства, стоящего на более высокой ступени. Назначение деревянного медальона с крестом неизвестно

Одна из масок Дмитрия Шульца для театрализованных представлений. Как и костюм, маски сшиты самим Шульцем

Документы, связанные с делом Шульца – записка его почитателей с просьбой о помиловании, приговор, – экспонируются впервые. О себе в кассационной жалобе Дмитрий писал: «Я заблудший, но искренний». Религиоведы и психиатры изучали феномен Шульца, который весьма сурово истязал проявившихся адептов от лица того или иного духа. На выставке представлен гипсовый бюст Шульца в образе Деметры, который был сделан им самим. Дмитрий Шульц был обвинен в антиреволюционной деятельности и расстрелян. Большевиков глава «Единого Храма» называл бесами, а Маркса и Ленина – антихристами.

\*\*\*

Люди всегда искали и продолжают искать контакты с иными мирами. Спиритизм вызвал дискуссию в обществе с момента своего зарождения, невероятно популярными стали работы Артура Конан Дойла – одного из самых знаменитых сторонников идеи фотографирования призраков. Не угас интерес к спиритизму и сегодня. А уж как к этому относиться, каждый решает сам.





# ХУДОЖНИК ИЗ КОЧЕЛАЕВА

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В ДОМ-МУЗЕЙ ЖИВОПИСЦА ФЕДОТА СЫЧКОВА ЛУЧШЕ ПРИЙТИ ЗИМОЙ – ПО МОРОЗУ И СНЕГУ. И ОБЯЗАТЕЛЬНО ЧЕРЕЗ ГЛУБОКИЙ ОВРАГ, НА СКЛОНАХ КОТОРОГО ЧЕРНЕЮТ ГОЛЫЕ ИВЫ И ТОПОЛИ, А НА ДНЕ ОТ ПОРЫВОВ ВЕТРА ШЕЛЕСТИТ ВЫСОХШАЯ ТРАВА. МЕСТНЫЕ – ЖИТЕЛИ РУССКО-МОРДОВСКОГО СЕЛА КОЧЕЛАЕВО – НАЗЫВАЮТ ЕГО УСТЬЕМ СУХОЙ РЕКИ.

**О**ВРАГ ЭТОТ ЛЕГКО УЗНАТЬ на картине Сычкова «С гор». На ней – дети, катающиеся по заснеженному склону оврага. На переднем плане две девочки. На одной – валенки, варежки и теплая шубейка. На другой – лапти, полушибок и длинная красная юбка с белым передником. Несмотря на мороз, эта маленькая красавица оставила где-то рукавицы. На втором

плане – еще одна горка, с которой тоже катятся дети. Дальше видны старые изгороди и будто вросшие в землю избы села Кочелаево. «Федот Васильевич очень любил зиму, – говорит заведующая домом-музеем художника Алла Силкина. – Часто писал этюды на морозе». На деревянной лавке в доме-музее живописца, среди палитр и тюбиков с краской, лежит странный предмет, назначе-

ние которого посетителям угадать трудно. Это старая варежка, в которую вставлена кисть. Сам Сычков изобрел такое приспособление или нет – неизвестно. Еще никто из гостей не сумел правильно распознать сей «инструмент»: от старости варежка на себя непохожа, а кисть давно рассохлась. Однако в Кочелаеве есть еще жители, которые помнят эту варежку с кистью. Видели они ее еще детьми, когда, столпившись за спиной художника, наблюдали за работой Федота Васильевича. А Сычков угощал любопытных ребятишек леденцами...

75-летняя Валентина Сергеевна Люцина, с которой мы встретились в музее, в детстве тоже наблюдала за работой Сычкова. Из-за стеснительности она пряталась за спинами братьев и сестер и не решалась приблизиться к художнику. Так что леденцы ей ни разу не достались.



## РУМЯНЫЕ КРАСАВИЦЫ

В Доме-музее Федота Сычкова тепло и уютно, все здесь располагает к неспешной беседе. С Аллой Силкиной и Валентиной Сергеевной мы обсуждаем самые известные работы Федота Васильевича. Сходимся на том, что художнику явно нравилось писать с натуры односельчан, катающихся зимой по склону оврага. Про картину «С гор» уже говорилось. А вот еще одно полотно со схожим сюжетом – «Возвращение из школы», написанное в 1937 году. На нем по раскатанной ледяной дорожке скользят хохочущие школьники. Кто-то упал. Кто-то стоит в сторонке и

наблюдает. Главная героиня картины – девочка на первом плане: короткое пальтишко нараспашку, косынка сбилась на сторону, концы алого пионерского галстука трепещут на ветру. И если девочка на картине «С гор» скромно улыбается, то эта пионерка явно громко смеется.

Кстати, сравнение этих двух картин Сычкова обязательная тема сочинения в местной школе. Принято считать, что девочка с картины «С гор» своей скромностью понравилась бы посетителям дореволюционных петербургских вернисажей. А независимая удаль и безудержная радость, изобра-

женные на полотне «Возвращение из школы», могли появиться у сельских детей Кочелаева только в 1930-е годы, когда советская власть окрепла.

Правда, Валентина Сергеевна затруднилась ответить на вопрос, когда, по ее мнению, жизнь кочелаевской детворы была лучше – при царе или при колхозах. «Детство – оно всегда веселое. Особенно если есть такие горки», – заключила она. Я интересуюсь: а не писал ли Сычков саму Валентину Сергеевну? Та отнекивается, а Алла Силкина говорит, что Люцина вполне может быть изображена на одном из этюдов, оставленных Сычковым. Правда, их очень много. Валентина Сергеевна пожимает плечами и, подумав, добавляет, что помнит, как Сычков писал с натуры катание кочелаевской молодежи на санках в 1950-е годы. Как раз тогда, когда и Валентина Сергеевна ходила кататься на санках. Точно так, как это изображено на картине «Катание с гор»: на больших санках, устланных соломой, умелись по двое или трое и летели сломя голову вниз со склона оврага... Только себя Валентина Сергеевна на этом полотне не нашла.

Трудно не заразиться настроением веселой сельской молодежи с картины «Катание с гор»!



Зато Алла Силкина обнаружила на этой картине своего деда – Степана Антоновича Морозова. Вот – на вторых санях сидит паренек с поднятой рукой. Это он и есть. После войны он вернулся в село без глаз и с тяжелым ранением ноги. Вскоре умер. Фотографий его в семье не осталось. Так что своего деда Алла может видеть только на картине Федота Сычкова. Как и она, многие кочелаевцы узнают на картинах художника своих родственников.

Я заметил, что все красавицы на картинах Сычкова обязательно улыбаются. И все – румяные, как наливные яблочки. «Художник считал, что горя в жизни и так много, а потому на холсте надо показывать праздник, радость, – говорит Алла. – Ведь самого Федота Васильевича судьба не баловала».

**САМОУЧКА ИЗ КОЧЕЛАЕВА**

В 1898 году старший сын Пушкина, Александр Александрович, приехал из Москвы в Санкт-Петербург и остановился у генерала Шипова. Тогда-то его сводной сестре, дочери Натальи Николаевны Ланской (в девичестве – Гончарова, в первом замужестве – Пушкина. – Прим. ред.), Александре Петровне Араповой, и пришла мысль заказать портрет родственника. Сын Пушкина пробыл в Петербурге всего три дня, но все-таки нашел время для позирования. Взяться за срочную работу Арапова попросила малоизвестного тогда живописца, вольного слушателя Академии художеств Федота Сычкова. Примерно в то же время Сычков по просьбе Араповых снял копии с портретов Натальи Николаевны Ланской. Один – с акварели Владимира Гау, второй – с акварели архитектора Александра Брюллова, брата знаменитого живописца. Причем в последней копии в портрет была внесена поправка: Наталья Николаевна была написана не с русыми волосами, как на оригинале, а брюнеткой. Об этом живописца попросили дети Натальи Николаевны, такой они ее помнили...

Эта история, рассказанная самим Сычковым, была опубликована в газете «Красная Мордовия» в 1937 году. Художник добавил, что отказался от этого срочного заказа Араповых он не мог. Ведь именно этой семье он был обязан тем, что из далекого села Кочелаево Наровчатовского уезда Пензенской губернии приехал учиться в Санкт-Петербург.

Как-то владелец поместья Воскресенская Лашма генерал Иван Андреевич Арапов увидел у уездного исправника портрет. Тот решил похвастаться перед гостем: вот, мол, как хорошо изобразил его паренек из Кочелаева. Генерал не поверил: что за самоучка объявился в селе, расположенном всего в 14 верстах от его имения? Деревенского художника немедленно доставили к генералу, который



Сычков и сам выступал когда-то в роли одного из героев своей картины «Христославы»

велел Федоту Сычкову написать его портрет. Тот справился всего за несколько сеансов. Генерал был удивлен скоростью и качеством работы.

Незадолго до встречи с Сычковым Арапов принимал участие в закладке станции железной дороги, которая должна была пройти по его землям. И генерал решился на эксперимент. Он предложил самоучке сделку: если Федот возьмется по рассказам и фотографиям написать многофигурную картину на сюжет закладки станции и справится с работой, то генерал выхлопочет ему обучение в Санкт-Петербурге. Федоту Сычкову, родившемуся в 1870 году,

тогда было 22 года. Семья его состояла из отца-булака, двух сестер и больной матери. Учился он ремеслу в иконописных артелях, затем писал на заказ иконы и портреты в родном селе. Но тут работа была иная. Надо было изобразить около 400 персонажей, присутствовавших на закладке станции. И в первую очередь генерала, конечно. Федот согласился.

Через два с половиной месяца Арапов отвез готовую картину в Петербург и показал ее директору Рисовальной школы Общества поощрения художников Евгению Сабанееву. Тот согласился зачислить «кочелаевского Рафаэля», как его прозвал Ара-



Покровители живописца:  
генерал-лейтенант  
И.А. Арапов  
и его супруга  
А.П. Ланская



пов, в число учеников. В товарном вагоне с 8 лошадьми Сычков прибыл в Санкт-Петербург и вместе с конюхами и кучерами поселился в подвале дома своего благодетеля, на Караванной улице. Шесть курсов Рисовальной школы талантливый самородок окончил за три года и стал вольнослушателем в Академии художеств.

В петербургском доме Арапова Федот познакомился со своим кумиром – Ильей Репиным. Вновь он встретился с ним на испытаниях при поступлении в академию. Репин узнал Сычкова и поинтересовался, много ли тот читает. Тот ответил, что времени не хватает. Репин посоветовал все же находить время на книги. Этюд Сычкова мастер одобрил и дал совет, который художник помнил до конца жизни и привел в своей «Автобиографии»: «Картине невозможно существовать, если в ней не отражен внутренний мир человека, его духовное лицо...»

В годы учёбы в Академии художеств Сычков не раз бывал в квартире Репина. Только скромность помешала ему напротивиться в мастерскую великого художника. Илья Ефимович посоветовал Федоту записаться в мастерскую батальной живописи Николая Дмитриевича Кузнецова. После Кузнецова мастерскую батальной живописи возглавил Павел Осипович Ковалевский, у которого Сычков окончил обучение.

Для своей выпускной работы воспитанник мастерской батальной живописи вполне предсказуемо выбрал сюжет, связанный с военной темой: на завалинке избы сидит деревенский подросток с письмом в руках, а вокруг него собралась толпа народа. Это картина «Вести с войны». 2 ноября 1900 года совет Императорской Академии художеств присудил Сычкову звание художника живописи, правда, без выдачи диплома: сказалось отсутствие образовательного ценза, ведь Федот окончил только три класса земской школы. Однако это не мешало художнику



выставляться на ежегодных выставках академии и даже шесть лет подряд получать премии за работы в бытовом жанре. Работы Сычкова высоко оценивал Илья Репин, написавший в записке молодому коллеге, что «Сычков – хороший живописец». Записку эту Федот Васильевич берег как самый ценный и не подлежащий сомнению документ, подтверждающий его творческую зрелость и право называться художником.



Федот Сычков на автопортрете 1899 года выглядит завидным женихом

## ПЕВЕЦ ДЕРЕВЕНСКОГО БЫТА

С автопортрета Федота Сычкова 1899 года на зрителя смотрит респектабельный молодой человек в черной тройке. Темные, глубоко посаженные глаза, ухоженные усы, высокий воротник белоснежной сорочки подвязан галстуком-бабочкой. Так и не скажешь, что на полотне изображен выходец из крестьянской семьи. Скорее, петербургский франт.

Федот с товарищами снимает квартиру на Васильевском острове. На жизнь он зарабатывает, исполняя частные заказы на портреты, которые ему помогает найти генерал Арапов. Из-за скорости и качества работы Сычков постепенно входит в число модных салонных портретистов, он пишет портреты министров и чиновников. А вот многочисленную родню генерала Арапова он писал совершенно бесплатно.

К петербургскому периоду относится и знакомство Сычкова с Владимиром Гиляровским, о чем он рассказывает в своей «Автобиографии». Познакомил их все тот же Арапов, к которому известный московский журналист приехал, чтобы взглянуть на знаменитые генеральские конюшни. Генерал рассказал Гиляровскому о своем протеже, а московский репортер дал живописцу совет: «Господ – не пишите. Для них и без вас художников много. А вы всем народу обязаны... Так что о нем вам и нужно говорить».

В 1903 году Сычков женился на Лидии Васильевне Анкудиновой, дочери состоятельных родителей. Она изображена на картинах «Женский портрет» и «Портрет в черном». Весной-осенью 1908 года Сычковы отправились в путешествие по Европе, побывали в Италии, Франции, Германии, откуда художник привез этюды пейзажей. Правда, позже, когда заходил разговор о его итальянских работах, отмахивался: «Развалины древнего Рима... Нет, это не сычковский жанр!»

Картины, изображающие забавы деревенской молодежи, Сычков начал писать еще до революции. Одной из первых таких работ и стало полотно «С гор» (1910), получившее несколько наград. В угоду вкусам публики Сычков пишет крестьянских девушек, наряженных в яркие сарафаны и принимающих кокетливые позы. Эти отмеченные оттенком сладости картинки выходили в виде открыток: молодому художнику были нужны деньги. Но Петербург его все больше тяготит, он отказывается от заказов на портреты, начинает избегать своего благодетеля Арапова и все чаще уезжает в Кочелаево. А вернувшись оттуда, повторяет жене: «В Петербурге я ничего не напишу. Даже темы себе не подберу!» Зато в Кочелаеве он писал не переставая.

Любимая тема Сычкова – быт русского села – в начале XX столетия была весьма популярна в обществе, а потому еще до открытия выставок картины Федота Васильевича нередко бывали уже распроданы. Открытки с репродукциями картин Сычкова расходились большими тиражами. Лидия Васильевна вспоминала, что нередко другие художники не хотели, чтобы на выставках их картины висели рядом с яркими и жизнерадостными работами Сычкова. Посетители отвлекались на них, а на висящие по соседству полотна уже не обращали внимания.

Увы, о большинстве картин Сычкова, написанных до 1917 года, мы можем судить только по цветным открыткам и репродукциям в журналах «Нива», «Родина», «Солнце России», «Огонек». Сегодня неизвестно, где они хранятся и хранятся ли вообще. «Ты там запрети: русские эмигранты с твоих открыток здесь пишут картины», – писал в Кочелаево из Европы в 1930-е годы друг Сычкова, ученик Репина художник Константин Вещилов, женатый на племяннице Лидии Васильевны. Он эмигрировал после революции и присыпал Сычкову посылки с красками из Ниццы, из



Мастеру особенно удавались яркие, праздничные полотна. Фрагмент картины «Колхозный базар». 1936 год

Парижа, потом из Нью-Йорка. Он сообщал другу в Кочелаеве о выставках, в том числе и о том, что в залах парижской Галереи Жоржа Пти, привычных к пронизанной светом живописи импрессионистов, имеют успех и картины Сычкова, которые Федот Васильевич отправлял в Париж еще в 1920-е годы. Вещилов звал Сычкова в Париж,

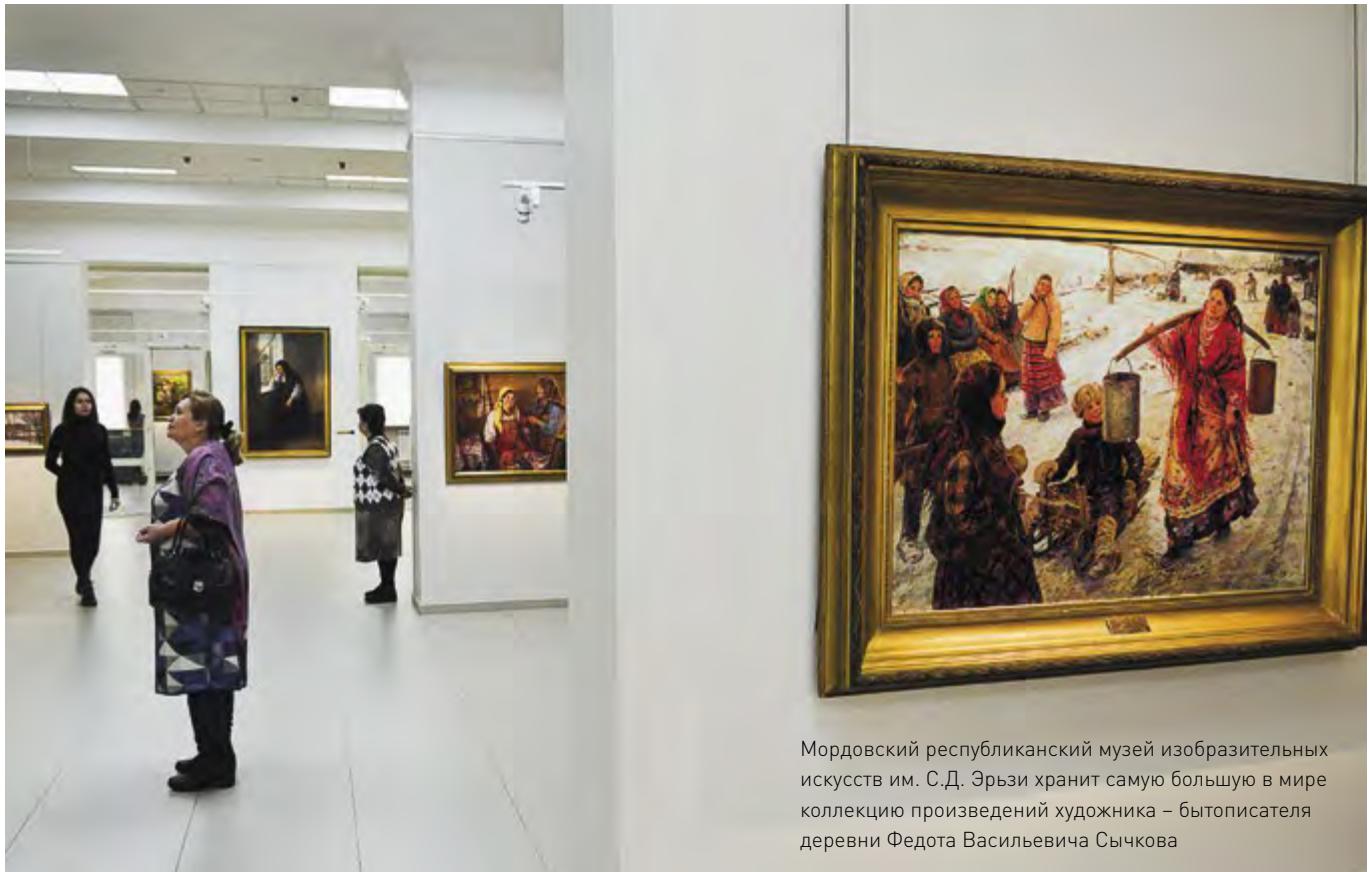
уговаривал эмигрировать, расписывая удобства своей мастерской, окна которой выходили на Сену. «Париж большой – места на всех хватит... Только уже не придется ни о чем думать, кроме как о французской живописи, а коровы и куры – это уж попрощаться навсегда». Единственное, в чем Сычков завидовал другу, – это электрическое освещение в мастерской. В родное село художника электричество провели только после Великой Отечественной войны. Так что в своей мастерской в Кочелаеве художник оборудовал стеклянный фонарь в половину крыши. Жители села не могли надивиться на это сооружение.

### СКРОМНЫЙ ХУДОЖНИК

Земляки художника считают, что Федот Васильевич сделал правильный выбор, отказавшись от предложения Вещилова. Вряд ли он смог бы писать картины, если бы не жил в родном селе. Живописец хорошо знал всю округу. Любил гулять до речки Сейтымы, что течет неподалеку от Кочелаева. Возможно, там он и писал с натуры «Трудный переход», который, как и картины зимних катаний, является визитной карточкой художника. Вовремя Великой Отечественной Сычков почти ничего не писал.



На картине «Женщина с ребенком» 1903 года сестра художника



Только в 1943 году появилось полотно «В фонд обороны»: по зимней улице растянулся длинный обоз...

После Победы на полотна художника возвращаются привычные яркие краски и радостные персонажи. Вот как на «Празднике в колхозе», эту картину приобрел для своей жены посол США в СССР Джозеф Дэвис.

А одной из последних больших работ Сычкова стала «Встреча героя» (1952). Работал над ней он пять лет и посвятил долгожданному возвращению людей к мирному труду. Главного героя этой картины Сычков писал с военного летчика, Героя Советского Союза Семена Полежаева. Тот приехал в Кочелаево, чтобы позировать Федоту Васильевичу, и был поражен тем, в каких скромных условиях живет живописец.

...Дом-музей Федота Сычкова в Кочелаеве открыли к 100-летнему юбилею художника – 11 марта 1970 года. Планировка и внутреннее убранство восстановлены по воспоминаниям

Лидии Васильевны, фотографиям и письмам. Правда, при жизни художника изба выглядела гораздо скромнее.

Художник редко бывал дома, почти все время проводил на природе. Любил зиму, любил работать на морозе. Детвора ходила за ним турьбой. Подглядывала даже тогда, когда он копался в огороде, ребята напрашивав-

Памятник живописцу в его родном Кочелаеве



лись попить воды из колодца. Без яблок из своего сада он маленьких гостей не отпускал. Дорогу к Дому-музею Сычкова нам показывал Геннадий Устькин, художник из Ковылкина. Так теперь называется та самая железнодорожная станция, которую закладывал генерал Арапов. Ее переименовали сразу после революции. Сейчас в зале ожидания станции висит большой портрет генерала Арапова, который написал и подарил вокзалу Геннадий Устькин. С Федотом Сычковым у Геннадия Устькина связана своя история. В 1970-е годы он учился в школе-интернате Кочелаева, где и увлекся рисованием. В Дом-музей Сычкова бегал постоянно, часами рассматривал картины художника. Тогда там висели подлинники, позже переданные в саранский Музей изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи. А к 150-летнему юбилею Сычкова Геннадий написал полотно, на котором Сычков показан за работой. Для дома-музея художника.



# ЦАРЬГРАД НА КОКШАГЕ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

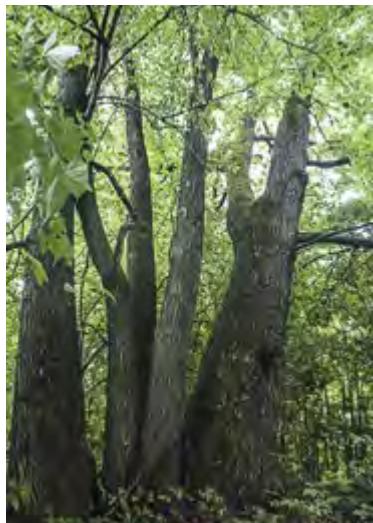
НА ОКРАИНЕ ЙОШКАР-ОЛЫ СОХРАНИЛАСЬ РЕЛИКОВАЯ ДУБОВАЯ РОЩА. В ЯЗЫЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА ОНА БЫЛА СВЯЩЕННОЙ ДЛЯ МАРИЙЦЕВ. СЕЙЧАС ОСОБОЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ У ПРИВЕРЖЕНЦЕВ НЕОЯЗЫЧЕСТВА ОНА НЕ ПОЛЬЗУЕТСЯ. И ВСЕ ЖЕ Я РЕШИЛ СВЕРНУТЬ В РОЩУ. НЕ ПРОЕЗЖАТЬ ЖЕ МИМО, РАЗ ЗДЕСЬ ОКАЗАЛСЯ, НЕ НА ОБРЯДЫ, ТАК НА ДУБЫ ПОСМОТРЮ.

**Н**АДЕЛЕ РОЩА ОКАЗАлась огромным лесом в пойме реки Малая Кокшага. Через километр ухабистая лесная дорога уперлась в забор с воротами. Номер телефона, написанный на заборе, надо полагать, был ключиком к большому замку на воротах. Позвонил. Строгая женщина ответила: точно так, я в священной дубовой роще и даже могу успеть на обрядовую трапезу, которая пройдет сегодня по случаю марийского праздника. На просьбу провести меня к месту действия последовал неласковый ответ: «Я – не экскурсовод, я за дачи отвечаю». Священные дубы и место трапезы дама предложила искать самостоятельно. Я справился насчет закрытых во-

рот. «Лезьте через забор», – посоветовала ответственная за дачи. Оставил машину, перелез через препятствие. Как назло, начался дождь. Я ускорил шаг и вскоре вышел на поляну, по периметру которой стояли старые дачные домики. Огляделся: в лес разбегалось множество тропинок... Я попетлял по лесу, но старые дубы нашел. Навес и подобие летней кухни подсказали, что до места обряда и трапезы я все-таки добрался. Увы, застал я лишь теплые угли на костровище: видимо, трапезничавших разогнал усиливающийся дождь. Попросил и я убежать от ливня. И совсем не расстроился, что на марийский праздник не попал – сейчас в Йошкар-Олу ездят не за этим.

## ЧЕРЕМИССКИЕ ВОЙНЫ И ВЕКОВОЙ МИР

История рождения Йошкар-Олы схожа с историей других городов Поволжья, основанных после завоевания Казани Иваном Грозным в 1552 году. Йошкар-Ола была основана как крепость для контроля над новыми владениями. Местное марийское население бунтовало до конца XVI века. Есть версия, что виной тому был слишком большой «ясак» – налог, который марийцы должны были выплачивать в основном пушниной. Если дело было в этом, то «трения» по поводу налога растянулись на тридцать лет, ознаменовавшихся чередой черемис-



«Куст» дубов  
в священной  
марийской роще



ских войн (в России до 1920-х годов марийцев называли черемисами. – Прим. авт.).

В 1574 году при впадении в Волгу главных рек луговых марийцев, Большой и Малой Кокшаги, был основан город-крепость Кокшайск, что несколько ослабило воинственные настроения населения. Но в 1582 году война вспыхнула с новой силой. «Бунт черемисский продолжался до конца Иоанновой жизни, – писал Николай Карамзин, – с остервенением удивительным: не имея ни сил, ни искусства для стройных битв в поле, сии дикари свирепые, озлобленные, вероятно, жестокостию царских чиновников, резались с московскими воинами на пепле жилищ своих, в лесах и в вертепах, летом и зимою – хотели независимости или смерти».

Летом 1584 года русские войска «в плавнях» пошли из Волги по Малой Кокшаге вглубь марийских земель. Восставшие были разгромлены, а в самом центре «Черемис» появился «новый Царев город». Какое-то оригинальное название основателям, видимо, на ум не пришло. Таких «Царевых городов» было на Руси немало, и, чтобы их как-то различать, черемисскую крепость стали именовать «Царев город на Кокшаге» или «Царев Кокшайский», что в итоге превратилось в Царевококшайск. Впрочем, в народе предпочитали язык не ломать и вплоть до 1920-х годов продолжали употреблять название «Царев город».

С основанием города на Малой Кокшаге черемисские войны прекратились. Новый царь, Федор Иоаннович, договорился с черемисами о «вековом мире».

## ОТ «ЧУВАШСКОЙ ДЫРЫ» ДО АМСТЕРДАМА

Царевококшайск имел стратегическое значение только в первое десятилетие своего существования, так и не став значительным городом. Сказалась удаленность от важной транспортной артерии – Волги. Центром развития марийских земель стал Козьмодемьянск, стоящий на левом берегу Волги. До начала XX века Царевококшайск считался захолустьем. Через запятую, среди прочих, ничем не отличавшихся друг от друга уездных городков, Царевококшайск упомянул Гоголь в «Мертвых душах». Салтыков-Щедрин отзывался о городе как о «чувашской дыре». Историк и эт-

ограф Валентин Мошков в 1901 году писал, что город, скорее, похож на деревню и всякий «интеллигент», застрявший в Царевококшайске, воспринимает это как «божье наказание». Культурной жизни – никакой, мостовых нет, доски, перекинутые через канавы, местами сломаны, так что в темноте немудрено угодить в яму. Но до этого никому нет дела – после захода солнца на улицу здесь не выходят. Распоряжение городских властей высаживать деревья возле домов жители саботируют: по их мнению, всякие «озеленения» им ни к чему. Базарная площадь оживает только два раза в неделю. В остальное время торговцы от скуки дуются в шашки. Справедливости ради нужно сказать, что Мошков сгущал краски. Некую «богооставленность» Царевококшайска чувствовали и отцы города. Потому пытались преобразить его жизнь за счет об

разованности населения: строили школы, привлекали хороших учителей – до революции 1917 года преподаватели были самыми высокооплачиваемыми служащими в городе. Так что по итогам переписи 1897 года Царевококшайск занял первое место в губернии по уровню грамотности населения, обогнав даже Казань. Грамотой в Царевококшайске владели 60,9 процента населения!

Со временем Мошкова много воды утекло. За прошедшие 120 лет захолустный Царевококшайск переродился дважды. В Советской России городок неожиданно стал главным городом марийцев. Когда в 1920-м образовывалась Марийская автономия, ее столицей стал не самый развитый и населенный Козьмодемьянск, а Царевококшайск, переименованный еще в 1919 году в Краснококшайск. В Козьмодемьянске тогда проживало около 7 тысяч человек, в Царевококшайске – немногим более 2 тысяч человек. Все же выбор пал на «Царев град». Положение города в географическом центре марийских земель сыграло решающую роль. А в 1928 году название перевели на марийский язык: «Йошкар-Ола» означает «Красный Город». В наше вре-





мя горожане любят говорить, что «красный» – это в смысле «красивый». Вполне заслуженно. Такой «ярко-красный» кричащий город. Правда, такой новая столица стала не сразу. В довоенный период по уровню развития Йошкар-Ола по-прежнему отставала от Козьмодемьянска. Только после Великой Отечественной войны, когда было решено оставить в городе несколько крупных эвакуированных заводов, город получил мощный стимул для индустриального развития...

Еще одно перерождение города произошло недавно и связано с его историческим центром. Каких-нибудь десять-пятнадцать лет назад можно было проскочить центр Йошкар-Олы, даже не заметив его. Сейчас эта часть города впечатляет. Правда, не историческим наследием, а обилием новодела и псевдокопий. На заросших ивняком берегах Малой Кокшаги выросли маленькие копии европейских столиц. «Теперь, – шутят горожане, – мы после работы можем прогуляться по Амстердаму и Брюгге».

Дом купца  
Пчелина – самый  
старый и самый  
легендарный  
дом Йошкар-Олы

Михаил Рыбаков  
у входа  
в городской  
музей

### «ВАНЬКИН ПРАЗДНИК» И ПОДЗЕМНЫЕ ХОДЫ

Показать мне исторический центр города любезно согласился научный сотрудник Музея истории города Йошкар-Олы Михаил Андреевич Рыбаков. Почти вся старина сконцентрирована на улице Вознесенской. На ней же стоят четыре больших каменных храма. Этот

факт в дореволюционные времена удивлял приезжих. Царевококшайск был хоть и небольшим городом, но все-таки не в одну улицу. Получалось, что все каменные храмы, за исключением кладбищенского, стояли довольно кучно.

В советские времена улица носила имя Карла Маркса и ни одной церкви на ней не осталось. Лишь у Вознесенского собора уцелели стены нижнего яруса, этот храм восстановили в 1990-е, так что он уже успел немного состариться. Остальные церкви отстроили в последнее десятилетие.

К комплексу Вознесенского собора примыкает самое старое здание города – дом купца Пчелина, построенный в первой половине XVIII века. Иван Андреевич Пчелин долгое время был единственным купцом первой гильдии в городе, стал самым успешным предпринимателем и одновременно самой легендарной личностью. В народе к успехам «Ваньки Пчелина» относились с подозрением. Молва полнилась историями о Ваньке-





разбойнике, Ваньке-фальшивомонетчике, его называли колдуном и судачили, что знается купец с чертом. Само собой, шли слухи о сокровищах, невольниках, кладах и подземных ходах, ведущих из дома Пчелина за город. Легенды эти уживались с рассказами о богообоязненности Пчелина. Кстати, Вознесенский собор, первый каменный храм в городе, был построен на деньги загадочного купца. В праздник Вознесения Господня Иван Пчелин непременно устраивал пир, приглашал всех горожан и крестьян из соседних деревень. Пир горожане называли «Ванькиным праздником»...

Странное трехэтажное здание через дорогу напротив дома Пчелина – тоже детище знаменитого купца. Участь дома не завидная. Пчелин в нем никогда не жил. В советское время дому надстроили третий этаж, а сейчас выкрасили в веселые малиново-желтые цвета. Поговаривали, будто оба купеческих дома соединяет подземный ход. В 1959 году проход вдруг от-

крылся прямо под дорогой – в него провалился городской автобус. В подземелье пытались проникнуть местные энтузиасты-краеведы. Говорили, что некий проход в самом деле имеется, но в аварийном состоянии иходить по нему опасно. От греха подальше власти засыпали провал без каких-либо серьезных исследований.

Железнодорожный вокзал появился только в декабре 1927 года – какая же столица без вокзала?

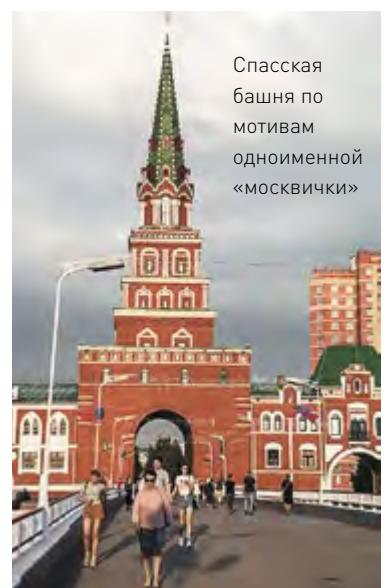
«Невезучий» дом купца Пчелина



## ЮНЫЙ КРЕМЛЬ

Идем дальше по Вознесенской, переходим главный городской проспект – в этой части он называется... Царьградским. Местная топонимика удивит кого угодно. Название это новое, остальные части этой улицы называются Красноармейской и Воинов-Интернационалистов. Поводов для фантасмагорий сколько угодно: например, «красноармейцы-интернационалисты пошли на Стамбул». Проспекту, конечно, более подходит имя Царевогородский, но Царьград звучит куда величественнее – пускай и на Кокшаге.

За проспектом стоят комплексы трех храмов: Воскресенского, Троицкого, Входоиерусалимского. Все хоть и новострой, а сделано на совесть. Расположенный здесь же кремль на старину тоже не претендует. Горожане гордятся, что у них самый молодой кремль в стране. Построен он в 2009 году из красного кирпича. Внутри – пустовато. В углу – Покровская часовня, напоминающая башню, остальное пространство занимают выложенные плиткой дорожки и площадь, газон, фигурные фонари, лавочки, несколько разнокалиберных пушек. До недавнего времени здесь стоял памятник царю Федору Иоанновичу, по указу которого был



Спасская башня по мотивам одноименной «москвички»



«Полукаменный» особняк  
купца Наумова

основан город. Это был единственный в стране памятник в полный рост «Блаженному» царю. Но из кремля его «выселили» на Воскресенскую набережную. Отчего – никто толком не знает. Памятник, кстати, хороший, выразительный.

Кремль стоит на месте первого острога. Что называли кремлем в средневековом Царевококшайске – большой вопрос. Некоторые летописи выделяют «городы, кремель и острог», в других о кремле – ни слова. Например, «в прошлых и давних годах город и острог во льею Божьему выгорел». Кое-что от пожара конца XVII века все же сохранилось. Перед строительством нового кремля археологи исследовали место, обнаружили керамические изразцы, которыми обкладывали печи в домах знати. Везли эти украшения из Москвы на возах.

В XVIII–XX веках на этом месте располагались базарная площадь, лавки торговцев, проходили ярмарки. Сейчас кремль – площадка для выставок, концертов и прочих массовых культурно-развлекательных мероприятий.



### «ДОМ С ВЫХОДОМ В ВЕЧНОСТЬ»

Контраст новеньkim стенам кремля составляют четыре старых здания – наверное, самые примечательные сооружения дореволюционной поры. Все они – просторные купеческие особняки. В доме лесопромышленника Трофима Чулкова находится Музей истории города. «Полукаменный» особняк купца Наумова прославился тем, что здесь в 1920-е годы располага-

лась первая городская типография, где впервые стали печатать издания на марийском языке. С момента появления письменности у марийцев и до выхода первой книги на марийском языке прошло около двух веков. А то, что было в особняке при самом Наумове, видно и сейчас: первый, каменный этаж с полукруглыми окнами занимали лавки и трактир, на втором, резном деревянном, жила купеческая семья.





Через Кремлевскую улицу от «полукаменного» особняка – дом купца Булыгина с помпезными колоннами. В сталинские времена в нем располагался НКВД, здесь велись допросы, расстреливали в подвалах. В 1990-е годы силами общественности в доме Булыгина открылся Народный музей истории ГУЛАГа. В народе особняк называли «Домом с выходом в вечность» и «Марийской Голгофой». Музей работал двадцать лет, сейчас закрыт: в здании

идет ремонт, где музей возобновит работу и возобновит ли вообще – неизвестно. Энтузиастов, готовых заниматься музеем, нет, да и выставка ужасов истории сейчас явно не к месту в новом пряничном «Красном Городе»...

Выстроенные массивные стены и башни, окружающие церковь Входа Господня в Иерусалим, это проект восстановления Богоодище-Сергиевского Черемисского монастыря. В свое время эта женская обитель занимала про-

«Дом с выходом в вечность» замер в ожидании определения своего будущего

странство, несравненно большее нынешних белокаменных стен. Сейчас расстраиваться особенно некуда, да и то, что восстановили, упирается в четырехэтажные многоквартирные дома. В их дворах сохранились два деревянных монастырских дома – келейный корпус и покой настоятельницы. Жизнь последней хозяйки монастыря, игумении Серафимы, закончилась трагично. После революции 1917 года она пыталась спасти монастырскую казну, отправившись со всеми деньгами в Казань. В пути ее ограбили и убили...

Шел я по тропинке к бывшему игуменскому дому, размышляя, что же там сейчас можно встретить. Может, памятную доску на очередном «Доме в вечность», а может, монашеская жизнь возрождается? И тут мне навстречу из-за кустов вышли... индусы! Три парня и девушка оказались студентами местного медицинского института. Вышли погулять во двор, покачаться на качелях. Рассказали, что их соплеменников в городе немало, учатся в основном по медицинской части.

Кстати, первая общественная больница появилась в Йошкар-Оле в середине XIX века, до того горожане пользовались услугами марийских знахарей и гадателей – юзо. Впрочем, и в XX веке поднаторевшие в траволечении и костоправстве юзо продолжали пользоваться популярностью. Гадать же в городе было особым увлечением. Между прочим, «гадательный дар» открылся у 12-летнего Ролана Быкова, жившего в Йошкар-Оле в эвакуации во время Великой Отечественной войны. Гаданием промышляла бабушка Ролана. Однажды Ролан сказал пришедшей на сеанс женщине, что ее муж явится через три дня. Супруг был на фронте, и его появление казалось невероятным. Но предсказание сбылось. К Ролану потянулись страждущие узнать будущее. Пока в подростке не разочаровались, он успел подзаработать. Деньги пустил не на развитие «дара», а на покупку пистолета – чтобы убить Гитлера.



В начале XX века жизнь здесь была похожа на деревенскую. Экспозиция Музея истории города



## ВЕНЕЦИЯ, «ЙОШКИН КОТ»!

При пересечении улицы Вознесенской с Ленинским проспектом сворачиваю на последний. Нужно пройти всего 500 метров до самого экзотического здания эпохи советского конструктивизма. Старое здание Марийского государственного университета построено в 1936 году по проекту Александра Гринберга. По проекту, здание в плане должно напоминать самолет: архитектура отразила общее увлечение авиацией в те годы... и трагическую судьбу знаменитой парашютистки Наты Бабушкиной, разбившейся в Йошкар-Оле.

У «самолета» не пройти мимо авангарда современного – скульптуры «Йошкин кот». Посидеть на лавочке с вальяжным котом – это уже традиция у туристов. «Йошкин кот» продвигается как неформальный символ Йошкар-Олы, хотя понятно, что ничего общего этот спутник Бабы-яги с городом не имеет. И вообще-то «имя» кота пишется через «ё».

Кот с ухмылочкой предлагает прогуляться дальше, указывая направление лапой – на соседнюю площадь первого воеводы города, Оболенского-Ноготкова.

Венецианский штрих в образе города – псевдокопия площади Сан-Марко и Дворца дожей

Основное здание здесь – Национальная художественная галерея, скопированная с Дворца дожей в Венеции. Памятник воеводе здесь тоже имеется. А также копия московской Царь-пушки и памятник священномученику Леониду, епископу Марийскому. Часы на «венецианском дворце» каждый час показывают кукольное представление о спасении иконы Божией Матери «Троеручица». Чумовая эклектика, скажете? То ли еще будет!

Приезжих в городе много. Йошкар-Ола – популярнейшее место отдыха не только жителей Марий Эл, сюда едут также из Нижегородской области, Татар-

стана, Чувашии. Еще бы, ведь здесь в одном месте можно увидеть миниатюрные копии известных зданий Москвы, Петербурга, Амстердама, Брюгге, Венеции, Баварии... Европейские достопримечательности появились на месте самого злачного места в центре города – заросших болотистых берегов Малой Кокшаги. Масштабы поражают! За каких-нибудь десять лет 6 километров набережных и прилегающей территории застроили разнообразной европейской архитектурой. Новодел новоделом, да занятный, откровенно-кича незаметно, прогуляться приятно...

Старое здание университета. Сквер Наты Бабушкиной с памятником парашютистке – напротив, через Ленинский проспект





На лодочной станции имеется специальная ладья для молодоженов

## МЕДИЧИ, РЕМБРАНДТ И АЛЕКСАНДР КОТОМКИН

С Вознесенской сворачиваю к Благовещенской башне, выполненной по мотивам Спасской башни Московского Кремля. Куранты здесь также имеются. Проход сквозь башню свободный. Затрудняют его только гуляющие, делающие селфи, и уличные музыканты – под сводами башни джаз исполняют на настоящем фортепиано. За башней – площадь Республики и Пресвятой Девы Марии. Исключительно оригинальное здесь только название. В Благовещенском соборе легко угадываются черты храма Спаса на Крови в Петербурге, скульптура архангела Гавриила в фонтане напоминает ангела с Александрийского столпа. С одной стороны собора разбит Итальянский парк, с другой располагается Архангельская Слобода – полтора десятка отдельно стоящих домиков со шпилями в западноевропейском стиле. В центре парка гуляющих встречает памятник Лоренцо Медичи Великолепному – главе Флорентийской республики в эпоху Возрождения, по-

кровителю наук и искусств. У ног его сидит лев, над головой – муз с развернутым свитком, на котором выведены принципы правления Медичи: «Польза отечеству, ве-

Александр Котомкин на постаменте запечатлен таким, каким он покинул Царевококшайск



личие семейства, процветание искусства». Написано на латыни. Флорентиец да разумеет! А прочие – соединяйте надпись под памятником с информационным плакатом по соседству, иначе не разобраться, что здесь к чему.

Набережная Амстердам южнее Благовещенского собора совсем короткая – около 200 метров. С одной стороны она ограничена памятником Гоголю, с другой – скульптурной композицией «Пушкин и Онегин». Из «голландского» здесь только два здания и памятник Рембрандту.

Среди памятников есть совершенно удивительный: бронзовая скульптура Александра Ефимовича Котомкина. «Русский поэт, известный гуслист-складатель, знаменитый царевококшайец» – гласит надпись на монументе. Котомкин был участником Первой мировой войны, затем – Белого движения; выдержал Ледяной поход, в 1920 году с женой эмигрировал в Европу. Там-то Александр Котомкин и преобразился в «гуслист-складателя», распевающего старинные былины и свои стихи под гусли. Ездил с концертами по Европе, пока в 1940 году не был арестован нацистами и отправлен в лагерь в Дании. В 1945 году его оттуда вызволила бывшая фрейлина императрицы Марии Федоровны Гертруда фон Пойзель. Помогла восстановиться в своем имении под Гамбургом. В 1954 году жена и дочь Котомкина вернулись на родину, сам же бывший царский офицер с советской действительностью примириться никак не мог. Так до старости и ходил с гуслями по Гамбургу, зарабатывал как уличный музыкант. Все более погружался в «Древнюю Русь», даже внешне стал похож на эдакого Баяна: русская рубаха, длинная борода, затуманенный взгляд. Со скульптурой в Йошкар-Оле этот образ несопоставим: бронзовый Котомкин в мундире, с шашкой и орденами на груди.

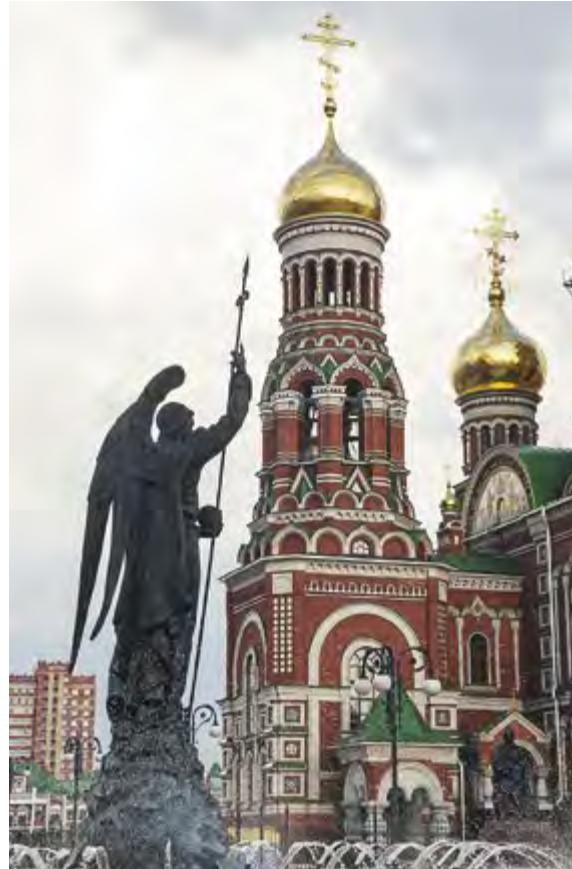
**КОНТРАСТЫ БРЮГГЕ**

В отличие от набережной Амстердам набережная Брюгге, что на противоположном берегу реки, длинная и стильная, тянется несколько сотен метров сплошной цепью домов в фландрском стиле. Рекламных вывесок на домах, слава богу, нет. А все-таки интересно: кто же в этих амстердамах и брюгге живет? «Квартиранты» здесь очень разные. Министерства, музеи, театры, магазины, рестораны, элитные школы, частные квартиры, МФЦ, поликлиника. Гостиниц, как ни странно, нет. Впрочем, полное заселение импозантных набережных еще впереди, пока не все здания отданы изнутри.

У Театрального моста, соединяющего Благовещенский собор с набережной Брюгге, никакого театра нет. Здесь – Дворец бракосочетания в неоготическом стиле. У входа стоит «пример» для молодоженов: скульптура князя Монако Рене III и актрисы Грейс Келли. И никаких разъяснений. Предполагается, видимо, что молодежь сама найдет в смартфоне историю этой «свадьбы века».

Не по вкусу западноевропейская любовь? Ладно. На другом конце Брюгге стоят традиционные Петр и Феврония. Медная ладья под ногами святых пустая – место оставлено для молодых: сфотографироваться, почувствовать себя, так сказать, в одной лодке.

В районе Патриаршей площади смешение разных пространств и сущностей зашкаливает. Огибает площадь все та же Брюгге, на площади – памятник Патриарху Московскому Алексию II, часовня, кукольный театр, выстроенный по мотивам замка Нойшванштайн в Баварии. По соседству – реплика замка Шереметева в поселке Юрино, одной из главных достопримечательностей Марий Эл. С одной стороны «шереметевского замка» – гипермаркет, с другой – ресторан и марийская телерадиокомпания. Сам замок украшает динамическая скульптурная композиция



Архангел  
Гавриил  
в фонтане  
у Благовещен-  
ского собора

Марийским  
национальным  
узорам также  
нашлось место  
на Патриаршей  
площади  
набережной  
Брюгге

«Вход Господень в Иерусалим». Раз в три часа раздается колокольный звон, небольшие врата на фасаде замка отворяются, и на балконе появляется Иисус Христос верхом на «осляти»; за ним идут 12 апостолов. Действие происходит размежено, под протяжное песнопение «Да молчит всяка плоть человечка». Балкон фигуры проходит примерно за 7 минут. Правда, наблюдать за динамической композицией мешала рок-музыка, долетавшая из кремля.

**НОЧНАЯ КРУГОВАЯ**

В кремле проходил Фестиваль этно-групп и национальных ВИА. Сочетание вполне в духе йошкар-олинской архитектуры. В первые три часа фестиваля на сцену выходили местные рок-группы. Колотили что есть мочи – грохотало по всему Брюгге. Народные марийские коллективы выступали ближе к ночи. Темнело стремительно. Подсветка на фестивале почему-то не была предусмотрена. Зрители сами сообразили: стали освещать выступающих фонариками телефонов.

Оказалось, марийцы – большие любители потанцевать. Вместе с выступающими активно плясали и зрители! Тучи над кремлем стущались, танцевальные страсти накалялись. Когда выступления коллективов закончились, уже ничто не могло удержать зрителей: толпа повалила отплясывать вместе с «народниками» «Медведевскую круговую». Если в дубовой роще марийских традиций мне увидеть не довелось, то на фестивале очень повезло. Да и вряд ли такое веселье бывает в священных рощах...

Музыканты не расходились, продолжали зажигать на гармошке и бубнах. При этом танцующие устраивали какие-то переклички на марийском языке с музыкантами – громко и дружно, как фанаты на футбольном матче. Причем в полутиме: подсвечивать смартфонами «танцплощадку» уже было некому. Они бы, наверное, всю ночь плясали, если бы не ливень, разогнавший и музыкантов, и зрителей. ☺



# Подписывайтесь на журнал

# РусскийМир.RU

## **Во всех почтовых отделениях России:**

по каталогу агентства  
«Книга-Сервис» – «Объединенный  
каталог. Прессы России.  
Газеты и журналы» –  
Подписной индекс 43310

## **В почтовых отделениях стран СНГ:**

по каталогам «Российская Пресса»  
ОАО «Агентство по распространению  
зарубежных изданий» –  
Подписной индекс 43310

## **Через интернет-подписку:**

электронный каталог  
«Прессы по подписке» от агентства  
«Книга-Сервис» на сайте [www.akc.ru](http://www.akc.ru)

## **За рубежом:**

электронный каталог  
международного агентства  
«Соотечественник» на сайте  
<http://www.sootechestvennik.agency>

электронный каталог  
ООО «Коммуникационное  
Агентство Криэйтив Сервис Бэнд»  
на сайте <https://periodicals.ru>

## **Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):**

электронный каталог  
«Прессы по подписке» от агентства  
«Книга-Сервис» на сайте  
[www.akc.ru](http://www.akc.ru)

**По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине**  
**тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)**  
**e-mail: [grishina@russkiymir.ru](mailto:grishina@russkiymir.ru)**

**Читайте журнал на сайте**  
**<https://rusmir.media>**



## ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2  
[www.russkiymir.ru](http://www.russkiymir.ru)